

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

На правах рукописи

БАРОНОВА Маргарита Олеговна

**ДИАЛЕКТИКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
И ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОЙ
ЭМИГРАЦИИ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ»**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
Китов Юрий Валентинович,
доктор философских наук, профессор

Москва
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
Ценности российской эмиграции «второй волны» в обстоятельствах времени	26
1.1 «Вторая волна» российской эмиграции: генезис и культурно-историческая динамика	26
1.2 Мировоззрение и повседневность как экзистенциальные факторы российской эмиграции «второй волны»	59
ГЛАВА 2	
Ценности российской эмиграции «второй волны» в автобиографической составляющей литературного наследия.....	86
2.1 Автобиографический хронотоп как способ выражения диалектики обстоятельств и ценностей	86
2.2 Идеино-ценностная парадигма в литературном наследии «второй волны» эмиграции и советской военной прозы: общее и особенное	112
2.3 Тенденции развития литературы «второй волны» как духовно-культурной составляющей наследия России	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	156
ПРИЛОЖЕНИЕ	
«Раритетные издания “второй волны” эмиграции»	180

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена обращением к малоизученному в системе российского социогуманитарного знания аспекту – культурной деятельности русского зарубежья 1940–50-х гг. («второй волны» российской эмиграции), реализованной преимущественно в литературном творчестве. Эмиграция – вынужденное или добровольное переселение граждан из одной страны в другую – является одним из значимых явлений в истории XX века. Не случайным является тот факт, что культура русского зарубежья в целом представляет интерес для отечественной науки: социологов, историков, филологов, искусствоведов, культурологов. П. Ковалевский использует понятие «зарубежная Россия», подчеркивая духовную связь эмигрантов всех «волн» с Родиной. Этой же позиции придерживался и Г. Струве, отмечая, что слово «эмиграция» в обычном понимании не подходит для описания данного феномена, поэтому речь идет не об эмигрантском, а о русском зарубежном культурном наследии.

Поскольку анализ культуры русского зарубежья определен в том числе его периодизацией, а именно историческими событиями, ставшими исходными позициями и явившимися факторами российской эмиграции в разные годы XX столетия, до недавнего времени при классификации использовался хронологический принцип, исходя из которого принято выделять три «волны» эмиграции: первая (рубеж 1910–1920-х годов); вторая (1940-е годы); и третья (конец 1960-х – начало 1980-х годов). Рассматривая периодизацию трех «волн» российской эмиграции, нельзя не отметить, что каждая из них имела свои причины. Обращение к временным рамкам наглядно демонстрирует, что «вторая волна» эмиграции неразрывно связана с событиями Второй мировой войны и определена историей советского общества 1920–1940-х годов. В отличие от «первой» и «третьей» «волн» эмиграции, среди представителей «второй волны» было множество

вынужденных эмигрантов, оказавшихся на оккупированной немцами территории, попавших в плен или угнанных в Германию как оstarбайтеры во время Великой Отечественной войны. Людям, по тем или иным причинам, оказавшимся в это время за рубежом, особенно тяжело было осуществить свой духовно-нравственный выбор: вернуться на Родину, где их считали изменниками, или попытаться избежать репатриации и пройти через депортационные лагеря (Ди-Пи). Эта особенность позволила пересмотреть сложившееся деление писателей-эмигрантов по времени их эмиграции, и В. Агеносовым была предложена более точная формулировка: писатели Ди-Пи и послевоенной эмиграции.

Культурное наследие «второй волны» эмиграции представляет собой сложное, многогранное явление. В первую очередь, это обусловлено тем фактом, что оно сконцентрировано преимущественно на литературном творчестве, включающем художественную литературу, публицистику, мемуары, эпистолярные источники, при этом остальные сферы культурной жизни представителей эмиграции остаются практически нереализованными в связи с жизненными обстоятельствами (пребывание в лагерях для перемещенных лиц, необходимость соблюдать инкогнито за границей из-за угрозы насильственной депортации). Другим важным аспектом является то, что долгие годы в отечественной гуманитаристике наблюдалось отношение к писателям «второй волны» как к предателям, их литературное наследие долгое время подвергалось обструкции на основании того, что произведения были созданы за рубежом. Это объясняет тот факт, что данный период русского зарубежья особенно мало изучен и именно этот пласт русской литературы до сих пор почти недоступен большинству читателей на Родине, как отмечает исследователь М. Бабичева. Однако в условиях возрождения в России интереса к культурно-историческому прошлому, в период свободной публикации или поиска произведений русского зарубежья, являвшихся в течение длительного периода недоступными российскому читателю, становится актуальным изучение проблематики взаимоотношений писателей-

эмигрантов с Родиной, а также определение роли их творческой деятельности в культурном наследии России.

Актуальная культурная политика Российской Федерации предполагает ценность каждого соотечественника, независимо от места его нахождения. Если в период 1917–1990 гг. в исследованиях встречался односторонний и политизированный взгляд на изучаемый период, то начиная с 90-х годов XX века появляются официальные документы, свидетельствующие о том, что отношение к нему на Родине изменилось: постановление Президиума ВС РСФСР «О проведении Конгресса соотечественников» от 25.01.1991 г.; указ Президента РФ «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц» от 24.01.1995 г.; постановление ГД ФС РФ «О декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» от 08.12.1995 г.; Федеральный закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 г. Все эти документы определяют концепцию единого русского мира, о которой говорил В. Путин на Конгрессе российских соотечественников в 2001 году, отмечая, что понятие «русский мир» всегда выходило за географические и этнические границы России. Изменение отношения к русскому зарубежью, установление общности между русскими людьми независимо от места их проживания, концепция единого русского мира и определяют актуальность темы. Основы новой культурной политики в отношении соотечественников за рубежом были высказаны в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына в 2019 году президентом Российской Федерации, отметившим, что жизнь российской эмиграции духовно всегда неразрывно была связана с Родиной, вносила и продолжает вносить очень заметный вклад в духовную жизнь России.

Хотя творчество русского зарубежья 1940–1950-х гг. и сформировалась за границей, однако его идейным стержнем явилась тема Родины. Представляется, литературу «второй волны» эмиграции можно назвать литературой покаяния, поскольку исповедальные произведения

представителей «второй волны» становятся полифункциональными, могут быть рассмотрены как тексты культуры, тексты-послания. Взаимоотношения с родной страной не только становятся лейтмотивом творчества, мемуаров и публицистики авторов данного периода, но и формируют их как писателей: побуждают к творчеству людей, ранее не занимавшихся литературной деятельностью профессионально. Особый интерес для исследования представляет диалектика жизненных обстоятельств и нравственных ценностей в культурном (литературном) наследии «второй волны» эмиграции, поскольку для художественной деятельности важнейшим фактором выступает не только эстетическая сторона, но и нравственные вопросы. Какими бы ни были причины эмиграции, каждому человеку предстояло совершить сложный духовно-нравственный выбор: сохранить систему ценностей и принципов неизменной вопреки обстоятельствам или приспособиться к ним. Наиболее ярко и драматично этот выбор проявляется по отношению к стране, которую пришлось покинуть. Перед каждым эмигрантом неизбежно возникали вопросы: как пережить разлуку с Родиной? Можно ли не утратить с ней духовной связи? Может ли чужбина стать второй Родиной? Как относиться к родной стране, не принимая ряд аспектов ее политики? Основной нравственной проблемой творчества эмигрантов становится проблема взаимоотношений с Родиной и поведения человека в критической ситуации, «точке кризиса», то есть в военное время. Родина и Чужбина выступают для представителей «второй волны» эмиграции в качестве нравственной оппозиции. Литературные произведения при этом служат способом раскрытия и детерминации диалектики жизненных обстоятельств и нравственных ценностей их авторов, что определено исследованиями М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» и «К философии поступка», согласно которым неправомерно оценивать человека только как гносеологического субъекта.

Сравнительно-сопоставительный анализ литературного наследия русского зарубежья этого периода с «официальной» советской литературой, а

также с творческим наследием других «волн» эмиграции позволяет вывести из забвения важные культурно-исторические страницы жизни нашей страны, связанные с драматическими судьбами наших соотечественников, оказавшихся, по выражению писателя «второй волны» эмиграции Л. Ржевского (Суражевского), «между двух звезд»: если «первая» и «третья» «волны» уезжали в свободные страны Западной Европы, то «вторая волна» попала из диктатуры коммунистической в диктатуру нацистскую. Таким образом, «вторая волна» русской эмиграции, так называемые перемещенные лица, или Ди-Пи, существенно отличается от двух других эмиграций.

Представляется важным не только доказать, что культурное наследие «второй волны» эмиграции вносит вклад в русскую культуру, но и изучить судьбы субъектов русской культуры, оказавшихся вдали от Родины, в контексте причин и последствий выступления против политики родной страны, что может служить важным духовно-нравственным предостережением для потомков в актуальной социокультурной ситуации, с учетом цикличности исторических событий. Именно поэтому проблема диалектики обстоятельств и нравственных ценностей является одной из самых значимых в изучении данного периода. Как было отмечено С. Лавровым на праздновании 25-летия Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в октябре 2021 года, необходимо продолжить работу по сбору и систематизации материалов, связанных с темой эмиграции, поскольку это обеспечивает непрерывность многовековой истории нашей страны, поддерживает связь времён и поколений.

Степень научной разработанности проблемы. В изучении русского зарубежья можно выделить несколько этапов. Как отмечал А. Николукин относительно всех «волн» эмиграции, у изучения русского зарубежья имеются определенные этапы: доперестроечный, перестроечный, 1990–е годы, современность.

В 30–50-е годы XX века основополагающие труды в изучении культурного феномена русского зарубежья были опубликованы за границей.

В 1938 году в Китае вышла серия статей О. Морозовой «Культурные силы русской эмиграции», в которых подводился итог созданного зарубежной Россией за двадцать лет. В довоенное время материал о русском зарубежье собирал П. Ковалевский – автор «Исторического пути России», покинувший Россию в 1924 году и продолживший в эмиграции в Бельгии заниматься научной работой, публицистикой. К вопросу о литературном наследии зарубежья обратился Г. Струве в труде «Русская литература в изгнании», первое издание которой вышло в 1956 году в Нью-Йорке. Автор, попытавшись структурировать волны российской эмиграции, отмечал, что зарубежная литература как особая глава в истории русской литературы идет к своему неизбежному концу. Тем самым он ставил вопрос о целесообразности рассмотрения литературы русского зарубежья в контексте русской литературы в целом, а не как отдельной ее части.

Первые работы, посвященные изучению проблемы эмиграции, у нас в стране появились во второй половине 50-х годов – в 60-е годы: они были посвящены культурному наследию «первой волны» эмиграции, в частности И. Бунину, А. Куприну. Но интерес к теме русского зарубежья возрастает лишь во времена перестройки: появляется множество материалов, ранее не публиковавшихся, следствием чего становится издание выборочного указателя произведений 1986–1990 годов «Литература русского Зарубежья возвращается на Родину». Позднее, уже в 90-е годы, увидело свет пособие Г. Тарле «История российского зарубежья», в котором был проведен анализ периодизации этапов эмиграции с позиций истории мировых миграционных процессов. В 2000-е годы издаются как отдельные исследовательские работы, посвященные изучению различных аспектов истории зарубежья, например, научные труды С.С. Ипполитова «История России (российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920–1930-х гг.): учебно-методический модуль», «Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс», так и учебные издания, в которых дается последовательный анализ всех его этапов: «История отечественной эмиграции» О. Антропова, «Культурный ренессанс

Русского Зарубежья» А. Аронова, труды В. Агеносова «Литература Русского Зарубежья (1918–1996)», «История литературы Русского Зарубежья. Первая волна», «История литературы Русского Зарубежья. Вторая и третья волны», «История литературы русского зарубежья (1920-е–начало 1990-х)» под редакцией А. Авраменко. Авторы этих работ исследуют периодизацию русской эмиграции, выявляют причины и особенности каждой волны, обращают внимание на их сходство и различие.

Если обратиться к диссертационным исследованиям в области культурологии и искусствознания, посвященным русскому зарубежью, то выявляется следующая закономерность: большинство работ было написано в 2000-е годы, когда изменилось отношение к эмиграции со стороны и официальной власти, и общественного мнения в целом. В это время появилось больше материала, позволившего глубже и всестороннее изучать культуру данного периода, то есть стал открытым доступ к мемуарам, письмам, дневникам; на Родине зазвучали «забытые имена» русского зарубежья. Однако значительное количество диссертационных исследований касается представителей «первой волны» эмиграции, а «вторая волна», как говорилось выше, осталась мало изученной, так как отношение к ней до сих пор неоднозначное. Трагедии эмигрантов «второй волны» посвящена диссертация Е. Аурилене «Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е годы XX века: на примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи». Позднее были защищены диссертации, посвященные углубленному изучению творчества отдельных представителей «второй волны»: И. Чиннова и Л. Ржевского, а также издательской деятельности российской эмиграции, включая «вторую волну».

В 2000-е годы и позднее появились исследования, затрагивающие тему взаимоотношений представителей русского зарубежья с Родиной, а также анализ культурной политики России начала и середины XX века. Это работы И. Горловой, Е. Михеичевой; Л. Моисеевой; А. Ходынской; Е. Седовой. Кроме того, представляют интерес работы А. Доронченкова «Эмиграция о

национальных проблемах и судьбе России», Ю. Волошиной «Образ Родины в представлениях детей-эмигрантов в 1920-е годы». После 2000-х гг. появляются отдельные научные публикации, посвященные различным аспектам развития российского культурного наследия XX века, в том числе связанным с эмигрантским наследием: исследования А.Н. Еремеевой относительно российской культуры и роли человека и личности в годы революции и Мировой войны, труд О.В. Резник о мемороцентризме автобиографической прозы «первой волны» эмиграции.

В последние годы обращают на себя внимание труды, посвященные концепциям всеславянского единства и единого русского мира, что отражено в статьях Н.В. Николаевой «Стремление к всеславянскому единству как форма ответственности за судьбы родственных народов в христианском мировоззрении о. Иоанна Кронштадтского» и А.В. Швецовоой «Национальная идентичность как социокультурный феномен», а также научные исследования, затрагивающие проблемы сохранения и использования объектов наследия, например, статья «Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы реконструкции историко-культурного наследия» Г.В. Бакуменко и Т.В. Коваленко.

Проблемы взаимосвязи исторических событий и жизненного мира человека, нашедшие отражение в данном исследовании, базируются в том числе на актуализации данного аспекта в современной науке. Исследователь Ю. Шор в статье «Культура как переживание (Гуманитарность культуры)» размышляет о том, что эстетическое переживание является своего рода знанием, которое помогает вести диалог с читателем, так как, решая свои духовно-нравственные проблемы, писатель помогает решить их и другим. В статье Л.Н. Воеводиной, Г.А. Ермоленко, С.Б. Кожевникова «Жизненный мир человека и «карнавальная» концепция истории» подчеркивается аспект влияния характера эпохи на поступки реального исторического лица, в результате чего жизненный мир субъекта культуры при использовании эвристического подхода предстает в качестве уникальной личной истории.

Аспекту полифункциональной роли творческой личности в передаче культурного знания посвящена и статья М.М. Шибяевой «Трансформация представлений о творческой личности в отечественной эстетике». И.В. Кондаков в статье «Культурное наследие: действительное и мнимое» подчеркивает необходимость различения реципиентами художественной культуры художественности и информативности, на основании разделения которых возможно определить значимость того или иного объекта культурного наследия, отсеять спекулятивные инсинуации, связанные с ним, что напрямую касается произведений «второй волны» эмиграции, долгое время интерпретировавшихся в качестве мнимого наследия под влиянием политических реалий.

Прозе «второй волны» эмиграции посвящен библиографический труд М. Бабичевой «На чужбине писали о Родине», в котором автор оценивает прозу «второй волны» русской эмиграции как историко-культурный феномен. В книгу включены очерки, посвященные малоизвестным в России авторам. При этом автор отмечает, что, в связи с труднодоступностью произведений для массового читателя, приходится прибегать к пересказу сюжетов, приводить развернутые цитаты. Одним из тех, кто внес большой вклад в возрождение «забытых имен», является исследователь творчества «второй волны» В. Агеносов. Он подчеркивает, что писатели Ди-Пи привнесли в русскую литературу то, что не могли сказать авторы, покинувшие Россию в 1920-е годы: художественное изображение жизни русского народа при советской действительности. Отмечается и тот факт, что в творчестве писателей «второй волны» воплотился опыт Великой Отечественной войны, личные впечатления о фашистских лагерях и немецкой оккупации. Автор обращает внимание на высокую оценку, данную представителям «второй волны» И. Буниним, Г. Ивановым. Большую роль в возвращении на Родину произведений писателей «второй волны», например, Б. Ширяева, сыграл М.Г. Талалай, сотрудничая с директором издательства «Посев» Андреем Редлихом (Франкфурт-на-Майне), редактором газеты «Наша страна»

Николаем Казанцевым (Буэнос-Айрес) и добиваясь разрешения на публикацию в России. Существенный вклад в разработку проблематики русского зарубежья внесла Т.А. Пархоменко, издав многочисленные научные труды, среди которых важно отметить «Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности», «Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы».

Анализ вышеперечисленных работ позволяет сделать вывод о том, что в изучении культурного наследия русского зарубежья «второй волны» всё еще остается много лакун. По-прежнему нет единого исследовательского подхода к изучению культуры русской эмиграции XX века, кроме того, сохраняется множество предубеждений относительно данного культурно-исторического периода, связанных прежде всего с политическими и историческими реалиями, влиянием жизненных обстоятельств на духовно-нравственные ценности представителей эмиграции. Нет фундаментальных и системных исследований, касающихся влияния социально-политических и жизненных обстоятельств эмигрантов «второй волны» на их культурно-творческую реализацию. Мало исследованы типологические черты художественной литературы данного периода, большая часть произведений эмигрантов «второй волны» не подвергалась системному культурологическому и филологическому анализу. Во многом, вышеуказанные «пробелы» в научных исследованиях являются причиной распространенного, однако не подкрепленного достаточными научными обоснованиями мнения о том, что представители «второй волны» эмиграции не оставили заметного следа в культуре XX века. Раскрываемая в диссертации проблема в диалектике обстоятельств и ценностей позволяет гармонизировать представление о русском культурном процессе изучаемого периода, а значит дополнить конкретным материалом понимание «глубинной сущности каждой культуры», важность которой подчеркивает И.В. Кондаков в труде «Постижение культуры России: от менталитета – к глобалитету».

Обращение к данному пласту художественно-творческой деятельности писателей и поэтов русского зарубежья 1940–50-х гг. в данном исследовании стало первым опытом комплексного изучения их творческого наследия, что позволит восполнить пробелы в установлении историко-культурного значения этого явления в жизни нашей страны.

Проблема исследования заключается в выявлении особенностей культурного феномена «второй волны» российской эмиграции и определении его значения для отечественного культурного наследия.

Объектом исследования являются культурные основания русской эмиграции «второй волны».

Предметом исследования выступает специфика отражения жизненных обстоятельств и нравственных ценностей в литературных (книжных) памятниках культурного наследия русской эмиграции «второй волны».

Цель научного исследования – изучить культуру «второй волны» русской эмиграции как возникшее под воздействием общих исторических реалий прецедентное единство личностных жизненных обстоятельств и нравственных ценностей субъектов русской культуры за рубежом, нашедшее выражение в литературных памятниках 40–50 гг. XX столетия.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

1. Изучить генезис и культурно-историческую динамику литературного сегмента «второй волны» российской эмиграции, в том числе в сопоставлении с другими «волнами» российской эмиграции XX века.
2. Проанализировать мировоззрение и повседневность как экзистенциальные факторы жизни и литературного творчества российской эмиграции «второй волны», позволяющие предложить классификацию социального многообразия ее представителей.
3. Предложить понятие «автобиографический хронотоп» в качестве инструмента изучения жизни и творчества представителей российской эмиграции «второй волны».

4. Предпринять сравнительно-сопоставительный анализ идей и ценностей памятников литературного наследия российской эмиграции «второй волны» и советской военной литературы («лейтенантской прозы»).

5. Выявить специфику развития литературы российской эмиграции «второй волны» как составляющей русского культурного наследия.

Хронологические рамки исследования – 1940–1950-е гг. Именно в этот период ряд людей, оказавшись на оккупированной территории или попав в плен во время Великой Отечественной (Второй мировой) войны, начинает свою творческую деятельность, которая проходит территориально вдали от Родины, однако на симбиотическом уровне связана с ней как семантически, так и художественно. В рамках сопоставительного анализа мы также затрагиваем другие периоды русской эмиграции: «первую волну» (рубеж 1910–1920-х годов) и «третью волну» (конец 1960-х – начало 1980-х годов).

Территориальные границы исследования охватывают все направления, связанные с эмиграцией из России в XX веке (Китай, США, страны Европы, Аргентина), однако конкретные страны не представляют интереса для изучения в данном исследовании и объединены нами термином «Чужбина». Данное понятие сопоставляется нами с Родиной (Россией) и рассматривается как вынужденное место проживания, ассоциированное со свободой творчества, однако не удовлетворяющее духовной потребности единства писателей «второй волны» с родной страной. Географические названия помогают раскрыть дуальность образа Родины в литературе «второй волны» эмиграции.

Источниками исследования стали литературно-художественные материалы, представляющие культурное наследие «второй волны» российской эмиграции, в том числе художественная литература (произведения Л. Ржевского, С. Максимова, Г. Климова, В. Юрасова, Б. Филиппова, Т. Фесенко, В. Синкевич, И. Чиннова, Н. Моршена, И. Елагина, Ю. Иваска, И. Бушман, Б. Ширяева, В. Самарина, М. Корякова, Н. Нарокова, Р. Березова), мемуары (Т. Фесенко, И. Сабуровой, В. Синкевич, С. Голлербаха, Б. Ширяева,

Д. Левицкого, Ф. Богатырчука, Б. Двинова), публицистические работы (Н. Ульянова, О. Раевской-Хьюз, Л. Оболенской-Флам, И. Савостиной, Е. Болдыревой-Семлер, Г. Андреева), научные труды (литературоведческие работы Л. Ржевского, Ю. Большухина), иные материалы исторического, литературоведческого и культурологического характера, касающиеся российской эмиграции 1940–50-х гг., а также эмигрантские периодические издания (газеты и журналы) указанного периода. В процессе исследования были изучены редкие экземпляры изданий, ранее относившиеся к библиотечным фондам и возвращенные автором диссертации в Россию из рук частных коллекционеров Европы и Австралии.

Методология и методы исследования разработаны на основе достижений отечественной гуманитарной науки. Методологическую основу исследования составляют научные идеи М. Бахтина, И. Ильина, Ф. Степуна, Э. Гуссерля; использованы междисциплинарный, сравнительный, аксиологический, эволюционный культурно-исторический и феноменологический методы исследования.

Методологический подход к объекту и предмету исследования определен взглядами М. Бахтина на гуманитарные науки, которые имеют дело с «выразительным и говорящим» бытием. В этой связи был актуализирован системный подход, который позволил изучить литературу русского зарубежья как целостное явление в истории и культуре России, определить духовные, культурные, политико-идеологические аспекты ее становления. Причины и мотивы творчества «второй волны» эмиграции исследованы с опорой на выводы М. Бахтина, сделанные в работе «К Философии поступка» о невозможности оценивать поступки, исходя из традиционных этических норм, необходимости рассматривать поступок через понятие ответственности, связывающее субъекта с объективной культурой.

Научные выводы исследования опираются в том числе на теоретические положения Ф. Степуна и И. Ильина. Так, философ Федор Степун считал необходимым различать такие понятия, как «родина» и «отечество», что

применимо к творческому наследию «второй волны» эмиграции. Отечество для Степуна – это «меч и щит родины», неразрывно связанный с государством, а Родина – понятие многогранное, воплощающее для человека образ «своей» земли, причем тоска по Родине не зависит от того, свободна она или порабощена, от власти и политики. Сравнивая эти два понятия, Ф. Степун утверждал, что Родина важнее отечества. И. Ильин также размышлял о данных категориях, полагая, что Родина есть духовная реальность, а человеку нужна «личная духовность», чтобы постичь ее при помощи непосредственного живого опыта.

Благодаря использованию культурно-исторического метода удалось проследить влияние и глубинную взаимосвязь философии и искусства в процессе формирования историко-культурного пространства середины XX века (изучение культуры эмиграции на фоне исторических событий Великой Отечественной войны). Междисциплинарный подход позволяет существенно расширить доказательную базу исследования и рассматривать культурное пространство русского зарубежья во взаимосвязи с историческими реалиями и событиями, определившими становление литературы этого периода: Великой Отечественной войной, социально-политическими факторами, обусловившими вынужденную эмиграцию. Сравнительный метод помогает выявить определенные закономерности в изображении явлений и событий представителями советской и эмигрантской литературы. Аксиологический метод способствует раскрытию связи ценностей с культурными, социальными аспектами жизни и личностью. Эволюционный метод, применявшийся Л. Леви-Брюлем, неразрывно связан с рассмотрением динамики культурной жизни «второй волны» эмиграции, ее местом в эволюционном процессе, имеющимися противоречиями в жизни и творчестве.

Феноменологический метод Э. Гуссерля способствует исследованию человеческого поведения через понятие «жизненный мир» (*Lebenswelt*) – базиса, который определяет формы ориентации и человеческого поведения, благодаря которому человек одновременно является и субъектом, и объектом

изучения. Этот метод помогает придерживаться принципа научной объективности и историзма, опираться на ценностно-смысловые аспекты гуманитарной культурологии, анализировать произведения с опорой на художественную антропологию, синтез феноменологического и нарратологического подходов к анализу художественного произведения. Герменевтический метод, неразрывно связанный с феноменологическим, позволяет интерпретировать литературные произведения, с одной стороны, по отношению к исторической эпохе, с другой, рассматривая духовную жизнь автора, определенную этой эпохой. Таким образом, исследование текста от частного к общему и наоборот помогает созданию герменевтического круга.

Важную роль в исследовании сыграли следующие методы: диахронический (изучение особенностей образа Родины в литературе русского зарубежья в хронологической последовательности); синхронический (сопоставление и анализ культурных явлений в рамках «второй волны эмиграции» и других «волн» в истории русского зарубежья); аналитический (обращение к опыту эпистолярного жанра, мемуаров).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. В диссертации генезис и культурно-историческая динамика литературного сегмента «второй волны» российской эмиграции изучены как производная единства жизненных обстоятельств и нравственных ценностей ее представителей и сопоставлены с обстоятельствами и ценностями представителей других «волн» российской эмиграции XX века.

2. Мировоззрение и повседневность российской эмиграции «второй волны» как экзистенциальные факторы жизни и литературного творчества изучены со стороны отражения в них бинарной оппозиции с реальным и ностальгическим образом Родины, что позволило предложить классификацию социального многообразия писателей «второй волны».

3. Изучение жизни и творчества представителей российской эмиграции «второй волны» осуществляется в диссертации через понятие

«автобиографического хронотопа» как личностной включенности автора в художественное пространство и время своих произведений.

4. Сравнительно-сопоставительный анализ идей и ценностей произведений российской эмиграции «второй волны» и советской военной прозы позволил выявить как общий идейно-ценностный сегмент в отражаемых в произведениях темах, направленный на реализацию культуры эмпатии, так и специфику эмигрантского литературного наследия, проявляющуюся в акцентуации собственного «я» и дуального образа Родины.

5. Установлено, что культурное (литературное) наследие российской эмиграции «второй волны» представляет собой культурный феномен отражения жизненных противоречий, покаяния за нравственный компромисс, совершенный в силу социально-исторических реалий, политических убеждений, личностных жизненных обстоятельств.

На защиту выносятся следующие основные положения исследования:

1. Генезис и культурно-историческая динамика литературного наследия «второй волны» российской эмиграции определены историческими и социальными процессами, происходившими в советском обществе середины XX века, и связаны как с понятием «внутренней эмиграции», так и с политикой советской власти, вызвавшей феномен вынужденной эмиграции. Под влиянием вышеуказанных обстоятельств происходит формирование духовных ценностей поколения эмигрантов «второй волны», определяющих их жизненный и нравственный выбор, отличающих их от эмигрантов других «волн». Основными нравственными проблемами для представителей «второй волны» становятся взаимоотношения с родной страной и поведение человека в критической ситуации военного времени. Лагеря для перемещенных лиц (Ди-Пи) выступают в качестве центров духовного единства для вынужденных эмигрантов, позволяя им сохранять и создавать русскую культуру за рубежом. При наличии существенных различий, касающихся как отношения к советскому режиму, так и лейтмотивов творчества, отмечается тесная культурная связь поколения эмигрантов «второй волны» с

«младоземляками» «первой волны» («незамеченным поколением»), в результате чего встает вопрос о пересмотре хронологического принципа деления русской эмиграции XX века на волны. С произведениями «третьей волны» эмиграции литературное наследие «второй волны» объединяет философия эскапизма, однако тотальное неприятие Родины и сознательный разрыв с ней, характерные для представителей «третьей волны», существенно отличают ее от «второй».

2. Мирозрение представителей «второй волны» эмиграции отличается наличием бинарной оппозиции с реальным и ностальгическим образом Родины, заключающейся в противопоставлении тоталитаризма политической системы родной страны и ее восприятия как «малой Родины», связанного с индивидуально-биографическим аспектом проблемы. Амбивалентность образа Родины в жизни и творчестве эмигрантов «второй волны» вызвана влиянием сходных жизненных обстоятельств и определена философским разделением понятий «Родина» и «Отечество». В роли антитезы понятию «Родина» выступает образ Чужбины, ассоциирующийся со свободой, однако выступающий в роли фактора маргинализации жизни субъекта русской культуры за рубежом. В рамках данного исследования предлагается классификация социального многообразия представителей «второй волны», основанная на общности происхождения и конкретных реалий жизни эмигрантов; выявлены типологические особенности литературы «второй волны» эмиграции, определенные дуальным образом Родины как лейтмотивом творческой деятельности и позволяющие объединить изученное нами творчество писателей в единую «волну». В первую очередь, речь идет о подчеркнутой автобиографичности книг, прототипом героев которых является сам автор, и единстве тематики произведений.

3. Понятие «автобиографического хронотопа» как личностной включенности автора в художественное пространство и время своих произведений помогает раскрыть «диалектику души» эмигрантов «второй волны» и героев их произведений. Пространство изображается как конкретное

и условное: географические границы охватывают все направления, связанные с эмиграцией из России в XX веке, однако страны выступают фоном для тех или иных событий и объединяются топосом «Чужбина» – вынужденное место проживания, сопоставленное с Родиной (Россией). Мысли и чувства авторов и их героев помогает передать и категория времени, континуальность которого расчленяется на прошлое, настоящее и будущее, создавая две категории времени: реальное и художественное. Обращаясь к классификации хронотопов, данной М. Бахтиным, можно выделить идиллический (время, проведенное в родительском доме), авантюрный (испытания в чужом мире), карнавальным (место временного переосмысления ценностей), которые помогают создать обобщенную картину эпохи. Исходя из анализа первоисточников и мемуаров, можно отметить ряд текстологических особенностей, связанных с категориями пространства и времени, позволяющих констатировать духовную и культурную связь эмигрантов с Родиной.

4. Сравнительно-сопоставительный анализ идей и ценностей произведений российской эмиграции «второй волны» и советской военной прозы позволяет выявить общий идейно-ценностный сегмент, сделать выводы о единстве духовно-нравственных тем, волновавших российских писателей в середине XX века, независимо от места проживания, что в свою очередь указывает на неотъемлемую принадлежность творчества писателей-эмигрантов культурному наследию России и необходимости анализа их литературных работ в качестве установления социокультурных и нравственных связей с Родиной, которую по основанию драматичных коллизий им пришлось покинуть. Эвристичность подхода к осмыслению категории героического сближает произведения представителей «второй волны» эмиграции с произведениями советских писателей, оставшихся на Родине. Всех авторов отличает стремление развивать культуру эмпатии у своих читателей, способность показать правду жизни, способствующую раскрытию внутреннего мира героев. Однако философское осмысление

антропологического аспекта героического в «лейтенантской прозе» представляется более жизнеутверждающе глубоким, чем в произведениях писателей «второй волны», поскольку последние акцентируются на объяснении поступков своих героев, прототипами которых служат сами авторы. Герои советской военной прозы совершают сложный духовно-нравственный выбор, военный дискурс при этом раскрывается при помощи бинарных оппозиций «жизнь-смерть», «жестокость-милосердие». Литература «второй волны» эмиграции более субъективна, сосредоточена на внутреннем мире человека, оказавшегося в военное время в точке кризиса, а также на противопоставлении человека жестокости окружающего мира, воплощенной не только в милитаристском контексте, но и в тоталитаризме власти. Таким образом, в «лейтенантской прозе» преобладает философское осмысление проблемы духовно-нравственного выбора, тогда как произведения писателей «второй волны» эмиграции в большинстве своем направлены на реализацию культуры эмпатии по отношению к поведенческим проявлениям своих героев.

5. Проза «второй» волны российской эмиграции является отражением жизненных противоречий, покаянием за нравственный компромисс, совершенный ее представителями в контексте социально-исторических реалий и жизненных обстоятельств. Культурное становление писателей «второй волны» произошло в результате эмиграции, и изучение драматических судеб людей, оказавшихся в силу комплекса причин вдали от Родины может служить важным духовно-нравственным уроком и предостережением для потомков, показывая драму маргинализации субъектов русской культуры в отрыве от России. Литературу «второй волны» эмиграции можно назвать литературой покаяния, отмечая особую роль диалектики обстоятельств и нравственных ценностей в изучении данного периода, исходя из чего неправомерно оценивать героя только как гносеологического субъекта. В нашем исследовании мы приходим к выводам о том, что «первую» и «вторую» «волны» эмиграции объединяла миссия сохранения русской национальной культуры и православной веры, что определяло систему

ценностей и поведенческих парадигм эмигрантов. Литературное наследие «второй волны» эмиграции является неотъемлемой частью культурного наследия России, поскольку прослеживается четкая тематическая, идейная и духовно-нравственная связь литературного наследия «второй волны» с русской литературной традицией, в том числе с классиками русской литературы Ф. Достоевским, Л. Толстым. Несмотря на факт эмиграции, своим творчеством писатели «второй волны» популяризируют и актуализируют образ России в общемировом культурном пространстве, способствуя включению отечественной литературной традиции в европейский контекст.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании вопросов, связанных с изучением генезиса и культурно-исторической динамики литературного наследия «второй волны» российской эмиграции, анализом мировоззрения и повседневности как экзистенциальных факторов жизни и литературного творчества эмиграции «второй волны», использованием понятия «автобиографический хронотоп» в качестве инструмента изучения жизни и творчества представителей эмиграции «второй волны».

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации были использованы в преподавании дисциплин «Культурология», «История мировой культуры», «История русской культуры», «Категориально-понятийная система аналитики и прагматики культурных и социальных коммуникаций», «История и культура русского зарубежья» на кафедре культурологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», в преподавании дисциплины «Культурология» в ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств». Материалы диссертации могут быть использованы специалистами по истории России и по истории культуры России XX века в качестве дополнительного материала для написания научных исследований, а также при создании музейных выставок и экспозиций. Результаты научной работы будут иметь прикладное значение в образовательной сфере, например, для преподавателей при подготовке уроков,

лекций и семинаров по искусству русского зарубежья или по истории русского зарубежья. Результаты исследования позволят ввести в культурологический оборот новые имена.

Личный вклад соискателя состоит в:

– изучении культуры «второй волны» российской эмиграции как возникшего под воздействием общих исторических реалий прецедентного единства личностных жизненных обстоятельств и нравственных ценностей субъектов русской культуры за рубежом, нашедшего выражение в литературном наследии 40–50 гг. XX столетия;

– выявлении особенностей культурного феномена «второй волны» российской эмиграции и определении его значения для отечественного культурного наследия;

– изучении литературного наследия малоизвестных отечественных писателей (Борис Башилов, Сергей Максимов, Михаил Коряков), ряд произведений которых до сих пор не опубликован в России, что способствует восполнению существующих пробелов в отечественной культурологии и историографии;

– введении в научный оборот архивных источников и изданий, ранее неизвестных или малоизвестных в России, представляющих собой уникальный материал творческого наследия писателей и поэтов;

– формировании в рамках актуальной исторической и социокультурной действительности нового, непредвзятого взгляда на культуру «второй волны» эмиграции в общественном сознании, что позволит более полно осмыслить развитие культуры России XX века.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют паспорту научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, в том числе следующих пунктам (направлениям исследований) научной специальности: 3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры. 6. Культура и цивилизация в их историческом развитии.

9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры. 13. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре и истории. 16. Роль культурного и природного наследия в жизнедеятельности общества. 18. Культурно-историческая память и культурное наследие. 32. Культура и общество. Социокультурная динамика. 37. Личность и культура. Индивидуальные ценности. Творческая индивидуальность. 71. Пространство и время как категории культуры. 93. История повседневности как сфера культурной истории: предмет и подходы к изучению.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность научных результатов и выводов, полученных в процессе проведенного диссертационного исследования, подтверждается изучением источников по проблеме, применением релевантных научных методов, комплексным подходом к изучению проблемы.

По теме исследования опубликовано 7 научных работ. Основные результаты диссертационного исследования изложены в статьях, опубликованных в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры культурологии Московского государственного института культуры, докладывались на научно-практических конференциях разных уровней, среди которых наиболее значимы следующие:

- межвузовский международный конгресс «Высшая школа: научные исследования», дата проведения – 23 декабря 2021 г., тема доклада: «Роль образов Родины и Чужбины в литературе «Незамеченного поколения», публикация в сборнике научных статей по итогам конгресса;

- научно-практическая конференция аспирантов и молодых ученых Российского научно-исследовательского института культурного и природного

наследия им. Д.С. Лихачева «Науки о культуре и искусстве: перспективные исследования», даты проведения – 24–25 января 2022 г., тема доклада: «Образы Родины и Чужбины в прозе литераторов «второй волны»;

– международный научный форум «Наука и инновации – современные концепции», дата проведения – 21 апреля 2023 г., тема доклада: «Тенденции развития литературы «второй волны» российской эмиграции как духовно-культурной составляющей наследия России»;

– научно-практическая конференция молодых ученых с международным участием Московского государственного института культуры «Культура как реальность и научная проблема», дата проведения – 03 июня 2023 г., тема доклада: «Теоретико-методологические аспекты культурологического обоснования «второй волны» русской эмиграции».

– IX Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, даты проведения – 21–24 сентября 2023 г., тема доклада: «Литература «второй волны» российской эмиграции как культурное наследие исторической и современной России».

Структура и объем диссертации. Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав (пяти параграфов), заключения. Общий объем диссертации – 219 страниц. Список литературы включает 244 наименования. В приложении представлены фотокопии раритетного литературного наследия «второй волны» российской эмиграции.

ГЛАВА 1

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ» В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВРЕМЕНИ

1.1 «Вторая волна» российской эмиграции: генезис и культурно-историческая динамика

Рассматривая культурно-исторические факторы возникновения «второй волны» эмиграции, нельзя не отметить, что она неразрывно связана с эмиграцией «первой волны». Те, кто в силу возраста или жизненных обстоятельств не смог эмигрировать после 1917 года, надеялись на освобождение от тоталитаризма и на обретение свободы. Хотя для них «ни советская власть, ни немцы не были своими»¹, тем не менее они полагали, что война поможет России избавиться от советского режима. Однако, по мнению военного историка М. Семиряги, коллаборационизм не только связан с трудностями военного времени, но и определен политикой советской власти, историей советского общества 1920–30-х годов. Это и голод в начале 30-х, когда потери были равны погибшим в годы Первой мировой войны во всех странах, вместе взятых, и антирелигиозная кампания, которая явилась ответом на перепись населения 1937 года и показала, насколько сильна в людях вера в Бога.

Эмиграции «второй волны» предшествовала эмиграция внутренняя: к ней относился «слой людей, не принимавших советского режима, его идеологии, обычаев, мечтавших о его крахе»². Впервые термин «внутренняя эмиграция» как авторефлексивный дискурс встречается в письме К. Чуковского А. Толстому: «... не думайте, что эмигранты только за границей. Оторванность от России — ужасная. Все сплетничают, ненавидят

¹ Фесенко Т. Повесть кривых лет. Нью-Йорк, 1963. С. 86.

² Свершилось. Пришли немцы! Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны /О. В. Будницкий. М., 2012. С. 6.

друг друга, интригуют, бездельничают — эмигранты, эмигранты!.. те, которые живут здесь, еще больше за рубежом, чем Вы... их душит внутренняя эмигрантщина...»¹. Эти слова К. Чуковского о внутренней эмиграции не были субъективной оценкой. Как отмечает О. Будницкий, это явление выходило за пределы круга петербургских литераторов. Н. Осипов дает такое определение внутренней эмиграции: «...это самое решительное неприятие советской власти, самое решительное отрицание ее теоретических основ, обычно ничем не обнаруживаемое. Это понятно: малейшее проявление протеста повело бы к немедленной ликвидации протестанта; внутренняя эмиграция существует постольку, поскольку она себя не обнаруживает. Обычно внутренний эмигрант считает всякую борьбу с советской властью безнадежной и бесполезной»². Теория «внутренней эмиграции» отражала настроение и модель поведения многих интеллигентов 20–30-х годов; О. Будницкий называет это явление «раздвоением жизни» и приводит в пример дневник М. Пришвина, в котором тот указывает на свои сомнения в том, что большой подъем патриотизма после речи Сталина был искренним: «...сказать, действительный ли это патриотизм или тончайшая подделка его, по совести не могу, хочу, но не могу. Причина этому — утрата общественной искренности в советское время, вследствие чего полный разлад личного и общественного сознания»³. К феномену российско-советского тоталитаризма, составляющего метафизический фундамент русской истории, который и обуславливает судьбу России, подробно обращаются в статье «Сущностная характеристика тоталитаризма и тоталитарной культуры в контексте культурологического знания» ученые И.И. Горлова, Ю.Е. Архангельский. К так называемой «внутренней эмиграции» относились люди разного возраста, социального положения, которые впоследствии связали свою судьбу с Русской освободительной армией (РОА), осознанно став эмигрантами: «Если бы не

¹ Чуковский К. Дневники // Сочинения: в 18 кн. М., 2008. Т. 14. С. 502.

² Осипов Н. Внутренняя эмиграция в СССР. Франкфурт-на-Майне, 1949. № 5. С. 80.

³ Пришвин М. Дневники, 1940–1941 гг. М., 2012. С. 503.

опостылевший политический режим, то я мог бы брать от жизни всё то, к чему я всегда стремился, и в первую очередь право свободно мыслить и поступать так, как подсказывала мне моя совесть»¹. Для многих внутренних эмигрантов война виделась освобождением от тоталитарного режима, с немцами были связаны надежды на смену политического строя: «Неужели же приближается наше освобождение? Каковы бы ни были немцы – хуже нашего не будет. Да и что нам до немцев? Жить-то будем без них... А что победят немцы — сомнения нет. Прости меня, Господи! Я не враг своему народу, своей родине. Не выродок. Но нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия страстно желаем победы врагу, какой бы он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас всё, в том числе и чувство патриотизма»². Подобная позиция вызывала противоречивое отношение к представителям «второй волны». С одной стороны, многие придерживались позиции Б. Николаевского, изложенной в статье «Пораженчество 1941–1945 годов и ген. А.А. Власов» о том, что «вторая волна» эмиграции могла стать кадровым резервуаром, с другой, были и те, кто, как Б. Двинов, называл их «власовскими недоносками»³.

Говоря о тех, кто сознательно выбрал эмиграцию как способ избавиться от советского тоталитаризма, следует отметить, что многие стали эмигрантами вынужденно, и Великая Отечественная война явилась своеобразным катализатором. Как отмечалось, истоки послевоенной эмиграции происходят еще из гитлеровской Германии. По мнению Л. Ржевского, это было бегство своих от своих, поскольку люди боялись репрессий за то, что не по своей воле оказались в немецкой оккупации, поэтому многие продолжали работать на прежних местах, чтобы выжить. «Положение русских людей, попавших в лабиринты того времени, было беспрецедентным: смерть грозила им со всех

¹ Богатырчук Ф. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1978. С. 124.

² Свершилось. Пришли немцы! Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / О. В. Будницкий. М., 2012. С. 65.

³ Двинов Б. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 7.

сторон. Возможность свободного выбора сведена до минимума»¹. Речь шла о жестоком обращении со стороны немцев, использовавших людей в качестве рабочей силы, о бомбардировках англичан и американцев и об угрозе насильственной репатриации на Родину – вот три наиболее значимых угрозы, отмечаемые эмигрантами.

Рассматривая исторические факторы, обусловившие вынужденную эмиграцию «второй волны», нельзя не отметить, что для многих ее представителей точкой невозврата стал плен или насильственное перемещение на работу в Германию. Исторически «вторая волна» была предопределена Приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» от 16 августа 1941 года, согласно которому военнопленные приравнивались к изменникам Родины. Именно поэтому было возможно заочное осуждение военнопленных, которые оказались за линией фронта, только на основании заявления. В связи с тем, что Сталин отказался подписать соглашение с организацией швейцарского Международного Красного Креста, которая оказывала помощь военнопленным, их положение было катастрофическим. По свидетельству историка М. Веймана, из 5 000000 человек советских военнопленных к 1944 году осталось 1053000.

«Ялтинское соглашение» узаконило насильственную репатриацию советских граждан, находящихся в западных странах. Не изменилось отношение к вынужденным эмигрантам и после окончания Великой Отечественной войны. В 1945 году министр ГБ СССР В. Абакумов доложил Сталину: «Контрразведчики Красной Армии провели значительную работу по розыску и аресту шпионов, диверсантов, террористов и активных участников антисоветских организаций, проводивших подрывную работу против наших войск в Германии, Румынии, Болгарии, Польше, Венгрии и Маньчжурии. Большая работа проведена работниками органов «Смерша» также в военных

¹ Двинов Б. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 7.

округах, особенно по проверке и выявлению вражеского элемента среди бывших военнопленных Красной Армии, находившихся в немецком плену и репатриированных советских граждан»¹.

Историк В. Земсков полагает, что именно такие репрессивные меры и привели ко «второй волне» эмиграции: «Развернувшаяся в СССР кампания по борьбе с космополитизмом и иностранщиной изрядно напугала советских перемещенных лиц. Не меньший страх вызывали вести об антирелигиозных кампаниях в СССР и особенно о гонениях на церковь»², «Всё это способствовало росту и упрочению невозвращенческих настроений среди советских перемещенных лиц, находившихся за рубежом»³. Необходимо отметить, что после Второй мировой войны эмиграция осуществлялась не только из Советского Союза, но и почти из всех стран Восточной Европы, а также из Алжира, Кореи, Индии, Тибета, Китая, Индонезии, с Кубы.

Официальная власть сделала всё, чтобы не допустить образования новой эмиграции. С этой целью в октябре 1944 г. было образовано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, главной задачей которого стало возвращение на Родину военнопленных и угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны, а также тех, кто отступил с гитлеровцами. По мнению Земскова, в массовом сознании слово «эмигрант» ассоциировалось с понятиями «изменник», «перебежчик». Таким образом, мероприятия государства по недопущению образования новой эмиграции вполне соответствовали настроениям основной части населения СССР и сложной исторической обстановке того времени. Трудно точно установить число людей, добровольно или принудительно вернувшихся домой. Эмигранты, как правило, оперировали не собственными подсчетами, но ссылались на цифры, приведенные в опубликованных изданиях их товарищей или исследователей. Так, к 70-летию «второй волны» эмиграции

¹ Меморандум № 838/а от 11 сентября 1945 года.

² Земсков В. Рождение «второй эмиграции» // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 35.

³ Там же. С. 36.

В. Синкевич привела следующие цифры на основании данных ее современников: «В статье «О дипийском прошлом» Людмила Оболенская-Флам дает общую цифру 5 218 000, взятую ею из книги Татьяны Ульянкиной «Дикая историческая полоса». Но тут же уточняет, что Николай Толстой в книге «Жертвы Ялты» увеличивает эту цифру на 300 тысяч человек. Далее Оболенская цитирует Толстого, рассказывающего о судьбах людей, вернувшихся на свою родину: «20% получили либо смертные приговоры, либо 25 лет лагерей; 15%-20% получили от 5-ти до 10-ти лет лагерей; 10% высланы в Сибирь сроком не менее шести лет; 15% отправлены на работы в Донбасс, Кузбасс и другие разоренные войной районы без права возвращения в родные места, и лишь 15%-20% смогли вернуться к себе»¹. О вернувшихся домой остарбайтерах Бен Шепард утверждает в своем исследовании, что они никогда не были реинтегрированы в советское общество, подчеркивая, что власти «десятилетиями оставались подозрительны к людям, имевшим контакт с чужим миром»².

Среди тех, кто стал невозвращенцем, были и советские люди, принудительно угнанные на работу в Германию, которые не решились вернуться на родину из-за чувства стыда, болезненно переживая тот факт, что они работали на врага, пока советский народ проливал кровь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Рассматривая культурно-политический феномен «вторая волна», традиционно выделяют следующие группы эмигрантов: «остарбайтеры» (те, кто был насильственно угнан в Германию для работы в промышленности и сельском хозяйстве); военнопленные, члены РОА (власовцы) и «добровольные помощники («хи»-«ви»); те, кто сотрудничал в силу разных причин во время оккупации.

Однако обращает на себя внимание важное социокультурное обстоятельство. Не желая или опасаясь вернуться на Родину, невозвращенцы

¹ Синкевич В. Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия. 2012. № 267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 17.05.2021).

² Там же.

в то же время испытывали и разочарование в Западе: «На нас смотрят как на скот, оценивая нас по мускулам или по зубам»¹. Таким образом, нельзя рассматривать даже сознательную эмиграцию этого времени как побег из условного ада в условный рай, поскольку речь шла о маргинализации и невостребованности эмигрантов за рубежом. Очевидно, речь идет о перемещении как о вынужденной мере, обусловленной неразрешимыми политическими и социальными проблемами на Родине и надеждой на частичное разрешение вышеуказанных проблем за рубежом. На эту проблему и двойственное отношение к эмигрантам всех «волн» обращает внимание Т.А. Пархоменко в статье «Эмиграция в дореволюционной России: предательство власти, измена родине или бегство к свободе?»

При всей разности факторов, обусловивших эмиграцию, общей особенностью представителей «второй волны» является то, что им пришлось пройти через лагеря перемещенных лиц (лагеря Ди-Пи). Название Ди-Пи восходит к английскому «displaced persons» (перемещенные лица) – так называли людей, оказавшихся в лагерях для перемещенных лиц в Европе в послевоенное время. «Вторая, или, как называют ее, послевоенная, эмиграция, началась в 1942 году в гитлеровской Германии, точнее – в ее лагерях для русских военнопленных и в лагерях остовских и беженских. А после конца войны, в основном в побежденной Германии, возникла неожиданная, странная и непонятная проблема, названная англоязычными победителями DP (ди-пи), то есть перемещенными лицами, которых, тоже неожиданно, оказалось множество. Вот из этого множества «лиц» возникла затем вторая волна русской эмиграции»².

Лагеря Ди-Пи были созданы в разных странах: 12 из них в Австрии, 37 – в Германии (количество лагерей основано на приложении к книге

¹ Fainsod M. Controls and Tensions in the Soviet System. GUL. BFCSC. Robert E. Kelley papers. Box4. Folder1.

² Синкевич В. Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия. 2012. № 267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 17.05.2021).

воспоминаний бывших депортированных¹). Кроме того, существовала американская техническая школа для перемещенных лиц Arolsen, балтийский лагерь с русско-украинской группой Nanau, балтийско-украинский лагерь с небольшой русской группой из Прибалтики Manheim, пересыльные лагеря для отправляющихся на жительство в другие страны Bremen, Butzbach. Бытовые условия были тяжелыми, но особенно трудно было пережить неопределенность положения перемещенных лиц. Т. Фесенко вспоминала выступление, в котором пыталась донести до союзников все тяготы своего положения: «Вот уже два года как меня называют «Ди-Пи», и мне надоело носить этот ярлык. Всем нам надоело считаться особым сортом людей, несколько ниже всех остальных. Мы много выстрадали, но мы остались теми же нормальными людьми, жаждущими приложения наших сил и знаний, не потерявших способности мыслить, творить и работать»². Ирина фон Шлиппе отмечала, что была одной из многих, никому не нужных, нищих бездомных людей, которые во всем нуждались и были чужаками для всех.

Некоторые лагеря имеют трагическую историю, связанную с насильственной репатриацией невозвращенцев. И. Сабурова в воспоминаниях «О нас» свидетельствовала о пережитом: «... обещания – чего угодно. Прежде всего, конечно, свободы – Америка, как известно, самая свободная страна в мире! – и безопасности ... Потом, в какой-то неожиданный день к лагерю подъезжают другие грузовики. Советские. С пулеметами. Лагерь оцепляется. Людей, не желающих, по совершенно непонятным американцам (и увы, англичанам тоже!) причинам возвращаться на родину – отправляют именно туда, их бьют, стреляют, они прыгают из окон, режут себе вены, эмпи – страшная военная полиция врывается и в лагерные церкви, вытаскивает священников, детей, женщин... это – выполнение Ялтинского договора с

¹ Наставникам, хранившим юность нашу...: педагогика и педагоги русского зарубежья / сост. Л. С. Оболенская-Флам, О. П. Раевская-Хьюз. М., 2017. С.203-204.

² Фесенко Т. Повесть кривых лет. Нью-Йорк, 1963. С.195.

“добрым старым Джо”»¹. Платтлинг и Лиенце вошли в историю как лагеря, откуда насильственно были выданы союзниками 3 000 офицеров РОА и около 40 000 казаков с семьями. В обоих случаях людей обманули, убеждая, что выдавать никого не будут, однако выдали всех до единого. При этом люди сопротивлялись, вплоть до совершения самоубийств. О трагедии Платтлинга рассказал Л. Ржевский в повести «Дневник Володи Заботина». Римини был лагерем, который повторил опыт Платтлинга и вошел в историю как пример насильственной репатриации союзными войсками. Этот лагерь подробно описывал Б. Ширяев в произведении «Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол», отмечая тройной ряд колючей проволоки, усиленную охрану, внешние дозоры, а также то, что сам лагерь был поделен проволокой на клетки, контролируемые внутренней стражей. Пропуски в город выдавались лишь раз в неделю. Несмотря на то, что начальник лагеря, офицер британской армии полковник Мартин, дал клятву, что люди будут отправлены только в Англию, организовал насильственный вывоз на Родину: «Квадрат № 4, где были собраны 165 русских, предназначенных к отправке, был изолирован от остального лагеря сплошной цепью автоматчиков. Там шел обыск. Отбирали все острое и режущее, вплоть до иголок. Опыт Лиенце, Дахау, Платтлинга был учтен»².

Не менее трагична и история Кемптена – лагеря, где наряду с эмигрантами «второй волны» (примерно 410 семей), жили эмигранты «первой волны». Историк Т. Котова, ссылаясь на воспоминания Н. Лызловой-Корэн, отмечает, что начальником лагеря был генерал Ф. Данилов, который совершал ежедневные обходы, требовал рапорта и месячного налога – бутылки водки или коньяка. В лагере была церковь, устроенная в гимназическом зале местной школы, в которой существовал нарисованный иконостас, пел большой церковный хор под руководством У.Ф. Белошицкой. О трагедии Кемптена

¹ Сабурова И. О нас. Мюнхен, 1972. URL: http://thelib.ru/books/saburova_i/o_nas-read.html (дата обращения: 13.08.2022).

² Ширяев Б. Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 24.

вспоминала Ирина Лукьянова (Малова), рассказывая, как насильно пытались вывезти из лагеря людей, используя дубинки и приклады, вытаскивая священника из церкви принудительно. К этой же теме обращается Т. Фесенко в «Повести кривых лет», размышляя о причинах подобной жестокости: «...непонимание истинной природы своего союзника могло привести к трагедии Кемптена, бросить черную тень на лица тех, от кого измученные люди ждали помощи и защиты»¹.

Тем не менее некоторые лагеря сумели избежать страшной участи насильственной репатриации и вошли в историю как места, ставшие центрами возрождения духовной, культурной жизни. Библиограф М. Юпп ввел в обращение дискурс «галактика Ди-Пи», подчеркивая, что каждый лагерь был «своеобразной планетой, в которых была создана неповторимая культура России вне России»². Ирина фон Шлиппе отмечала, что люди, жившие в бараках без воды и света, продолжали писать иконы, играть пьесы Пушкина и Гоголя: «Наша русскость была единственным оружием для защиты нашего человеческого достоинства»³. По воспоминаниям Ростислава Дидковского, в лагерях Ди-Пи были открыты школы и гимназии, а в 1946 году открылся Балтийский университет в Гамбурге и Университет с шестью факультетами для перемещенных лиц в Мюнхене.

Лагерь Менхегоф был рабочим, чем отличался от всех лагерей Ди-Пи. Всё взрослое население (от 16 лет до 55 лет мужчины и до 45 лет женщины) должно было работать внутри лагеря или на внешних работах. Исключение составляли инвалиды, женщины с малыми детьми и учащиеся. Однако эти работы должным образом оценивались. Так, из официального удостоверения от 4 июля 1945 г.: «При создании Ministerial Collecting Center около Фюрстенхагена возникло много трудоёмких задач, требовавших большого

¹ Ширяев Б. Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С.152.

² Юпп М. В поисках галактики Ди-Пи // День литературы, 1996, №20048. URL: <https://pub.wikireading.ru/173792> (дата обращения: 04.03.2023).

³ Шлиппе. И. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. М., 2012. URL: <https://www.rp-net.ru/book/discussion/ishlippe.php> (дата обращения: 12.07.2022).

количества рабочих рук... Эта проблема была решена благодаря энергичной помощи г. Болдырева и его русских рабочих... Если бы не было этих русских рабочих, то выполнение этой спешной и важной задачи сильно бы задержалось. Выражая им искреннюю благодарность за оказанную помощь, я рекомендую их всех как людей, заслуживающих самого внимательного отношения»¹. Начальник лагеря Болдырев, так же, как и его помощники, были членами НТС и смогли договориться с союзниками и избежать насильственной репатриации, доказав, что были насильственно угнаны в Германию или находились за пределами СССР до 1939 года. По воспоминаниям дочери Болдырева Елены Болдыревой-Семлер, в лагере удалось не только отремонтировать бараки для жилья, но и построить школу, госпиталь, церковь и концертный зал, где еженедельно показывали фильмы, устраивали концерты и танцы. В 1945–1946 гг. было дано 45 концертов и спектаклей, были поставлены «Маскарад» М. Лермонтова, «Без вины виноватые» и «На бойком месте» А. Островского, «Женитьба» Н. Гоголя. В Менхегоф приезжали Сергей Максимов (Широков, Тропинин, Пасхин), Борис Филиппов (Филистинский), Николай Ульянов. В лагере прошли три выставки, так как среди дипийцев этого лагеря было много художников: Николай Бреверн, Николай Зорин, Виталий Сорокин. Важную роль в культурной жизни Менхегофа сыграла гимназия имени М. Ломоносова, первым директором которой был Сергей Безрадецкий. Гимн гимназистов написал Александр (Додик) Неймирок – в будущем известный поэт и переводчик «второй волны»: «Восстань из гроба, Ломоносов, / И будь любезнейший наш гость!// Зане есмы петровских россос/ От плоти плоть, от кости кость//»². Ольга Безрадецкая-Астромова в своих воспоминаниях отмечала, что никто из наставников не был профессиональным педагогом, однако все они были высокообразованными людьми, которые при отсутствии учебных изданий, оказались способными

¹ Болдырев К. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С.121.

² Наставникам, хранившим юность нашу...: педагогика и педагоги русского зарубежья / сост. Л. С. Оболенская-Флам, О. П. Раевская-Хьюз. М., 2017. С.134.

транслировать знания, представляющие культурно-историческое наследие России.

Шлайсхайм – «одно из доказательств, что в определенных обстоятельствах сильная мораль и душевная возвышенность побеждают материальные недостатки и даже отсутствие эстетики»¹. Это один из самых важных «островов» русской жизни вблизи Мюнхена. «Шлайсхайм жил своей внутренней жизнью... Это был кусочек России на чужбине, где сохранялись старые традиции и вместе с тем воспринимались новые идеи послевоенного мира»². Здесь люди не только обустроивались в жилых бараках, но и заводили живность, разбивали огороды, были сформированы различные общества и союзы, начали работать школа и церковь. «Несмотря на временность положения, у многих возникло ощущение обретения хоть какого-то домашнего очага после всех жизненных перипетий»³. В лагере было свое издательство «Златоуст», журнал «Новый мир», общественно-политический сборник «Друг молодежи», «Новости науки и техники». Среди тех, кто жил в лагере, было много представителей духовенства, среди которых три митрополита, двадцать два священника. И это было значимо, поскольку религия играла важную роль духовно-культурного объединяющего фактора. Большим духовным подъемом отмечалось в лагере прибытие святыни Русского зарубежья – иконы Божьей матери Курско-Коренной. Художница Вероника Гашурова, эмигрантка «второй волны», сохранила в своем архиве дневник отца – одного из основателей школы, превратившейся впоследствии в гимназию. В дневнике Дмитрия Федоровича Левицкого рассказывается о созданной в лагере теософической ложе «Белый лотос»: «Тревожной жизнью

¹ Наставникам, хранившим юность нашу...: педагогика и педагоги русского зарубежья / сост. Л. С. Оболенская-Флам, О. П. Раевская-Хьюз. М., 2017. С.141.

² Там же. С.141.

³ Кулен Е. Судьба русских «перемещенных лиц» в американской зоне оккупации в Баварии. К вопросу возникновения «второй волны» русской эмиграции // Новый журнал Мюнхен, 2019. №295. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2019/295/sudba-russkih-peremeshhennyh-licz-v-amerikanskoj-zone-okkupaczii-v-bavarii.html> (дата обращения: 12.05.2022).

жил тогда лагерь. Постоянная угроза репатриации в Советский Союз. Трудность эмиграции в другие страны из голодной и разоренной Германии послевоенного времени. Постоянная неизвестность за свое будущее и будущее своих детей. И какой радостью было для меня, живущего в этом лагере, когда я нашел среди его жителей людей, так же, как и я, интересующихся теософией. Это были З.П. Козлова и А.Н. Васильев. Пошли непрерывные беседы; беседы, отрывающие нас от неприглядной, тревожной действительности, дававшие нам возможность не только легче ее переносить, но находить в ней то, чему она должна была научить нас»¹. Помощь этим людям оказала Анна Алексеевна Каменская, возглавлявшая теософическое общество русского зарубежья, понимая, что духовные поиски помогут преодолеть бытовые трудности. Б. Филиппов вспоминает о визите в лагерь Р. Гуля в июне 1949 года, когда зачитывались отрывки из романа «Генерал БО». Он отмечал, что среди слушателей было много писателей и поэтов как первой, так и второй эмиграции: Иван Елагин и Ольга Анстей, Борис Нарциссов и Ирина Бушман, Геннадий Панин и Евгений Тверской. Вспоминая о годах, проведенных в Шлайхсхайме, один из воспитанников гимназии Иван Храпунов писал: «Он и был своего рода страной или, скорее, – «удельным княжеством, не имевшим ничего общего с окружающим его миром. Точнее, он был для нас кусочком России»².

Фюссен – лагерь, который отличался от других тем, что в нем было не только две школы, но и свой театр. Кроме того, имелись большая библиотека, подаренная Великим князем Владимиром, и барак, отведенный под церковь. В Фюссене действовала гимназия, программа которой была аналогична программам гимназий дореволюционной России, аттестаты ее признавались министерством образования Германии. Именно в этот лагерь приезжал поддержать русских эмигрантов знаменитый певец Юрий Морфесси. Как

¹ Левицкий Д. Воспоминания о ложе «Белый Лотос». URL: https://muzeemania.ru/2021/07/07/levickij_belyj-lotos/ (дата обращения: 12.07.2021).

² Наставникам, хранившим юность нашу...: педагогика и педагоги русского зарубежья / сост. Л. С. Оболенская-Флам, О. П. Раевская-Хьюз. М., 2017. С. 148.

вспоминал хорунжий Русского корпуса Н. Протопопов: «Осень 1945 года в Мюнхене. Мы на положении бесправных Ди-Пи... А мы хотим жить. И почти живем: даже театры у нас функционируют... Почти все концерты ... проходят, как говорится, «с аншлагом». И вот объявление: Юрий Морфесси. С трудом удастся достать билет... Овациям нет конца. Морфесси не отпускают со сцены... Он не просто очаровал, он покори́л всех... И не только своим исключительным талантом и умением петь. Морфесси покори́л всех и своей открытой русскостью...»¹ Позднее, в 1946 году, лагерь Фюссен слился с Шлайсхаймом и стал самым большим лагерем для перемещенных лиц.

Дом милосердного Самарянина сыграл важную роль в возрождении духовной жизни эмигрантов «второй волны». Он был центром культурной жизни, при нем существовала гимназия, церковь, школа сестёр милосердия и зубо-врачебные курсы. В культурном отношении это было место, где выступали с лекциями артисты и ученые, при доме функционировала типография. Дом был организован священником Александром Киселевым, который помогал другим не по долгу, а по велению сердца и учил этому тех, кто его окружал. Девизом детских летних лагерей, которые он организовывал, стали слова: «За веру, за родину». «За призывом к вере следует призыв к родине – к земле, на которой сразу же должно осуществляться делом то, что понято сердцем»². Хотя необходимо отметить, что большинство представителей «второй волны» были атеистами или находились на пути поиска Бога, поэтому религиозная литература не была распространена, тем не менее различные аспекты поиска веры авторами «второй волны» воплощены в их литературном творчестве, что нашло отражение в параграфе 2.3. данной диссертации. Отец Александр организовал работу Русского студенческого христианского движения (РСХД), которое ставило своей целью организацию докладов на религиозные и культурно-просветительские темы, то есть

¹ Кравчинский М. Музыкальные диверсанты (о Юрии Морфесси), 2017. URL: <https://www.shanson.org/articles/yuri-morfessi> (дата обращения: 20.04.2021).

² Наставникам, хранившим юность нашу...: педагогика и педагоги русского зарубежья / сост. Л. С. Оболенская-Флам, О. П. Раевская-Хьюз. М., 2017. С.84.

служению русской культуре. Одним из тех, кто сыграл важную роль в развитии РСХД, был Федор Августович Степун. В своих выступлениях и статьях он убеждал в необходимости делать различие между такими понятиями, как «память» и «воспоминание»: «Если воспоминание всегда о прошлом, которого не вернуть... то память – это прошлое, которое живет в настоящем и смотрит вперед»¹. Мысль Степуна была творческим откликом на эмигрантскую реальность: утверждение возможности творческой деятельности в отрыве от России. По словам Людмилы Оболенской-Флам, ощущение сопричастности к судьбе России, которое было присуще воспитанникам гимназии, сопровождало их на протяжении всей их дальнейшей жизни.

Следуя воспоминаниям художника С. Голлербаха, «вторая волна» российской эмиграции, так называемые перемещенные лица, или Ди-Пи, существенно отличались от двух других эмиграций. Если «первая» и «третья» «волны» отправлялись в свободные страны Западной Европы или на свободный Запад, то «вторая волна попала из диктатуры коммунистической в диктатуру нацистскую»². Сравнивая «первую» и «вторую» «волны эмиграции», следует отметить, что прежде всего они отличаются по количеству эмигрировавших: «вторая волна» была менее многочисленной. «Первая волна» эмиграции XX века была обусловлена событиями революции 1917 года и Гражданской войной. Она явилась самой массовой и вынудила расстаться с Родиной многих известных людей, составлявших цвет русской науки, культуры, военного дела, многие из которых покидали Россию уже известными писателями и поэтами, философами и историками: «Отечество покинуло не меньше трех миллионов», «золотой генофонд»³. Они стали

¹ Наставникам, хранившим юность нашу...: педагогика и педагоги русского зарубежья / сост. Л. С. Оболенская-Флам, О. П. Раевская-Хьюз. М., 2017. С.87.

² Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия, 2012. №267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 30.08.2021).

³ Соловьев В. Три волны эмиграции: хроника Русского зарубежья: Одиссея длиною в век: монография. М., URSS, 2016. С.7.

«отцами» «первой волны» эмиграции. Другие же покидали Россию детьми, и их путь в эмиграции был особенно труден и трагичен. Это представители так называемого «незамеченного поколения», которому посвятил свое исследование В. Варшавский.

В отличие от литературы «второй волны» эмиграции, культура «первой волны» нашла широкое освещение в изучении русского зарубежья. Если в 1980–1993 годах были защищены, согласно исследованиям А. Пронина, 102 диссертации по теме эмиграции, то в 1994–2016 этой теме было посвящено 1590 диссертаций, из них в области искусствоведения с 1980 по 2016 год – 74, культурологии с 1996 по 2016 – 68. Большинство исследователей выбирали в качестве объекта изучения первый послереволюционный поток эмигрантов и ограничивали свои работы периодом 1917–1939 гг. Объектами исследования становятся выдающиеся культурные деятели, вынужденные покинуть Родину, их творчество которых (Л. Кондратьева о Бердяеве и Ильине¹; Ж. Океанская о С. Булгакове²; О. Десяткова о Д. Мережковском³; Е. Шашнева о К. Бальмонте⁴; М. Матвеева о В. Набокове⁵; К. Каменева о Г. Газданове⁶); быт и культура русской эмиграции (Е. Воронова «Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917-1939 годов»; О. Сирота «Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны»); отношения внутри диаспоры, сложные взаимоотношения «отцов» и «детей» «первой волны», «незамеченное поколение» (С. Дельвин

¹ Кондратьева Л. Культура России в концепциях Н. А. Бердяева и И. А. Ильина: Опыт сравнительного анализа: дис. ... канд. культурол. наук. Краснодар, 2002. 144 с.

² Океанская Ж. "Философия имени" отца Сергея Булгакова в контексте поэтической метафизики конца Нового времени: дис. ... доктора культурологии. Шуя, 2010. 362 с.

³ Десяткова О. Идея свободы личности в культурологической концепции Д.С. Мережковского: автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2006. 19 с.

⁴ Шашнева Е. Архетип дома в творчестве К.Д. Бальмонта: автореф. дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2012. 20 с.

⁵ Матвеева М. Диалог культур в англоязычной прозе В.В. Набокова: автореф. дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2010. 23 с.

⁶ Каменева К. "Свое" и "чужое" в культуре русской эмиграции "поколения полутора": на примере творчества Г. Газданова: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2008. 23 с.

«Становление и развитие культуры русского зарубежья: на материале жизни и творчества детей эмиграции первой волны»; К. Ситниченко «Русское зарубежье «первой волны»: феномен культурной диаспоры в аспекте самоидентификации»; Д. Шмаринова «Проблема социокультурной адаптации российских эмигрантов первой волны: на материале произведений Г. Газданова; Е. Кузнецова «С. В. Рахманинов в эмиграции: социокультурная и творческая адаптация»); духовная связь с культурными традициями девятнадцатого века (И. Тишина «Духовное наследие И. Тургенева в культуре русского зарубежья XX-XXI веков»); трудный поиск своего пути (Т. Пархоменко «Российская интеллектуальная элита в поисках “нового пути”») и миссианская роль эмигрантов (Э. Скворцова «Эколого-культурная миссия русской эмиграции «первой волны» на примере деятельности представителей русской музыкальной культуры»); анализ жизни и творчества эмигрантов в зависимости от места проживания (Н. Болохвитинов о становлении русистики в США¹; Б. Горелик о российских эмигрантах в Южной Африке²; Ю. Курата – о русских эмигрантах в Японии в 20-е-30-е годы XX века³). Отдельное место занимают исследования, посвященные русскому кинематографу зарубежья и таким выдающимся актерам, как А. Волков, М. Чехов, И. Мозжухин, а также стоящим у истоков русского кино Хонжонкову и Ермольеву. Самым заметным явлением в этой области явилась диссертация Н. Нусиновой⁴. Российским художникам первой волны посвящены диссертации Н. Бакиной⁵ и Т. Лебедевой⁶.

¹Болохвитинов Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

²Горелик Б. Российские эмигранты в Южной Африке: 1950–2003 гг. М., 2004.

³Курата Ю. Русские эмигранты в Японии, 20-е - 30-е гг. XX в. М., 1996.

⁴Нусинова Н. Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939) и проблема взаимоинтеграции культур. М., 2004.

⁵Бакина Н. Российские художники-эмигранты во Франции: аспекты адаптации (1918–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2005. 21 с.

⁶Лебедева Т. Творчество художников-эмигрантов М.А. Кичигина и В.Е. Кузнецовой-Кичигиной в контексте русского искусства XX века: автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2010. 23 с.

Представители «первой волны» были гражданами Российской Империи, которую им пришлось покинуть вынужденно, с этим связана и тематика их произведений. Представители «второй волны» были гражданами СССР, и среди них были как добровольные эмигранты, так и вынужденные. В своем творчестве они пытались осмыслить итоги Второй мировой войны и свое место в ней, а не духовные ценности дореволюционной России. Важнейшим фактором различия является то обстоятельство, что оказавшиеся «между двух звезд» люди, избежавшие репатриации, были не нужны Европе и стремились всеми возможными способами покинуть ее. Необходимо отметить маргинальность их положения, поскольку, отвергнув политику родной страны, они оказались «невозвращенцами» и не востребованными на чужбине. Именно поэтому они выезжали по поддельным документам, придумывая себе биографии и соглашаясь на любую работу. Ирина Сабурова в книге «О нас» создала портрет типичного дипийца: человек, одетый во что-то с чужого плеча, с выпирающими костями, вынужденный вечно врать и изворачиваться, с подложными документами, который не знает, что делать дальше, и мечется в попытках преодолеть эту ситуацию. Вышеуказанное обстоятельство определило феномен отсутствия в литературном сегменте «второй волны» эмиграции партийной литературы как таковой, поскольку большинство представителей «второй волны» не были членами какой-либо партии и большую часть жизни вынуждены были повести в изоляции, не только не высказывая публично своих политических взглядов за редким исключением, но и сохраняя инкогнито.

Фантастические биографии Ди-Пи стали основой мифотворчества, как, например, рассказ вымышленного «Ивана», который на вопрос комиссии, почему же он, будучи венгром, так хорошо знает русский, ответил: «Так я же жил в лесу». Иронически рассказывает о скитаниях, пережитых его семьей, Б. Ширяев: «Дальше Венесуэла. Не подошел по специальности. Сам дурак был еще тогда. Чили — ростом не вышел. Перу — лишние члены семьи оказались. Парагвай — чего-то в кармане не хватило, чтобы в группу попасть. Бразилия,

Австралия, Нью-Зеланд разом отпали по возрасту. В Боливию — веса не хватило. В Канаду по твоим хореографическим способностям не попали.

– Всё равно бы не пустили! — оправдывается жена.

– Так. Теперь США. В 1949 г. князь С.С. Белосельский-Белозерский, белый ашшуренс прислал. Его не признали. В это время Трумэн новый закон утверждал. Утвердил. Князь второй, теперь уже зеленый ашшуренс прислал. Пошло дело...

– Пошло, да не вышло»¹.

Материальную поддержку эмигрантам должны были оказывать две организации: UNRRA (United Nation Relief and Rehabilitation Administration) и IRO («Ирочка», как называли ее Ди-Пийцы). Однако помощь оказывалась неохотно и была незначительной. Переломным моментом в отношении к эмигрантам «второй волны» стало выступление Элеоноры Рузвельт в ООН по поводу невозвращенцев и осуждение ею закона о насильственной репатриации. Огромную помощь этим людям оказывала и Александра Толстая. Именно ей принадлежит статья «Русские Ди-Пи», в которой она пишет: «Ди-Пи – люди. Среди них можно найти всяких: хороших и плохих, сильных и слабых, образованных и неграмотных... Эти люди были преследуемы и унижены – не только потому, что они потеряли свое положение в жизни, но и потому, что во многих случаях они превратились в номера... Это те, кто носит на себе груз несправедливости, страдания неправды всего мира. И потому они заслужили всемерную помощь и сочувствие, которые можно им предоставить»². Благодаря этому вмешательству была искоренена так называемая «березовская болезнь»: сенатор Джон Кеннеди внес в палату представителей законопроект о легализации иммигрантов, которые въехали в США по поддельным документам, дав о себе неверные сведения, чтобы избежать депортации на основании Ялтинских соглашений между странами-

¹ Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записка продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 31.

² Tolstaya A. The Russian DP. Russian Review, 1950, № 1. January. P.58.

союзницами. Только после этого представители «второй волны» получили официальный статус и гражданство.

При этом одновременно с процессом движения невозвращенцев шел процесс добровольной репатриации, связанный как с победой СССР в Великой Отечественной войне и, следовательно, надеждами на радикальные перемены в стране, так и позднее с XX съездом партии и развенчанием культа личности Сталина:

– Так ты что, действительно собрался домой?

– Собрался.

– А пустят?

– Уже пустили.

– Ну что ж... Здесь, конечно, не жизнь.... Людям, которые помнят родину¹.

Такой диалог из романа Ю. Слепухина – человека, который был насильственно угнан в Германию и вернулся на Родину во времена «оттепели», – был типичен для репатриантов того времени. Среди них были и представители «первой волны» эмиграции (А. Вертинский, А. Ладинский), и те, кто стремился вернуться на Родину во что бы то ни стало. Способствовала этому процессу и деятельность Комитета за возвращение на Родину. Точных данных о вернувшихся в 40–50-е годы на Родину нет, но в сборнике 1983 г. «Почему мы вернулись на Родину: свидетельства реэмигрантов» называется цифра примерная – 10 000 человек.

Если центром эмиграции «первой волны» стала Франция, то для эмигрантов «второй волны» – Германия, прежде всего Мюнхен, именно сюда был переведен из Югославии Синод Зарубежной церкви. Позднее, в связи с политикой насильственной репатриации, эмигранты «второй волны» стремятся покинуть Европу. В пятидесятые годы они переселяются в США, Канаду, в страны Южной Америки. В. Агеносов в антологии «Восставшие из

¹ Слепухин Ю. Южный крест. Ленинград, 1983. С. 533.

небытия» приводит следующую статистику: в Германии и Англии обосновались на постоянное жительство 13 тысяч. К 1951 году 77,4 тыс. беженцев оказалось в США; 25,2 – в Австралии; 23,2 – в Канаде; 4,4 – в Аргентине; 6,4 – в Бразилии; 8,3 – в других странах (Англии, Франции, Парагвае)¹.

Значительное отличие в идейном, образовательном, этнокультурном отношении между представителями двух «волн эмиграции» усложняло взаимодействие между ними. Хотя, по мнению П. Базанова, различия между «первой и второй волнами эмиграции не носили культурного направления, а были чисто политическими»². Как отмечала Зинаида Шаховская, в целом «вторая волна» была признана за свою» представителями «первой волны»³. При этом огромное влияние на представителей «второй волны эмиграции» оказала личность И. Бунина. Они видели в нем живого классика, единственного русского лауреата Нобелевской премии по литературе. Так, в творчестве одного из крупнейших поэтов «второй волны» Ивана Елагина (Матвеева) ощущается влияние Бунина как на уровне композиции, так и идейного звучания (цикл «По дороге оттуда»). Перекликается с циклом рассказов «Темные аллеи» Бунина роман Л. Ржевского (Суражевского) «Две строчки времени», с рассказом «Солнечный удар» – «Песчаная отмель» В. Самарина (Соколова). Георгий Иванов положительно отзывался о Николае Ульянове, подчеркивая, что Ульянов – «проявление той самой великой России, о которой он тоскует и которую видит в Бунине»⁴.

При этом нельзя не отметить близость к «второй волне» представителей «незамеченного поколения». Этот термин впервые был использован

¹ Агеносов В. Восставшие из небытия: Антология писателей Ди–Пи и второй эмиграции. М.; СПб., 2014. С.27.

² Дипийцы: материалы и исследования / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; ответственный редактор П. А. Трибунский. М., 2021. С.187.

³ Шаховская З. Одна или две русских литературы? = Une ou deux littératures russes? // Междунар. симп., созв. Фак. словесности Женев. ун-та и Швейц. акад. Славистики. Женева, 1981. С. 58.

⁴ Иванов Г. Тройственный союз: (переписка 1953–1958 годов) / Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Роман Гуль. СПб., 2010. С.102.

прозаиком и публицистом русского зарубежья В. Варшавским. Подчеркивая «потерянность» этого поколения, З. Шаховская называет его «поколением отчужденных», Г. Газданов – «поколением пролета эпох», Ю. Терапиано – поколением «обнаженной совести», Б. Поплавский – «поколением наказания», Ю. Трубецкой – «недооцененным поколением». Живя «в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв после долголетних испытаний всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, – оно было обречено»¹. Обречено «на эмиграцию, то есть на несчастье»². Представители «незамеченного поколения», молодые писатели и поэты, которые не успели получить признания на Родине и создать свою литературную репутацию, и потому им, как и эмигрантам «второй волны», приходилось на чужбине искать свое место под солнцем. Интересным аспектом является то, что имена некоторых из тех, кого В. Варшавский относит к «незамеченному поколению» по вышеуказанному основанию, хорошо известны (Сирин-Набоков, Газданов, Берберова, Одоевцева). Так, Г. Аронсон обращал внимание на данный парадокс, отмечая: «Общая оценка не исключает ряда недоуменных вопросов: почему это поколение литературной молодежи – «незамеченное»? Ведь ряд писателей и поэтов из числа наиболее талантливых получил признание»³. Трагедию этого поколения и его отношение к Родине раскрыл Анатолий Алферов в докладе «Будни эмиграции. Куда мы идем?», отмечая, что эти люди прошли наравне с другими через Гражданскую войну, однако оказались разбросанными по миру и никому не нужными, опустошенными духовно. О той же проблеме писал и Г. Газданов: «...мы живем – не русские и не иностранцы – в безвоздушном

¹ Газданов Г. Творчество на перекрестке традиций. Т. 1/Сочинения: в 5-и кн. М., 2009. С. 752.

² Иваск Ю. Антология русской зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953. С. 7.

³ Аронсон Г. Новое русское слово // Новый журнал. Филадельфия, 1955. Книга 41. №15793. С. 8.

пространстве, без среды, без читателей, вообще, без ничего – в этой хрупкой Европе, – с непрекращающимся чувством того, что завтра всё опять «пойдет к черту», как это случилось в 14-м или 17-м году»¹. Большинство младоэмигрантов оказалось во Франции и Германии, однако были и те, кому удалось переместиться в Югославию (Нонна Белавина, Алексей Дураков, Екатерина Таубер), в Египет (Зинаида Ковалевская, Иван Умов), в Чехословакию (Христина Короткова, Алла Головина, Ирина Бем), в Харбин и Шанхай (Алексей Ачаир, Николай Щеголев, Валерий Перелешин, Лариса Андерсен, Григорий Сатовский-младший, Арсений Несмелов, Виктория Янковская, Лидия Хаиндрова).

Жизненный путь представителей «незамеченного поколения» также близок скитаниям Ди-Пи, большинство имен являются забытыми. Многие ушли из жизни молодыми, как Борис Поплавский, из-за наркотиков, или Анатолий Штейгер, выпивший ударную дозу снотворного. Погибли в годы Второй мировой войны Борис Вильде и Анатолий Левицкий, расстрелянные за участие в движении Resistance («Сопротивление») в 1942 году; Елизавета Скобцова, по первому браку Кузьмина-Караваева (мать Мария), казнена в газовой камере Равенсбрюка в 1945 году; Юрий Фельзен – в Освенциме в 1943 году; Юрий Мандельштам – в Явожно, филиале Освенцима, в 1943 году, Евгений Гессен – в Освенциме в 1944 году. О жизни тех, кого впоследствии стали называть Ди-Пи, рассказали в своих воспоминаниях те, кто выжил. Так, тяжелая с физической и моральной точки зрения жизнь в лагерях для «перемещенных лиц» позволила Б. Ширяеву привести связанные с этим термином ассоциации:

«– Тебе ничего не напоминает наше новое звание? — спросила жена.

– Пожалуй, птичку какую-то, — пожал я плечами, — дрянь такая эта птичка, не щегленок, и не чижик... Прыгает без толку, трясет хвостом и попискивает.

¹ Газданов Г. Литературные признания // Сочинения: в 5-и кн. М., 2009. Т. 1 С. 737.

– Ну, а мне другое. У меня в детстве кукла была резиновая. Морда у нее глу-у-пая была. Нажмешь ей на животик, а она высунет язык и пискнет: «ди-пи!» Уверяю тебя, именно «ди-пи» она кричала!

– Ну, это, знаешь ли, символика и мистическое предвидение. Мои ассоциации проще и к природе ближе. Дрянь была эта птичка... совсем никудышная...»¹

Как и представители «второй волны», представители «незамеченного поколения по-разному относились к вынужденной эмиграции». «Я выехал семь лет назад; чужая сторона утратила дух заграничности, как своя перестала быть географической привычкой... воспоминание либо тает, либо приобретает мертвый лоск...»² – признавался В. Набоков. Но были среди «незамеченного поколения» и те, кто после окончания Великой Отечественной войны вернулся на Родину: Антонин Ладинский, Николай Щеголев, Лидия Хаиндрова. При всем сходстве жизненных и мировоззренческих реалий, как отмечал Ю. Иваск, размышляя о взаимоотношениях двух «волн», полного взаимопонимания нет, хотя разговоры ведутся и книги выпускаются. Л. Оболенская-Флам, описывая взаимоотношения между двумя «волнами» эмиграции, указывала, что среди молодого поколения очень быстро произошло полное и естественное слияние, в то время как у старшего поколения процесс проходил медленно, но неуклонно, преимущественно на почве общих интересов.

Камнем преткновения между эмигрантами «первой» и «второй» «волн» стало отношение к политике СССР. Если представители «первой волны» после окончания войны заявляли о симпатии к родной стране, победившей фашизм, то представители «второй волны» в большинстве своем выступили оппозицией тоталитаризму. Свою позицию они изложили в манифесте Комитета освобождения народов России, во главе которого с 1944 года стоял генерал Власов. Провозглашая любовь к Родине, они выразили открытое

¹ Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записка продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 65.

² Набоков В. Дар. М., 1990. С. 28.

неприятие сталинского режима. Это во многом объяснялось тем, что «многие будущие перемещенные лица попадали в лагеря немецкие, уже пройдя лагеря советские. Например, из литераторов – Сергей Максимов, Николай Ульянов, Борис Филиппов»¹. В отличие от «первой волны», представителями «второй» было создано множество антисоветских организаций: АЦОДНР (Антибольшевистский центр освободительного движения народов России), СБОНР (Союз борьбы за освобождение народов России), СВОД (Союз воинов освободительного движения), НТС (Народно-трудовой союз), БСМР (Боевой союз молодежи России). Несмотря на разногласия, существовавшие между «первой» и «второй» «волнами» эмиграции, их «объединяла миссия сохранения русской национальной культуры и православной веры, что определяло систему ценностей и поведенческих парадигм эмигрантов. Эти особенности первых двух эмиграций были абсолютно нехарактерны для эмигрантов последующих волн»².

Если «первая» и «вторая» «волны» были во многом связаны с важнейшими историческими катаклизмами двадцатого века, то есть Октябрьской революцией и второй Мировой войной, то «третья волна» эмиграции – с мотивами творческими: невозможностью издавать свои произведения на Родине. Это обстоятельство позволило Е. Эткинду назвать представителей «третьей волны» «изгнанниками, выдвинутыми из родной страны»³. Хотя большинство исследователей этого периода делает упор на политические мотивы, начиная отсчет «третьей волны» с писателя Валерия Тарсиса, высланного из СССР в 1966 году, есть те, кто выделяет этнические причины эмиграции, подчеркивая, что среди эмигрантов, в основном, были

¹ Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия, 2012. №267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 30.08.2021).

² Медведева Т., Бушуева С. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности Российской эмиграции// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2016. № 2. С. 36.

³ Эткинд Е. Перечитывая «Покинутую Россию» // Время и мы. 1989. URL: http://belousenko.readyhosting.com/books/memoirs/perelman_russia.htm (дата обращения: 11.07.2023).

евреи и немцы, этой точки зрения придерживается О. Антропов в «Истории отечественной эмиграции». Традиционно «третья волна» эмиграции датируется 1960–1980 годами, ее связывают с окончанием периода «оттепели» и возникновением диссидентства как противостояния официальной системе. Начало этому положили такие процессы общественно-литературной жизни, как исключение Б. Пастернака из Союза писателей и его отказ от Нобелевской премии, процесс Даниэля-Синявского и суд над И. Бродским. Этой точки зрения придерживаются А. Федин, отмечая, что в настоящее время принято выделять три волны русской эмиграции: первая (рубеж 1910–1920-х годов); вторая (1940-е годы); и третья (конец 1960-х – начало 1980-х годов)», Е. Матвеева утверждает, что начало третьей волны эмиграции относится к эпохе конца 1960-х – начала 1970-х годов, то есть исходу «оттепели», а расцвет приходится на 1980-е годы. Некоторые раздвигают рамки этого периода до 1991 года. Так, А. Генис предлагает ограничить «третью волну» периодом между 1974-м и 1991 годами, а Е. Сёмочкина считает, что «третья волна» была самой растянутой во времени, и финал ее можно датировать 1991 г., поскольку до конца существования СССР характер и мотивы выездов оставались неизменными. Выделяется в этом вопросе особая позиция главного редактора «Нового журнала» Юрия Кашкарова, представителя «третьей волны», который указывал на условность классификации эмиграции по периодам и предлагал разделить на культурную и советскую эмиграции¹.

Представители «третьей волны» эмиграции, так же, как и представители «второй волны», обращались к событиям Второй мировой войны. Они во многом определили творчество писателей-фронтовиков (Владимов, Некрасов, Солженицын, Зиновьев, Хазанов), однако эта тема не стала главной в культуре «третьей волны». По классификации Е. Зубаревой, важную роль играли дети «оттепели» (Аксенов, Горенштейн, Максимов, Довлатов) и послевоенные

¹ Генис А. Третья волна: примерка свободы // Звезда. М., 2010. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/tretya-volna-primerka-svobody.html> (дата обращения: 04.12.2022).

деятели культуры (Соколов, Савицкий). Писатели «третьей волны», используя средства самиздата и тамиздата, вступали в конфликт с официальной властью, оперируя словами известного философа Георгия Федотова: «Мы привыкли думать, что национальная культура нуждается в государственной охране, как черепаха в панцире. Между тем история совсем не подтверждает предполагаемого совпадения государства и национальной культуры. Очень часто культурное единство вовсе не вмещается в рамки общей государственности»¹. При этом не было необходимости в сокрытии своего имени, изменении биографии, покидая Родину, в большинстве своем у них не было проблем с трудоустройством на Западе. Причина драмы «третьей волны» заключалась в том, что лучшие книги ее представителей были написаны до эмиграции их авторов. «Почти все шедевры новой словесности создавались на родине, хотя и были напечатаны за ее пределами»². У представителей «второй волны» были совершенно другие проблемы и задачи, для них важно было, избежав репатриации, устроиться в бытовом плане, получить гражданство. Все душевные и физические усилия были направлены на это, творчество же отходило на второй план: оно становилось своеобразной попыткой самооправдания, помогающей переосмыслить прожитое.

Однако, несмотря на существенные различия между «второй и третьей волнами» эмиграции, существует объединяющий их фактор – социально-культурный феномен философии эскапизма. Это понятие восходит этимологически к английскому «escape», что означает «бежать», «спастись». Под эскапизмом подразумевается стремление уйти от действительности в иллюзорный мир в экстремальной ситуации кризиса, отчуждения, безысходности. Существует не так много исследований, посвященных проблеме эскапизма. Все они опираются на эссе «О волшебных сказках» Дж. Р. Р. Толкиена, утверждавшего, что «часть главной болезни наших дней –

¹ Генис А. Третья волна: примерка свободы // Звезда. М., 2010. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/tretya-volna-primerka-svobody.html> (дата обращения: 04.12.2022).

² Там же.

порождающая желание «уйти», но не от жизни, конечно, а от нашего времени и нами же сотворенных несчастий – то, что мы прекрасно понимаем, как уродство сработанного нами, так и зло от него. На этом зиждется особый (или случайный) «эскапистский» аспект современных сказок, разделяемый и романами, и многими другими рассказами из прошлого и о прошлом»¹. Другими словами, Толкиен трактует эскапизм как уход от уродства современного мира. Однако М. Греков в диссертации «Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе» утверждает, что «следует отличать эскапизм от различных аддикций, представляющих собой не просто «уход от», а патологическую «тягу к», причем к чему-то конкретному»².

Эскапизм в творчестве представителей «третьей волны» эмиграции проявился на уровне и содержания, и формы. Он многообразен и вариативен. Среди его особенностей можно отметить: интерес к жанру антиутопии (А. Терц «Любимов», А. Зиновьев «Зияющие высоты», В. Аксенов «Остров Крым», В. Войнович «Москва 2042», А. Кабаков «Невозвращенец»), перекличка с «Зооландией» В. Набокова; мениппейные традиции, благодаря которым «литература творит условную модель, своеобразный способ постижения жизни»³ и отличается сюжетом, в основе которого история правды и ее носителя в мире; тематический эскапизм, при котором объектом изображения становятся различные аддикции: наркотики, пьянство, беспорядочный секс как способ уйти от реальности (Э. Лимонов, Д. Савицкий, С. Довлатов), перекличка с произведением М. Агеева «Роман с кокаином»; обращение к сюжету путешествия, образ дороги, путь «в никуда», «между», «по ту сторону» (Д. Савицкий «Ниоткуда с любовью, С. Юрьенен «Нарушитель границы» и «Вольный стрелок», Ю. Милославский

¹ Tolkien J.R.R. On Fairy-Stories. HarperCollins Publishers, 2014.

² Греков М. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-eskapizma-v-medianasyshchenom-obshchestve> (дата обращения: 13.10.2022).

³ Генис А., Вайль П. Вселенная без мозжечка // Время и мы. Нью-Йорк, 1979. №39. С. 157.

«Укрепленные города», Б. Кенжеев «Младший брат» и «Плато»); создание карнавализованной модели мира, которую П. Вайль и А. Генис назвали «вселенной без мозжечка» (А. Зиновьев «Зияющие высоты»); постоянное обращение к прошлому как побег от настоящего и в исповедальной прозе (Д. Савицкий, Э. Лимонов), и в исторической (Г. Владимов, А. Солженицын). Для представителей «второй волны» характерна только последняя разновидность эскапизма, поэтому одним из главных авторских приемов становится ретроспекция. Их творчество – это либо попытка вернуться в прошлое, либо надежда заглянуть в будущее.

Между представителями «второй» и «третьей» «волн» существовали и личностные связи. Так, дружеские и творческие отношения объединяли Леонида Ржевского (Суражевского) и Владимира Максимова, свидетельством чему является их переписка, в которой В. Максимов в том числе называет Ржевского «не только выдающимся знатоком современной литературы, но одним из лучших ныне живущих русских прозаиков»¹.

Связующим звеном между всеми волнами эмиграции служила периодическая печать, причем интерес к книгам и журналам не пропадал даже во времена самых сложных испытаний. Б. Ширяев отмечал, что русские беженцы группировались вокруг церкви и газет, а В. Синкевич называла издательскую деятельность чудом². Первоначально в лагерях для перемещенных лиц с 1945 года стали выходить самодельные газеты и бюллетени, информационные листки, что было особенно важно для людей, которые боялись насильственной репатриации и не доверяли изданиям ИРО, дававшим одностороннюю и тенденциозную информацию. Эти издания существовали на протяжении разного времени, например, «Хроника лагеря Шлайсхайма» вышла 37 раз, а «Почты Колумба» в Зальцбурге – 798. Полноценные книги начинают выходить с 1946 года, доказывая, что даже в

¹ Скарлыгина Е. Дипийцы. Материалы и исследования. М., 2021. С. 204.

² Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия, 2012. №267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 30.08.2021).

такое сложное время для людей важна духовная поддержка. По воспоминаниям В. Синкевич, издательская деятельность была сконцентрирована в американской зоне, причем существовали даже цензоры, которые ставили штемпель на книгу, доказывая ее благонадежность. Книги выходили тиражами от 50 до 500 в Мюнхене, Мехенгофе, Регенсбурге. В английской оккупационной зоне существовало издательство «Копейка». Если вначале книги издавались ротаторным способом вручную, то затем издаются типографским. Первой печатной типографским способом книгой является «Конек-горбунок», изданный В. Завалишиным для детей. Появлялись тогда и «одноразовые издательства», к которым можно отнести «книжку-малышку» рассказов Александра Перфильева «Когда горит снег», вышедшую в издательстве «Космос», Мюнхен, 1946 г.

Среди газет, которые активно публиковали произведения эмигрантов «второй волны», следует выделить следующие: «Новое русское слово» (ежедневная газета, выходившая в Нью-Йорке с 1920 по 2010 гг.); «Русская жизнь» (общественно-демократическая беспартийная газета, выходящая в Сан-Франциско с 1921 года по наше время); «Русская мысль» (еженедельная газета, издававшаяся в Париже с 1947 года, в Лондоне – с 2008 года); «Наша страна» (еженедельная газета, выпускавшаяся в Буэнос-Айресе с 1948 по 2017 год).

Важную роль в культурной жизни «второй волны» эмиграции играли журналы, которые были неразрывно связаны с центрами русской эмиграции. После Второй мировой войны в английской зоне оккупации существовал лагерь Ди-Пи Келлерберг (Kellerberg), в котором находились чины «Русского корпуса» и который называли «вторым Галлиполи». С 1946 по 1949 год выходил журнал «На рубеже»: «В культурной жизни лагерь процветает, журнал «На рубеже» выходит в свет, Навроцкий «Наши вести» выпускает, не мало читано «устных газет» ... И всё, что я сейчас стихом-картиной, пред

вашим взором письменно поверг, создал Рогожин со своей дружиной и составляет лагерь Келлерберг»¹.

В Мюнхене после войны выходили такие журналы, как «Вестник института по изучению СССР» (с 1951 по 1960 гг.); «Литературный современник» (альманах прозы, стихов и критики, 1951–1952 гг., 1954 г.); «Свобода» (ежемесячный общественно-политический иллюстрированный журнал, 1952–1963 гг.); «Мосты» (общественно-политический и литературно-художественный журнал, 1958–1970 гг.); «Зарубежье» (общественно-политический журнал, 1965–1979 гг.); «Голос Зарубежья» (общественно-политический и литературно-художественный журнал, 1976–1998 гг.); «Вече» (независимый альманах, 1981–1996 гг., 1999 г. – н.в.). Во Франкфурте-на-Майне издавались «Грани» (журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, с 1946 года) и «Посев» (с 1945 до 1968 г. – еженедельная газета, орган Народно-трудового союза российских солидаристов; с 1992 г. – общественно-политический журнал, издаваемый в Москве). Среди американских изданий выделяются «Опыты» (литературный журнал, выходивший с 1953 по 1958 год в Нью-Йорке); «Новый журнал» (литературно-политическое издание Нью-Йорка с 1942 года, в редакционную коллегию которого входила В. Синкевич); «Русское возрождение» (независимый русский национальный православный орган, с 1978 года издавался в Нью-Йорке, с 1994 г. – в России, с 2001 г. – альманах в Париже); «Воздушные пути» (альманах, Нью-Йорк, 1960–1967 гг.); «Православная Русь» (церковно-общественный орган ортодоксальной России, издавался в Джорданвилле с 1947 по 2016 годы). Среди парижских изданий можно отметить следующие: «Часовой» (военно-морской иллюстрированный журнал, с 1929 по 1988 гг.); «Российский демократ» (ежемесячный журнал, орган «Союза борьбы за свободу России», 1948–1957 годы); «Континент» (литературно-художественный, общественно-политический и религиозный

¹ Архивы русской эмиграции в Париже. URL: <https://paris1814.com/alpes/kellerberg> (дата обращения: 10.06.2021).

журнал, с 1974 по 1992 гг. – в Париже, с 1992 по 2013 гг. – в Москве, с 2013 года существует как Интернет-издание); «Возрождение» (литературно-политический журнал, выходил с 1949 по 1974 годы); «Социалистический вестник» (орган российской социал-демократической рабочей партии, издавался в Германии (Берлин), Франции (Париж), США (Нью-Йорк), выпускался с 1921 по 1963 год). В Аргентине (Буэнос-Айресе) с 1932 года по 1982 издавался культурно-просветительский журнал «Сеятель», в Канаде (Торонто) с 1960 по 1980 г. – «Современник» (журнал русской культуры и национальной мысли).

Р. Полчанинов, автор книги «Заметки коллекционера», изданной в Канаде в 1988 году, условно разделил издательскую деятельность «фанатиков русского печатного слова» на периоды. Сначала следовал период ЮНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) с 1945 г. по 30 июня 1947 г., затем полное запрещение издательской деятельности с ноября 1946 до 14 июля 1947 г. И, наконец, период ПСИРО⁵ (Подготовительного комитета Международной организации по делам беженцев) с 1 июля 1947 г. и ИРО с января 1949 г. до 31 декабря 1951 г.¹

Следует отметить, что наряду с газетами и журналами, которые давали возможность послевоенным русским эмигрантам размещать свои произведения, в лагерях Ди-Пи существовала своя издательская деятельность, которая носила активный характер с 1945 по 1951 годы. Ей посвящена библиография М. Шатова, изданная в США, в которой частично представлены издания книг Ди-Пи. В СССР этим вопросом интересовались А. Алексеев, а позднее М. Юпп, автор книги «Галактика ДИ-ПИ». В 2007 году на страницах альманаха «Диаспора» №8 был опубликован «Библиографический указатель дипийских книг и брошюр (1945–1951 гг.)» П.Н. Базанова – библиографа, который отметил, что «интерес к дипийским книгам и брошюрам появился

¹ Штейн Э. Русская печать лагерей "Ди-Пи", М., 1993. С. 135.

после публикации известного указателя Э. Штейна «Русская печать лагерей Ди-Пи».

К сожалению, издания книг Ди-Пи стали библиографической редкостью, ведь, когда люди покидали лагеря для перемещенных лиц и отправлялись на работу в США, страны Южной Америки, им разрешалось брать не больше 40–50 кг багажа, а, следовательно, книги взять с собой не удавалось, и они были утрачены. Кроме того, издавались они маленькими тиражами, не более 1000 экземпляров, и на очень некачественной бумаге. Коллекции книг Ди-Пи сохранились благодаря подвижнической деятельности М. Юппа, Э. Штейна, который «собрал полные комплекты таких периодических изданий, как «Русская мысль», «Рубеж», «Новый журнал», «Посев», «Грани», «Мосты», «Новый американец». В его книжной коллекции было 1600 сборников зарубежных поэтов и 192 книги Ди-Пи»¹. Сам Штейн указывал, что в собрании Колумбийского университета имеются 242 журнала, издававшихся в те годы русскими беженцами в Германии. К ним нужно приплюсовать 192 наименования из собрания Э. Штейна и 67 из каталога антикварной книги издательства «Посев». Таким образом, получалось 501 наименование, и эта цифра, по мнению Штейна, могла быть не окончательной².

В настоящее время ознакомиться с творчеством представителей «второй волны» можно в Российской государственной библиотеке, при этом многие произведения хранятся в виде раритетных изданий, ни разу не переиздававшихся, или в виде публикаций в эмигрантских журналах. Издававшиеся в 2000-е годы произведения отдельных авторов можно приобрести лишь на аукционах. Примеры редких изданий представлены в Приложении 1 «Раритетные издания “второй волны”» на стр. 180.

¹ Памяти Эммануила (Эдуарда) Штейна // Посев. М., 1999. № 12. С. 48.

² Штейн Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи», М., 1993. С. 135.

1.2 Мироззрение и повседневность

как экзистенциальные факторы российской эмиграции «второй волны»

Несмотря на общность жизненных обстоятельств, приведших к эмиграции, люди, оказавшиеся в одной и той же критической ситуации, совершали различный нравственный выбор. По мнению историка Григория Кривошеева, во время Второй мировой войны в плену оказалось 3 396 400 человек, из них вернулись на Родину 1 836 000, не вернулись – 1 783 000 человек. Эти цифры свидетельствуют о том, что многие оказавшиеся в плену не стали эмигрантами, следовательно, причинами эмиграции «второй волны» стали не только исторические предпосылки, но и конкретные реалии жизни эмигрантов, то есть речь идет о детерминировании мироззренческого характера. Данной точки зрения придерживаются В. Крейд, Р. Герра, давая следующее определение «второй волне» эмиграции: «... писатели второй волны – люди советской формации, которые в 20-е и 30-е годы жили в СССР, и на них не могли не сказаться больше двадцати лет «советчины». Все они носили в себе ... опыт... неведомый писателям первой волны эмиграции. Кто был обижен советской властью (Н. Нароков, О. Анстей, И. Елагин), кто был внутренним эмигрантом (Д. Кленовский), кто пострадал и попал в сталинский ГУЛАГ (Н. Ульянов, Б. Филиппов, Ю. Трубецкой)»¹.

Исследование причин, приведших к эмиграции, связано с теорией Э. Гуссерля о «жизненном мире», который, согласно ученому, «действительно наглядный, действительно испытываемый и доступный опыту мир, в котором практически разыгрывается вся наша жизнь, остается как он есть в его собственной сущностной структуре, в его собственном конкретном стиле причинности неизменным, что бы мы безыскусно или в порядке искусства ни делали»². Жизненный мир отличается субъективностью и помогает принимать

¹ Герра Р. В кривом зеркале антологии. Полемика // День литературы. М., 2016. URL: <https://denliteraturi.ru/article/1806> (дата обращения: 12.03.2021).

² Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phenomenology. Hamburg, 1977. S. 54.

определенные решения в объективном мире. Жизненный мир представителей «второй волны» определяется духовными поисками точки соприкосновения субъективного и объективного миров через покаяние. Для достижения этой цели используются инварианты «пространство-время», «причинность», «вещность», позволяющие раскрыть позицию авторов через автобиографический хронотоп.

«Вторая волна» эмиграции отличается социальным многообразием. Рассматривая социальные группы, следует отметить, что разные исследователи «второй волны» приводят свои персоналии, что, по словам Евгения Витковского, «не результат противоречия, а свидетельство того, насколько велика, многообразна и не изучена еще культура всего лишь одной волны русской эмиграции», поэтому «приходится строить концепцию не после того, как изучаемый материал изучен, а в процессе освоения...»¹

К первой социальной группе можно отнести интеллигентов, не принявших жестокости тоталитаризма. Их позицию детерминируют размышления Д. Лихачева в «Письмах о добром и прекрасном», полагавшего, что «интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию... терпимое отношение к миру и к людям»². Именно поэтому для некоторых интеллигентов эмиграция стала возможностью избавления от гнета тоталитаризма.

Григорий Климов (Игорь Борисович Калмыков) – один из тех, кто сознательно стал эмигрантом и, работая в Берлине, решил перейти в американскую зону, чтобы остаться на Западе: «Пути назад нет. Я поворачиваюсь и иду навстречу будущему»³. Этому решению предшествовала учеба в трех институтах, служба в армии, ранение, позднее – служба в Берлине (Советская военная администрация Германии, СВАГ). В 1947 г. Климов перешел в американскую зону оккупации и стал главным редактором

¹ Восставшие из небытия...: антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции / В. В. Агеносов. М.; Спб., 2014. С. 9.

² Лихачев Д. Письмо 12 // Письма о добром и прекрасном. М., 1992. С. 9.

³ Климов Г. Песнь победителя. Ростов-на-Дону, 1995. С. 542.

журналов «Свобода», «Антикоммунист», работал на американскую разведку «Гарвардский проект», а впоследствии, получив гражданство, по специальности – инженером-строителем. Будучи эмигрантом, Климов неоднозначно относился к западным ценностям, о чем открыто говорил в своих интервью. Не случайно, после его смерти некролог был опубликован в России: «Он прожил тяжелую, порой трагическую жизнь, но остался русским человеком и русским писателем»¹.

Д.С. Лихачев на вопрос о том, стоит ли писать воспоминания, отвечал утвердительно, подчеркивая, что это необходимо для того, чтобы не забылись события, атмосфера прежних лет, и остался след от людей, «которых, может быть, никто больше никогда не вспомнит, о которых врут документы»². Иллюстрацией этих слов служит жизненный путь Т. Фесенко и ее произведение «Повесть кривых лет». Татьяна Павловна Фесенко (Светенко) родилась в семье интеллигентов, работала в библиотеке Академии Наук, редактором в издательстве, составляла картотеку для словаря в Институте языкознания, преподавала английский язык в Университете. Во время оккупации Киева вместе с отступающими войсками дошла до Баварии, а в конце 40-х годов эмигрировала в США. Ее выбор во многом был предопределен арестом отца в начале войны, в состав преступления которого входило хорошее знание немецкого языка, а также то, что «на его руке, несмотря на предупреждения секретаря партийной ячейки, поблескивало обручальное кольцо»³. Однако, несмотря ни на что, Фесенко, как и многие другие интеллигенты, рассматривала все тяготы и трудности как нечто неизбежное, но преодолеваемое. Она подчеркивала: «Я любила свою страну, хотя не любила многого в ней...»⁴ Такое отношение к Родине во многом

¹ Бондаренко В. Умер Григорий Климов // Завтра. М., 2007. № 52 (736). URL: http://www.gklimov.info/lib_articles/bondarenko_umer_grigoriy_klimov.html (дата обращения: 09.10.2022).

² Лихачев Д. Письмо 12 // Письма о добром и прекрасном. М., 1992.

³ Фесенко Т. Повесть кривых лет. Нью-Йорк, 1963. С. 65.

⁴ Там же. С. 62.

определяла ненависть к захватчикам, о которой она пишет в своих воспоминаниях. «Насильственный набор в Германию, не менее жестокий, чем татарская неволя, вот что было последней каплей...»¹ Покидая Киев, она осознает, что это «разрыв с прежней жизнью, и, может быть, безвозвратный»². Однако, не приемля насилия немцев, Фесенко в то же время пишет и о своем неприятии существующего советского строя, проблемные элементы которого раскрылись за годы войны. В частности, это касается людей, оказавшихся в таком же сложном положении, как и она сама, на оккупированных территориях. Так, попавший в плен бывший гвардии сержант Митя по-сталински именуется «изменником родины», а за теми, кто решает остаться на Западе, охотятся репатриационные офицеры. Именно поэтому Татьяна Павловна с радостью встречает «Закон о перемещенных лицах», подписанный в 1948 году, помогающий обрести надежду на новую жизнь. Получив гражданство США, Т. Фесенко вместе с мужем работала в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, составила научное описание редких русских книг восемнадцатого века. Самым главным трудом ее жизни можно считать «Повесть кривых лет», которую назвали «историей борьбы советского человека за себя, борьбы за человечность...»³ Эта книга о трудном пути тех, кто вынужден был покинуть Родину, но не смог избавиться от любви к ней. «Путь, пройденный автором, характерен для всего ее поколения – предвоенные молодые годы в родном Киеве показаны на черном фоне коллективизации, ежовщины; затем – Вторая мировая война, немецкая оккупация, с потрясающими воображение мрачными зарисовками военного лихолетья; а дальше – тяжкий путь через всю дымящуюся Европу, с вечным страхом ди-пи перед насильственной репатриацией. В этой документальной, правдивой и драматичной, повести, изданной газетой «Новое русское слово»

¹ Фесенко Т. Повесть кривых лет. Нью-Йорк, 1963. С.82.

² Там же. С. 95.

³ Завалишин В. Рецензия на книгу Фесенко Т.П. «Повесть кривых лет». Нью-Йорк, 1963. С. 292.

(Нью-Йорк, 1963 г.), особенно ценным сегодня становятся свидетельства о жизни «перемещенных лиц» в Германии сразу после войны»¹.

Иван Венедиктович Елагин (Матвеев) был другом Татьяны Фесенко. Как и она, переживает арест, а затем и смерть отца, что определяет его жизненный выбор. Отцом Ивана Елагина был известный поэт-футурист Венедикт Март (Матвеев), который посвятил ему одну из своих книг, изданную в Харбине в 1922 году: «Лунных Зайчиков — Зайчику Уотту-Зангвильду-Иоанну Марту Сыну моему возлюбленному «Бисер лунного сока» посвящаю. Автор»². В роду Матвеевых было много поэтов: у деда, Николая Амурского (Николая Петровича Матвеева) было пятнадцать детей, и все они были творческими личностями. Сам глава семьи издавал журнал «Природа и люди Дальнего Востока», в 1904 году издательство Сытина в Москве выпустило книгу его «Уссурийских рассказов». Семью связывали дружеские отношения с Борисом Пильняком, Даниилом Хармсом, Николаем Клюевым. После революции Иван Матвеев с отцом жил в Харбине. По возвращении на Родину отец был арестован и отправлен в ссылку в Саратов, а после повторного ареста в 1937 г. расстрелян: «В тот темный год отца из дома увели. // Под рев ветров заупокойных, // казалось, треть страны в тот год ушло с земли // В сопровождении покойных»³. В 40-е годы появился и псевдоним, который, по свидетельству Е. Витковского, может быть связан как с Елагиным островом в Петербурге, так и с поэтом-масоном восемнадцатого века Иваном Елагиным. В Киеве Иван Матвеев поступил в медицинский институт, в годы войны работал в роддоме. Татьяна Фесенко вспоминала в «Повести кривых лет» о встречах с Елагиным в то время, отмечая, что в худеньком и веселом молодом человеке сложно было предположить одного из будущих лучших поэтов русского зарубежья. Николай Моршен рассказывал о встрече с Елагиным в Киеве: «Мы встретились на улице занятого немцами Киева уже в 41 году. Я

¹ Герра Р. Мои встречи с выдающимися представителями «второй волны» эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк, 2015. №278. С. 12.

² Елагин И. Т. 1 // Сочинения в 2-х кн. М., 1998. С. 4.

³ Елагин И. Т. 2 // Сочинения в 2-х кн. М., 1998. С. 276.

испугался за него, так как считал Залика (так его звали тогда) стопроцентным евреем (он фифти-фифти)»¹. В 1943 году Иван Елагин вместе со своей женой Ольгой Анстей стал «перемещенным лицом»: перебрался в Чехословакию, Польшу, а позднее в Германию, понимая, что арест отца и работа во время оккупации будут рассматриваться как сотрудничество с фашистами. В Германии Елагин становится одним из Ди-Пи, находясь в лагере Шлайсхайм: днем он ездил в заснеженный лес рубить прутья для лагерных метел или мерз на посту у лагерного склада, но продолжал писать стихи: «Корпуса бетонные // Кто ж внутри содержится? // А перемещенные // Беженцы-отверженцы», «Негде стать на якорь. // Чувствую заранее, // Что погибну в лагере // Где-нибудь в Германии», «Угрожают выдачи! // Нансеновским паспортом// Запасайся – иначе // Попадешься аспидам!»² Сумев избежать репатриации, он переезжает в США, где работает сначала уборщиком в ресторане, рабочим на фабрике, позднее поступает в Нью-Йоркский университет, защищает докторскую степень, преподает русскую литературу в Питтсбургском университете, и именно этот город становится его домом: «Ну что ж, – бери вой чемодан, неси // До первого свободного такси, // А встречи, впечатления, дорогу – // Спрячь в памяти. // ...Сейчас мы завернем. // Я вижу белку на окне моем. // Подъехали. Я дома. Слава Богу»³.

Для интеллигентов, ставших эмигрантами, было важным разграничение таких понятий, как патриотизм и национализм. По мнению Д. Лихачева, надо быть патриотом, а не националистом, между этими двумя понятиями есть глубокое различие. В первом – любовь к своей стране, во втором – ненависть ко всем другим⁴. Среди тех, кого не вполне заслуженно относили к националистам, были В. Самарин, В. Юрасов, Б. Башилов.

¹ Витковский Е. Предисловие к Собранию сочинений И. Елагина в 2-х кн. М., 1998. Т. 1. С. 12.

² Елагин И. Сочинения в 2-х кн. М., 1998. Т. 2. С. 249.

³ Елагин И. Сочинения в 2-х кн. М., 1998. Т. 2. С. 249.

⁴ Лихачев Д. Письмо третье // Письма о добром и прекрасном. М., 1992.

Владимир Дмитриевич Самарин (Соколов) столкнулся с жестокостью власти, не принявшей его социального происхождения. Для поступления в вуз он пытался скрыть свое не рабоче-крестьянское происхождение. После того как это было разоблачено, он был исключен из института и, пытаясь скрыться от преследования, переехал в Воронежскую область, работал учителем. В 1942 году он оказался в зоне оккупации, выступал с лекциями перед бойцами РОА, отступил с немецкими войсками и оказался в Германии. Переехав в 1951 году в США, он в течение двадцати лет работал в издательстве Чехова, преподавал в Йельском университете. Но в 1976 году был вынужден выйти в отставку, в связи с публикацией статьи о его антисемитских высказываниях во время войны. В результате судебных процессов он был лишен американского гражданства и переехал в Канаду, попросив статус беженца. Последние годы жизни Соколова были связаны с переживаниями по поводу возможной репатриации. Даже в самые трудные времена он вспоминал о Родине: «Не раз... я вспоминал Пастернака, ходившего на свиданья с застроенными пространствами... На здание можно смотреть подолгу, как на картину в музее, и застроенное пространство может пленить так же, как галерея французских импрессионистов... В Париже я вспомнил Петроград, в Версале Петергоф, в Ницце Ялту»¹.

Владимир Иванович Юрасов (Сергей Юрасов, Жабинский – псевдоним, который ему подсказал Р. Гуль), в отличие от большинства представителей «второй волны», осознанно стал эмигрантом. Понимая, что эмиграция для русского писателя – трагедия, он делает свой выбор, так как полагает, что положение на Родине еще трагичнее. К этому решению его привела череда обстоятельств. Он, родившийся в пролетарской семье, участвовал в индустриализации страны (работал на строительстве Россельмаша, на сталинградском заводе, участвовал в электрификации сельского хозяйства), но в 1937-м был арестован по ложным доносам людей, претендовавших на его

¹ Самарин В. Месяц в Европе // Мосты. Мюнхен, 1970. № 15. С. 121.

жилплощадь, получил срок за антисоветскую пропаганду, и в 1941-м совершил побег из эшелона. В связи с тем, что сведения о судимости были утеряны, он смог устроиться на работу, а позднее был мобилизован и отправлен в Германию для участия в вывозе оборудования в чине инженера-майора. Демобилизовавшись полковником и оставшись работать в одном из министерств, он позднее бежал в американскую зону, долгое время скрывался от насильственной репатриации, опасаясь, что при возвращении на Родину будет арестован.

Борис Башилов (Юркевич Борис Платонович, Борис Норд, Тамарцев, Михаил Алексеевич Поморцев) использовал как творческий псевдоним фамилию, которую носил один из его предков с материнской стороны – флигель-адъютант императора Павла I. По отцовской линии Башилов был в родстве с выдающимся русским философом П.Д. Юркевичем. В 30-е годы работал журналистом в журнале «Вокруг света», в газете «Правда Севера», начал писать исторический роман о восемнадцатом веке. Трагическую роль в судьбе Башилова сыграл плен, он оказался в концлагере под Смоленском: «Лютая морозная ночь летит над полузамерзшим Смоленском, над бараками лагеря, где мучаются на ледяном цементном полу, в сорокаградусный мороз, мои несчастные товарищи; над Дорогой Смерти, ведущей из Смоленска в Вязьму, на которой немецкие конвоиры пристрелили десятки тысяч ослабевших, не имевших больше сил идти, военнопленных... А там, за линией фронта лежит моя Россия, которую я люблю больше всего на свете»¹. Спасением для Башилова стало согласие работать в отделе пропаганды в армии Власова. Мечтая о возрождении России, он принимает решение: «Над Россией нависла черная грозная туча... И в ночной морозной тишине начинают созревать решения. Редкий из нас уверен, что принятое им решение единственно правильное... Мы все знаем только одно. Мы чувствуем это инстинктивно, бессознательно, что Россия гибнет. Не СССР, а именно Россия.

¹ Платонов О. Русское сопротивление на войне с антихристом. Из воспоминаний и дневников. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=111126> (дата обращения: 17.06.2022).

Мы знаем, что надо немедленно действовать. Надо решить немедленно, надо скорей занимать свое место в гигантской борьбе, идущей на бескрайних просторах России... В эту же декабрьскую ночь, за два дня до Рождества, окончательное решение принял и я. Я решил, что всё то время, которое мне подарит судьба, я посвящу борьбе за свободу и счастье России, против всех врагов, которых она имеет... Я решил пойти работать в Центральную пропаганду немецкой армии, чтобы иметь возможность разоблачать очередные обманы большевистской пропаганды во время войны и быть в курсе замыслов гитлеровской пропаганды, чтобы иметь возможность разоблачать и их. И в годы войны, и после нее, я неуклонно выполнял клятву, данную мной в сочельник 1941...»¹ Окончив школу пропагандистов, Башилов служил в РОА, а после окончания войны, пройдя через лагеря Ди-Пи, отправился в Аргентину, в Буэнос-Айрес.

К интеллигентам, не принявшим жестокости тоталитаризма, близка и вторая социальная группа эмигрантов: дворяне, вынужденные приспособляться к советской действительности. По мнению Н. Розенберг, историко-бытовой материал при определенных концептуальных посылках становится своеобразным «узлом», стягивающим все важнейшие «нити» культуры и истории народа – экономическую, социальную, политическую, дипломатическую, духовную – в отправную точку в изучении других сложнейших проблем². Эта точка зрения помогает понять драматизм судеб Л. Ржевского и Г. Месняева.

Леонид Денисович Ржевский (Суражевский) «... был аристократом: по рождению и по духу»³. Он родился в имении деда по матери С.В. де Роберти Лацерда под Ржевом (соединение названия этого города и его собственной

¹ Платонов О. Русское сопротивление на войне с антихристом. Из воспоминаний и дневников. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=111126> (дата обращения: 17.06.2022).

² Розенберг Н. «Жизненный мир» как культурно-исторический мир повседневности в феноменологии Э. Гуссерля // Вестник ТГУ. Тула, 2008. № 8. С. 251.

³ Агеносов В. Показавшему нам свет...: Леонид Ржевский (Суражевский) // Вестник Российской академии естественных наук. М., 2015. № 4. С. 104.

фамилии он в будущем использует в качестве псевдонима). Многие в его роду занимались литературной деятельностью, в том числе бабушка будущего писателя Любовь Филипповна Нелидова (Королёва), чья первая книга «Девочка Лида» вызвала восторг Н. Некрасова. Ржевский получил гуманитарное образование: окончил 2-ой МГУ, аспирантуру, защитил диссертацию о языке «Горя от ума». После защиты ушел переводчиком на фронт – помощником начальника разведки, при исполнении боевого задания подорвался на mine и попал в плен. 1941–1942 гг. провел в лагерях для военнопленных, после чего страдал от язвы желудка и туберкулеза. «В 1943 г. ему предложили работать с учителями русских школ под Смоленском: немцы хотели открыть народные школы. Это было спасение, и пленный согласился. Но темы выбирал исключительно общеметодические: «Как прорабатывать книгу», «Как готовиться к докладу»¹. Однако долго заниматься этой деятельностью Ржевский не мог из-за обострения туберкулеза. После войны Ржевский жил в Германии, в Париже, Швеции, последние годы жизни преподавал в Оклахомском и Нью-Йоркском университетах в США. Но где бы он ни жил физически, мысленно он был неразрывно связан с Россией. «В эмиграции наряду с преподаванием и созданием художественной прозы, Л. Ржевский продолжал свои наблюдения над языковой ситуацией на Родине»: «Светофоры на путях советского исследования», «О культуре языка в СССР», «Прочтение творческого слова»². При этом Ржевский, ученик профессора Виноградова, опирался на труды своего учителя, выступая на семинарах. По рассказам его жены А. Шиловской, машинописный экземпляр его кандидатской диссертации остался у профессора Виноградова и стал частью его личной библиотеки, впоследствии попал в кабинет Виноградова в Пушкинском Доме (Институт русской литературы). «Почти в каждом произведении Ржевского этика личности находится в конфликте с этикой

¹ Агеносов В. Показавшему нам свет...: Леонид Ржевский (Суражевский) // Вестник Российской академии естественных наук. М., 2015. № 4. С. 107.

² Толстой И. Дипийцы: материалы и исследования. М., 2021. С.247.

общества. Он описывает душевное состояние человека, у которого есть один выход: оправдать или даже одухотворить преступное общество. И в результате тяжкий груз причастности к преступлению герой несет всю свою жизнь. Позже, в литературоведческой статье Ржевский назовет эту причастность «пилатовым грехом», то есть грехом трусости – не на поле брани, а экзистенциальной, социально-бытовой»¹.

Григорий Валерьянович Месняев родился в дворянской семье в Тульской губернии. В годы Первой мировой войны он воевал в составе пехотного Владикавказского полка. В годы Гражданской войны состоял в Марковском полку Белой армии. Из-за тифа, осложненного воспалением легких, не смог покинуть Россию и в течение двадцати трех лет жил в Ростове, работая в системе здравоохранения и пытаясь избежать чисток. Во время Великой Отечественной войны, находясь в оккупированном городе, Григорий Валерианович пытается выбраться из оккупированного Ростова и «попасть в свободный мир, в котором никогда больше не придется прятаться и скрывать своё прошлое, мысли и убеждения»². Семья Месняевых добралась до Баварии и, получив после окончания войны статус Ди-Пи, сумела переехать в Америку. В 1963 году Месняев возглавил Пушкинское общество. Главным делом своей жизни писатель выбрал популяризацию русской культуры среди соотечественников, оказавшихся по разным причинам за рубежом.

К третьей социальной группе относятся крестьяне, разочарованные в коллективизации, среди которой особенно яркий след оставил Р. Березов. Исследователь Ю. Шор в статье «Культура как переживание (Гуманитарность культуры)» отмечает, что эстетическое переживание является своего рода знанием, которое помогает вести диалог с читателем, так как, решая свои проблемы, писатель помогает решить их другим. Переживания Р. Березова,

¹ Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия, 2012. №267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 30.08.2021).

² Высоцкая Е. Токмо за совесть // Донской вестник. Ростов-на-Дону, 2018. Выпуск 26. С.138 –147. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1590 (дата обращения: 06.06.2021).

прошедшего через ополчение, плен и ставшего евангелистом, могут помочь многим людям найти себя в новой реальности, когда кажется, что надежды уже нет. Родион Березов (Акульшин) родился в многодетной крестьянской семье, окончил учительскую семинарию и Высший литературно-художественный институт имени В. Брюсова, активно печатался под фамилией Акульшин. Неприятие коллективизации привело к неприятию советской власти. В начале войны оказался в ополчении и вскоре попал в плен, о чем рассказал в книге «Вечно живет. Разлука. Часть 2-ая»: «...5 октября нас бросили в бой – безоружных, беспомощных стариков и детей красного «Сталинского» ополчения... Больше половины убито, остальные попали в плен... Я в числе последних попал в Рославльский лагерь военнопленных, где скопилось 70 тысяч голодных, раздетых, обессиленных людей... Умирало ежедневно от 300 до 600 человек. Я не очутился в общей яме, потому что устроился работать на кухне... Работали мы по 12 часов в сутки, от усталости подкашивались ноги... Потом начальство узнало, что я могу петь и рассказывать, и меня перевели на другую работу: я должен был посещать палаты лагерного госпиталя и утешать своих больных, раненых соотечественников декламацией и частушками... Позднее меня рекомендовали в качестве литературного работника на штатскую работу»¹. Отступая с немецкой армией, Акульшин оказался в Германии, а позднее нелегально перебрался в США. Впоследствии выяснилось, что таких, как он, то есть людей, которые въехали в Америку по поддельным документам, было более двадцати пяти тысяч. Это явление получило название «березовская болезнь». После реабилитации получил американское гражданство, стал евангелистом. Ему, одному из немногих эмигрантов «второй волны», удалось связаться с родными, оставшимися в России.

К четвертой социальной группе относятся граждане прибалтийских республик. Вопрос о том, к какой «волне» эмиграции они принадлежат,

¹ Памяти Родиона Березова // Вера и жизнь. Orangevale, 1996. № 6. URL: https://archive.org/stream/B-001-000-484/06-96_djvu.txt (дата обращения: 13.07.2022).

является одним из самых дискуссионных в классификации «волн» эмиграции. Необходимо отметить, что, в принципе, отнесенность того или иного автора к «первой» или «второй» «волне эмиграции» зачастую неоднозначна. По мнению В. Агеносова, чисто хронологический подход к принадлежности того или иного автора к первой или послевоенной эмиграции имеет существенные недостатки и создает проблемы для выявления типологических особенностей литературы Зарубежья. Так, творчество И. Чиннова, Ю. Иваска, Б. Нарциссова, Л. Алексеевой, которое с хронологической точки зрения относится к «первой волне», эстетически близко ко «второй волне». В начале 20-х годов они стали эмигрантами «первой волны», а во время Второй мировой войны – дипийцами, что позволяет отнести их ко «второй волне». С. Ковальчук и С. Цоя называют их «ставшая второй первая волна»¹.

Об исходе из Латвии рассказала Ирина Сабурова – одна из тех, кто стал Ди-Пи, подчеркивая, что эмиграция – явление международное: «... эмиграция – международный фактор. И нет, пожалуй, ни одной страны в мире, застрахованной от того, что в ней не может произойти ничего подобного...»² Эмигранты «второй волны», по ее мнению, – это не десятки, не сотни тысяч, а десятки миллионов голодных, нуждающихся, измученных и психологически сломленных людей. Ирина Евгеньевна Сабурова (Кутитонская, Перфильева) на протяжении всех лет существования Латвийской Республики жила в Риге по нансеновскому паспорту. В 1944 году оказалась в эмиграции на Западе, об этом она рассказала в предисловии к своей книге «Корабли старого города», акцентируя парадоксальность положения русских балтийцев, оказавшихся «в эмиграции», хотя они продолжали жить на своей родине. Таким образом, они оказались не иностранной колонией, как все остальные эмигранты, а «национальным меньшинством с полной культурной автономией»³. Сабуровой было органически чуждо чувство отчаяния и

¹ Ковальчук С., Цоя С. Дипийцы: материалы и исследования. М., 2021. С.71.

² Сабурова И. О нас. Мюнхен, 1972. URL: http://thelib.ru/books/saburova_i/o_nas-read.html (дата обращения: 13.08.2022).

³ Сабурова И. Корабли старого города. Предисловие. Мюнхен, 1962. С.79.

уныния, испытания закалили ее, она была сильной женщиной, труженицей, нетерпимой к жалобам, несмотря на трудные жизненные испытания: лагерь Ди-Пи, смерть сына Олега, смерть первого и второго мужей (Александра Перфильева, барона фон Розенберга). Яков Горбов в парижском журнале «Возрождение» изумлялся: «Кругом – развалины. От уходящей корнями в средневековье старой Германии, Германии романтической, Германии музыки, науки, верований, искусств, той, у которой до Бисмарка, Вильгельма Второго и Гитлера была прочно установленная репутация одного из главных очагов культуры, на первый взгляд не остается ничего. Но Ирина Сабурова подсмотрела в хаотическом этом нагромождении неподвластные течению времени, безразличные к внешним изменениям образы – и образы эти «сказочны»¹.

Поэт Игорь Чиннов вспоминал, как в 1944 году был угнан в Германию: «В Риге в сорок четвертом году я имел неосторожность сказать, в очень узком кругу, что Гитлеру не победить в этой войне. И через три дня ко мне явилась милая компания. Два таких оберштурмфюрера. Они мне сообщили, что передо мной выбор: или я еду в Германию на принудительные работы, или жизнь моя окончится весьма печально. Я, конечно, выбрал тот вариант, который не грозил мне немедленной утратой земного существования»². Позднее он напишет: «Я жил девять лет во Франции – и французом не стал. Около семи лет – в Германии. А немцем тоже не стал. Теперь у меня американское гражданство. Но я русский эмигрант... Я сам с собою говорю по-русски»³, Несмотря ни на что, связь поэта с Родиной была неразрывна: «Некоторые считают, что мы – эмигрантские поэты, лишённые России, – как бы уже не говорим от ее имени. Я все-таки думаю, что мы говорим от имени вечной России, хотя мы лишены всякого влияния»⁴, – отмечал И. Чиннов в беседе с

¹ Крапивин В. Лебединая песнь об исчезнувшей Риге // Исторический бестселлер. 2009. № 1. URL: <https://baltarchive.livejournal.com/41717.html> (дата обращения: 03.07.2022).

² Чиннов И. Я сам с собою говорю по-русски // Огонек. М., 1992. № 9. С. 14.

³ Чиннов И. Т. 2 /Сочинения: в 2-х кн. М., 2002. С. 153-154.

⁴ Глэд Д. Беседы в изгнании. М., 1991. С. 28.

Джоном Глэдом. И не случайно, согласно завещанию, Игорь Чиннов, умерший во Флориде (США), похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище, а архив его хранится в Институте мировой литературы РАН.

Борис Анатольевич Нарциссов «был человеком уникальной судьбы, его биография отличалась такими необычайными поворотами, которые могли бы послужить основой захватывающего исторического романа»¹. Родился он в семье сельских врачей, молодость его прошла в Эстонии, куда родители переехали вместе с армией генерала Юденича. Там он закончил сначала гимназию, а потом естественно-математический факультет Тартуского университета, получив степень магистра химии. Одновременно с учебой в университете входил в литературное объединение «Юрьевский Цех поэтов», называемое иначе «Четыре Бориса». После начала войны в 1942 году вместе с Эстонским стрелковым корпусом отправился на фронт и в 1943 году попал в плен и был отправлен в Эстонию, работал химиком в сланцевой промышленности. Вместе с немецкими войсками отступил и после окончания войны оказался в лагере для перемещенных лиц Шлайсхайм под Мюнхеном, который он иронически называл «дипийским дном в Германии». В 1951–1953 гг. перебрался в Австралию и работал химиком в Институте разведки угля в Сиднее. Позднее получил гражданство США, был консультантом по литературе химического отделения Баттельского Мемориального института в Коламбусе, Огайо, потом – химиком библиотеки Конгресса США.

Александр Михайлович Перфильев (Александр Ли, Шерри-Бренди, Л. Гантимуров), по семейной легенде, был потомком хана Тимура, (отсюда и псевдоним Л. Гантимуров). Во многом, это определило его путь: он учился в кадетском корпусе вместе с Георгием Ивановым, окончил Оренбургское казачье училище и служил в Первом Нерчинском полку и в гвардейской Сводно-казачьей сотне. Во время Первой мировой войны был награжден Георгиевским крестом, дослужился до чина есаула. Во время Гражданской

¹ Глезеров С. Судьба поэта Нарциссова // Невское время. 2002. URL: https://nvspb.ru/2002/12/05/sudmzba_royeta_nartcissova-6854 (дата обращения: 20.03.2021).

войны был арестован и провел в тюрьме около года. В 1921 году перебрался в Латвию. Опыт литературного творчества у него был: с 1915 года печатался в журналах «Огонек», «Солнце России», «Нива», позднее – в газетах «Рижский Курьер» «Русское слово», «Маяк», «Русская Жизнь», «Новый Голос», «Сегодня», в журналах «Наш Огонек», «Новая Нива», «Для Вас», в юмористических журналах «Ванька-встанька», «Будильник». Самым известным произведением А. Перфильева является романс «О, эти черные глаза», музыку к которому написал Оскар Строк. В 1940 году, когда Рига становится частью СССР, Перфильев ведет полулегальный образ жизни: работает ночным сторожем и скрывается от ареста. В это же время, желая обезопасить семью, разводится с Ириной Сабуровой. В годы Второй мировой войны, во время немецкой оккупации, был редактором журнала «Для Вас» и газеты «Двинский Вестник». Отступая с немецкими войсками, добрался до Берлина. С 1945 года жил в Мюнхене и сотрудничал с журналами «Петрушка» и «Сатирикон», «Свобода», позднее с газетой «Русская Мысль»; работал на радиостанции «Свобода». «Жизнь и значение всякого литератора – в его произведениях. Везде три главных темы: любовь, смерть и Россия»¹, – написала после его смерти Ирина Сабурова.

К пятой социальной группе эмигрантов «второй волны» относятся репрессированные, столкнувшиеся с реалиями ГУЛАГа. Именно в произведениях этих писателей происходит полное совпадение автора и героя, о котором писал М. Бахтин: «Эмоционально-волевая предметная установка героя, его познавательно-этическая позиция в мире настолько авторитетны для автора, что он не может не видеть предметный мир только глазами героя и не может не переживать только изнутри события его жизни; автор не может найти убедительной и устойчивой ценностной точки опоры вне героя»².

¹ Перфильев А. Стихи. Мюнхен, 1972. С.1.

² Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности. URL: https://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/5.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

Сергей Сергеевич Максимов (Паншин, Паршин, Широков) учился в Литературном институте, когда в 1936 году в ряде высших учебных заведениях столицы было арестовано несколько групп студентов, в том числе и он сам. «Так прервалось учение, так надломилась жизнь»¹. В 1941 году Максимов вышел на свободу с ограничением в правах, но оказался на оккупированной территории. Бывшему заключенному, попавшему в оккупацию, даже если бы он хотел остаться, нужно было уходить, чтобы не получить новый срок в концлагере. В Смоленске, куда он перебрался, был арестован гестапо. После освобождения в 1944 году переехал в Минск, а оттуда в Европу. Побывал в лагере для перемещенных Менхегоф, работал в журнале «Посев», в 1949 году переехал в США, но так и не принял американского образа жизни. Развод, алкоголизм, психиатрические больницы привели к смерти в 51 год. «Сергей Максимов был русским прежде всего и до конца дней своих писал только о России – и ни о чем другом писать не мог. Подсознательно чувствовал, что за границей иссякают источники его видения России, как это случилось с Куприным, тоже глубоко русским... человеком и писателем»².

Николай Владимирович Нароков (Марченко) во время Гражданской войны стал офицером армии Деникина, попал в плен к красноармейцам, совершил побег. В 1932 г. был арестован, освобожден в 1936, работал преподавателем математики. Во время оккупации Киева служил в гражданском учреждении города и покинул страну с немецкими войсками; сначала обосновался в Германии, в 1950 году переехал в США. Его высказывания были полны боли, вызванной противоречиями между неприятием политики родной страны и желанием обрести потерянную родину: «Мы утратили понятие «родина» и ощущение ее... У нас отняли чувство

¹ Самарин В. Одиссея русского писателя // Возрождение. Париж. 1969. № 207. С. 115.

² Там же. С. 121.

нашей национальности, и мы отдали это чувство, не борясь за него и легкомысленно променяв его на пресловутое классовое самосознание»¹.

Николай Николаевич Моршен (Марченко), как и его отец Николай Нароков, стал эмигрантом осознанно, не принимая «коммунистических репрессий»: «А и Б сидели в КГБ / В, Г, Д – в НКВД, / буквы Е, Ж, З, И, К / отсиживали в ЧК, / Д, М, Н... и вплоть до У / посидели в ГПУ, / все от Ф до Ю, похоже, / сядут вскорости. // Я – тоже//². Н. Моршен, пережив оккупацию Киева в 1941–1943 годах, ушел вместе с отцом с отступающими немецкими войсками. После окончания Второй мировой войны в мае 1945 года оказался в Гамбурге. Жил в беженском лагере для перемещённых лиц: «Чтобы избежать репатриации, я был румыном – по документам, конечно. Фамилию я выбрал загадочную, по которой нельзя было определить национальность»³. По воспоминаниям Ольги Матич, Н. Марченко, чтобы избежать репатриации, переименовал фамилию на Моршен, что означало по-немецки «негритенок», впоследствии взял ее своим псевдонимом. В 1950 году переехал на жительство в США, поселился в Монтерее (Калифорния), где преподавал русский язык в школе военных переводчиков армии США. Сам Моршен писал в сборнике «Содружество», что важно лишь то, что он говорит своим читателям в стихах.

Борис Андреевич Филиппов (Филистинский) с горечью рассказывал о себе: «Все мы писали под псевдонимами, и эти псевдонимы не были чисто литературной уловкой. Нет, нас принуждала к ним горькая судьба бывших советских граждан, обреченных на выдачу по Ялтинскому соглашению... Вот я и стал Филипповым. Фамилия не очень оригинальная»⁴. Сын кадрового офицера, погибшего в годы Первой мировой войны, учился в ЛИЖВЯ, специализируясь на монголоведении, был увлечен этнографией,

¹ Торопов Н. Без людей // Народный голос. Кенигсберг, 1944. № 4. С.1-2.

² Моршен Н. Пуще неволи. М., 2000. С. 268.

³ Моршен Н. [Сайт российских эмигрантов]. URL: <https://russianemigrant.ru/book-author/morshen-nikolay-nikolaevich> (дата обращения: 12.06.2022).

⁴ Герра Р. Мои встречи с выдающимися представителями «второй волны» эмиграции // Новый журнал. Филадельфия, 2015. № 75. С. 14.

интересовался буддизмом и индуизмом. Во время учебы был арестован в первый раз за участие в кружке «Братство святого Серафима Саровского». Повторно арест состоялся в 1936 году, когда он работал в строительном тресте, был осужден на 5 лет и пробыл в лагерях Коми до 1941 года. В 1942–43 гг. оказался в оккупации в Новгороде, примкнул к РОА, был редактором газеты «За Родину», выпускаемой на оккупированной территории. С отступающими войсками дошел до Латвии, а позднее до Германии. Сумел избежать репатриации, несмотря на то что его требовали выдать как военного преступника. На Международной конференции «Слепухинские чтения» в 2014 году профессор Б. Ковалев, ссылаясь на малодоступные документы КГБ, рассказал, что Филиппов отсидел 9 лет в лагерях Коми АССР, в оккупированном Новгороде писал статьи о «зверствах англо-американцев», мешающих строить единую Европу. На него было заведено КГБ 5 дел, в 1989 году его реабилитировали. Получив американское гражданство, он работал в Университете Вашингтона, возглавлял издательство «Inter-Language Literary Associates», был членом Русской Академической Группы (РАГ).

Причиной эмиграции Бориса Николаевича Ширяева являлось его несогласие с тоталитарным режимом. Борис Николаевич в Москве окончил гимназию, а потом историко-филологический факультет МГУ, работал в Германии, а вернувшись, занимался преподавательской деятельностью. В начале Первой Мировой войны поступил в Российскую Военную академию, принимал участие в боевых действиях в рядах 17-го Черниговского гусарского полка и дослужился до чина корнета. Ширяев не принял Октябрьской революции, поэтому предпринял попытку пробраться на юг к добровольцам. На границе он был арестован и приговорен к расстрелу, за несколько часов до казни совершил побег и участвовал в Белом сопротивлении. После разгрома Белого движения вернулся в Москву и в 1920 году был арестован, при этом смертный приговор ему заменили на 10 лет каторги. О своем пребывании на Соловецких островах (СЛОИ) впоследствии рассказал в книге «Неугасимая лампада», написанной уже в эмиграции. После освобождения работал

преподавателем, а в 1932 году был вновь арестован и сослан в Россошь. С 1935 года, живя в Ташкенте, Ставрополе и Черкесске, преподает русский язык и литературу. Во время оккупации был в Ставрополе редактором местной газеты «Ставропольское слово», переименованной позднее в «Утро Кавказа». В Крыму он работал в газетах «Голос Крыма», «Мелитопольский край». Немецкую оккупацию он как бывший ссыльный расценил как возможность легальной борьбы с большевизмом. После командировки в Германию, обучения в пропагандистской школе в Дабендорфе под Берлином и знакомства с генералом Власовым в 1943 году стал печатать материалы, посвященные РОА. После освобождения Юга России советскими войсками Ширяев отступил с немцами и оказался в Берлине, а потом в Белграде – издавал газету для казачьих формирований «На казачьем посту». В 1945 году командирован в Италию для создания русской газеты. «В Италии эмигрант получил статус Ди-Пи. Эта, почти забытая ныне, аббревиатура, в середине прошлого века была символом судеб миллионов людей, и не только русских: после окончания Второй мировой войны... «перемещенные лица», а по сути, беженцы предпочли потерю Родины, нежели покорность чуждому им строю»¹. В Италии Ширяев принимает католичество, во многом, это объясняется помощью Римско-католической церкви в получении аргентинского паспорта. Попытки установить связь с потомками и наследниками Ширяева закончились ничем; следы его сына Лоллия Борисовича Ширяева позднее обнаружили среди списков канадских волонтеров, ушедших воевать вместе с американцами во Вьетнам в середине шестидесятых годов. Но в то же время Ширяев всегда подчеркивал, что он – русский человек. Однако «русский» человек не равен «советскому», которого писатель неизменно награждает

¹ Талалай М. Русская судьба XX века: каторга, ссылка, изгнание // Воспоминания соловецких узников, Т. 1. Соловки, 2013. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vospominanija-solovetskih-uznikov-tom-1/16 (дата обращения: 17.09.2022).

определением «подсоветский». Лучшие его, «русского» человека, черты, как верит Ширяев, не выветрились и не износились за годы советской власти»¹.

Николай Иванович Ульянов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, был учеником профессора С. Ф. Платонова. После окончания аспирантуры в Москве преподавал в Архангельском педагогическом институте, собирал материалы по истории русского Севера. В 1936 году был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Соловках и в Норильске, при этом продолжая собирать материал для научной работы (при аресте 5 его работ были утеряны). После неожиданного освобождения из заключения был ограничен в правах – выборе места жительства. В сентябре 1941 года был мобилизован на рытье окопов под Вязьмой, попал в плен, но сумел бежать, пройдя пешком по оккупированной территории 600 километров. Зимой попал в плен повторно, отправлен на лесные разработки близ Луги, но весной смог бежать и оттуда. В 1943 году был отправлен на работу в Германию. Как подчеркивает историк П. Базанов, опираясь на свидетельства С. Зеньковского, П. Муравьева, С. Крыжицкого, Ульянов не хотел уходить с немцами. И в то же время в автобиографии, написанной для Б. Николаевского, он пишет: «... когда стало известно о готовящемся наступлении немцев, мы с женой дали согласие ехать на работу в Германию...»² Работая на заводе «БМВ», он приобрел специальность автосварщика, что позволило ему в дальнейшем работать в Марокко. Как жертве политических репрессий Ульянову удалось избежать насильственной репатриации. «Учитывая пятилетнее пребывание в лагерях ГУЛАГа, он обоснованно опасался нового ареста с самыми печальными последствиями»³. В мае 1953 года вместе с семьей перебрался в Канаду, в 1955 г. – в США. В

¹ Матвеева Ю. Советская действительность и «подсоветский» человек глазами писателя-эмигранта Бориса Ширяева // Известия УрФУ. Екатеринбург, 2018. № 3. С.173.

² НИА. Nikolaevsky B. Coll. Vox.744. Fold.1. (Н.И. Ульянов). List.1.

³ Базанов П. Петропольский Тацит в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб., 2018. С. 173.

последние годы жизни занимался научной и преподавательской деятельностью в Йельском университете. Н. Ульянов неоднократно подчеркивал, что «культурные завоевания эмиграции имеют значение политических завоеваний»¹, он решительно выступал против партийной борьбы и сведения счетов между эмигрантами.

Геннадий Андреевич Андреев (Хомяков, Н. Отрадин, Г.А.) был одним из тех, кто тщательно скрывал свои личные данные; трудно установить даже точную дату его рождения. Некоторые исследователи его творчества, например М. Бабичева, связывают это с работой в Народно-трудовом союзе, которую он не хотел афишировать. Л. Ржевский называл его прежде всего редактором, журналистом и прозаиком. В 1927 году Андреев был арестован по политической 58-ой статье и осужден на десять лет. После освобождения в 1935 году был поражен в правах: ему было запрещено проживать в 41 городе. Будучи мобилизованным в начале войны, попал в плен в Крыму, длительное время находился в лагерях для военнопленных. Оказавшись в американской зоне оккупации, смог избежать насильственной репатриации. В послевоенное время сотрудничал с издательством «Посев», входил в руководство Народно-трудового союза, работал на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода», сотрудничал с газетой «Новое русское слово», журналом «Русское возрождение». По мнению Ю. Большухина, всё, что писал Андреев, так или иначе связано с темой Отечества.

Михаил Степанович Соловьев (Голубинский, Бобров) сам себя называл человеком с «пестрой биографией». Родившись в многодетной семье, он, будучи подростком, принимал вместе со своими братьями участие в Гражданской войне: воевал в Первой Конной. Позднее поступил в МГУ на исторический факультет, после окончания которого работал редактором «Известий», одновременно преподавая в Военной Академии. После ареста Бухарина был выслан из Москвы – именно этот факт биографии дает

¹ Ульянов Н. – С.П. Мельгунову, 17 июня 1952 г. LSE.SC.

возможность отнести его к пятой социальной группе эмигрантов «второй волны». Однако после высылки М. Соловьеву удалось избежать ареста, и вскоре он вновь был назначен на должность военного корреспондента, принимал участие в Финской войне. М. Соловьев был близко знаком с представителями советской военной и партийной элиты, общение с которыми и определило его неприятие политических установок тоталитарного государства. Попав в плен осенью 1941 года, он совершил побег, но решил не возвращаться на Родину, опасаясь репрессий. Вместо этого стал участником одного из партизанских отрядов, сражающихся за «свободную Россию». В конце войны вступает в ряды Российской освободительной армии. В 1946–1950 гг. находился в лагере для перемещенных лиц, к нему не была применена насильственная репатриация. Причины, побудившие его на то, чтобы стать невозвращенцем, он изложил в автобиографическом романе «Когда боги молчат»: «Россия во тьме задыхалась... перед войной тянулись годы, когда Россия набухала горем, а годы предуготовили минуту-смерч-войну»¹.

К шестой социальной группе эмигрантов «второй волны» относятся угнанные в Германию как остарбайтеры. Подчеркивая трагедийную окраску событий тех лет, Валентина Синкевич отмечала опасность положения эмигрантов, среди которых особо выделяла требования советской власти насильственной выдачи советских граждан, попавших во время войны в Германию, Австрию и другие западные страны. «Мы уходим с земли. / А земля иностранная. // А своя жестока. / И на тысячи верст / Разметала судьба нас, / Одарила случайными странами/»², – эти слова писательницы относятся практически ко всем представителям «второй волны». Валентина Алексеевна Синкевич родилась в семье сына священника и дочери царского генерала. Именно поэтому ее родители, опасаясь преследований, переселились из Киева в Остер – город в Черниговской области, где отец преподавал в школе математику. В 1942 году она была насильственно отправлена на работы в

¹ Соловьев С. Когда боги молчат. М., 2019. С. 17.

² Синкевич В. Здесь я живу. Филадельфия, 1988. С. 6.

Германию в возрасте пятнадцати лет. А потом – годы, проведенные в Германии, тяжелейшая работа на выживание в домах немецких бюргеров. В конце войны Синкевич оказалась в английской зоне оккупации, несколько лет прожила во Фленсбурге и Гамбурге в лагерях для перемещенных лиц. Ее последним пристанищем в Германии стал дипийский лагерь Цоо Камп, находившийся в Гамбурге, порт с важными военными объектами. Описывая условия в лагере, Синкевич вспоминала, как носила холодную воду из соседнего барака, как плакало по ночам ее дитя, которому, как потом выяснилось, не хватало материнского питания. В 1950-ом с мужем и дочерью Синкевич переехала в США, где сначала работала санитаркой в доме для престарелых (штат Айова), затем с 1960 по 1987 гг. — библиографом в Библиотеке Пенсильванского университета. Именно В. Синкевич сделала многое для того, чтобы «следующие поколения окинули всё внимательным, спокойным, но не равнодушным взглядом, глубоко вникли и поняли всю сложность и трагичность»¹ той эпохи.

Среди остарбайтеров, насильственно угнанных в Германию, было много репатриантов. Одним из них является Юрий Григорьевич Слепухин (Кочетков), который после оккупации Ставрополя был угнан в 1942 году на работу в Германию (батрачил в Северной Рейн-Вестфалии). После войны его семья оказалась в Бельгии и отказалась возвращаться на Родину, боясь преследования из-за репрессированных родственников. Позднее они перебрались в Аргентину, которая в 1948 году после прихода к власти антикоммунистически настроенного диктатора Перрона готова была принять в страну 10 000 эмигрантов, независимо от их политических взглядов и семейного положения. «Особенно много было военных – ветеранов белого движения, чинов Русского корпуса из Сербии, советских военнопленных, власовцев, казаков и т. д. (хотя квота осталась незаполненной). Среди них были военные теоретики, писатели, журналисты, священники, бывшие

¹ Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия. 2012. № 267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 30.08.2021).

советские зеки, раскулаченные крестьяне. В конце 1940-х–1950-х годов Буэнос-Айрес становится столицей русского зарубежья»¹. Будучи в эмиграции, Слепухин работал разнорабочим и дизайнером, автомехаником и монтажником, одновременно занимаясь самообразованием, изучая языки и сотрудничая с эмигрантскими газетами и журналами. В 1957 году комитет «За возвращение на родину» агитировал вернуться на Родину 40 тысяч соотечественников из Аргентины. Среди тех, кто вернулся (а их было 3200 человек), был и Слепухин. Имя его связано с Международными научными конференциями «Слепухинские чтения», которые стали проводиться Фондом Юрия Слепухина с 2014 года с периодичностью 1 раз в 2 года, в них принимают участие представители ведущих научных и культурных учреждений России, а поддержку оказывает Правительство Ленинградской области. Главной целью этих конференций являются проблемы эмигрантов и репатриантов XX века.

Таким образом, рассматривая мировоззренческие причины, побудившие людей покинуть Родину в 40–50-е годы, можно утверждать, что политические, этические и социальные дилеммы вынуждали соотечественников встать по разные стороны баррикад, заставляя сделать различный нравственный выбор. Однако, каковы бы ни были причины эмиграции «второй волны», важнейшим стимулом их творчества была духовная составляющая отечественной культуры. Оценке их поступков способствует работа М. Бахтина «К философии поступка», согласно которой «следует отталкиваться от конкретного живого человека, единственного и единого... неправомерно понимать, оценивать человека как только гносеологического субъекта»². Рассматривая социальное многообразие эмиграции «второй волны», можно выделить вынужденных эмигрантов, оказавшихся в эмиграции в силу

¹ Базанов П. Юрий Григорьевич Слепухин и русская эмиграция в Аргентине/ Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения-2014. СПб, 2015.

² Матвеев П. Философия поступка М.М. Бахтина (опыт этической интерпретации) // Этическая мысль. М., 2016. Т. 16. № 2. С. 72.

обстоятельств (плен, насильственное перемещение на работу в Германию) и сознательных, которые ставили целью своей жизни борьбу с тоталитаризмом. При этом, обращаясь к жизненным реалиям всех эмигрантов «второй волны», нельзя не отметить существующее типологическое сходство, на которое обратил внимание австралийский ученый Кравцов на «Слепухинских чтениях» 2016 г.

На примере творчества Л. Ржевского, Б. Филиппова, Б. Ширяева, С. Максимова и других писателей можно выделить следующие типологические и концептуальные особенности литературы «второй волны» эмиграции: литературный пласт «второй волны» эмиграции сформирован непрофессиональными писателями, в силу разных жизненных обстоятельств оказались в эмиграции Второй мировой войны; произведения создаются под псевдонимами: писатели сменили не только страну проживания, разорвав связь с Россией, но и имя («березовская болезнь»), под влиянием экзистенциальной категории страха перед насильственной репатриацией и сталинскими лагерями; произведения писателей «второй волны» раскрывают драму маргинальности – людей, оказавшихся в гордиевом узле испытаний и ставших для всех изгоями, отщепенцами в силу своего нравственного выбора; в основе произведений лежат определенные исторические события (революция, Гражданская война, политические репрессии, плен), позволяющие осмыслить исторические, социальные и культурные факторы, обусловившие эмиграцию; главными темами произведений становятся осмысление событий Великой отечественной (Второй мировой) войны и тема политических репрессий («между двух звезд»); в произведениях «второй волны» эмиграции выявляется тенденция оправдания действий Российской освободительной армии (РОА) как субъекта, находящегося в оппозиции политическим репрессиям и утверждающего ценность свободы; важным мотивом произведений писателей «второй волны» становится осмысление положения в лагерях Ди-Пи как центрах духовного единства; в произведениях сюжетным центром становится судьба главного героя, прототипом которого

является автор; прозу «второй волны» объединяет бинарная оппозиция с реальным и ностальгическим образом Родины: любовь к России (месту рождения, красоте природы, близким людям) и абсолютное неприятие России как тоталитарного государства; не только изображение Родины, но и Чужбины отличается дуальностью и диалектичностью, при этом Чужбина становится спасением и способом творческой реализации, однако связана с экзистенциальной категорией страха из-за возможности насильственной репатриации; обращение к теме Родины является своеобразной попыткой самооправдания своей эмиграции, тенденция к «покаянности» прозы; полифункциональность произведений позволяет рассматривать их как послание и предупреждение потомкам.

Несмотря на общность жизненных реалий, отразившихся в тематике и проблематике произведений, следует отметить, что образы Родины и Чужбины, преобладающие в прозе «второй волны», отличаются и индивидуальными особенностями. Так, при толковании терминов «Родина» и «Чужбина» используются как этногеографический подход (Л. Ржевский, Б. Ширяев), так и витальный, духовно-нравственный (Б. Филиппов). Данные понятия могут быть раскрыты как через конкретные образы (Л. Ржевский, Б. Ширяев), так и через абстрактные, философские образы-символы (Б. Филиппов). Образы Родины и Чужбины помогают раскрыть категории времени (Л. Ржевский) и пространства (Б. Филиппов). Особняком стоит творчество С. Максимова, в котором отношение к Родине помогают передать флоральные мотивы, в то время как ностальгические мотивы, присущие прозе «второй волны», отсутствуют. Анализируя образы Родины и чужбины в прозе «второй волны» русского зарубежья, отмечая типологические черты этого культурно-исторического феномена и индивидуальные особенности каждого автора, следует отметить, что для более полной оценки целесообразно обратиться к творчеству других представителей этого периода.

ГЛАВА 2

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

2.1 Автобиографический хронотоп как способ выражения диалектики обстоятельств и ценностей

Литература «второй волны», в отличие от остальной литературы русского зарубежья, ограничена авторами и количеством созданных ими книг. Однако тем не менее, по мнению М. Бабичевой, представляет специфический историко-культурный феномен, что в первую очередь касается художественной прозы, которая, как было указано выше, обладает рядом общих черт, позволяющих рассматривать литературу этого периода как единое целое. Так, автобиографический хронотоп как личностная включенность автора в художественное пространство и время своих произведений является способом выражения диалектики жизненных обстоятельств и нравственных ценностей. В. Тюпа утверждал, что «через ворота» хронотопа «совершается всякое вступление в сферу смыслов, систему мотивов, систему «голосов», ритмико-интонационный строй высказывания»¹. Художественные произведения при этом служат способом раскрытия и детерминации диалектики жизненных обстоятельств и нравственных ценностей их авторов, что определено исследованием М. Бахтина, выраженными в статье «Автор и герой в эстетической деятельности», о познавательной и этической жизни героя произведения, определенной завершающим сознанием автора о нем. Оценить причины и последствия нравственного выбора субъектов русской культуры за рубежом,

¹ Тюпа В. Художественный дискурс. Модусы художественности. URL: <https://nashaucheba.ru/v34289/?cc=5&page=4> (дата обращения: 07.02.2023).

нашедшие отражение в их литературном творчестве, помогает работа М. Бахтина «К философии поступка», согласно которой неправомерно оценивать человека только как гносеологического субъекта.

Проблема анализа автобиографического хронотопа как личностной включенности писателей «второй волны эмиграции» в художественное пространство и время своих произведений не находила ранее отражения в исследованиях. Между тем представляется актуальным путем анализа категорий пространства и времени, которые приобретают ценностное значение в контексте проблем культуры русского зарубежья, раскрыть особенности мировосприятия тех, кто жил территориально вдали от Родины, но был связан с ней духовно. В процессе анализа отмечается прецедентное единство личностных обстоятельств и нравственных ценностей субъектов русской культуры за рубежом, нашедшее выражение в особенностях их литературной деятельности 40–60-х гг. XX столетия, что позволяет выделить ряд типологических особенностей прозы «второй волны» эмиграции на примере творчества вышеуказанных авторов.

Роль хронотопа как неразрывной связи категорий пространства и времени можно проследить на примере анализа творчества таких авторов «второй волны» эмиграции, как Л. Ржевский (Суражевский), Г. Климов (Калмыков, Ральф Вернер), С. Максимов (Пасхин, Пашин, Широков), Б. Филиппов (Филистинский), В. Юрасов (Жабинский), Т. Фесенко (Светенко). Они, как и многие другие, оказались за рубежом в годы Второй мировой войны. Среди них – интеллигенты, не принявшие жестокости тоталитаризма (Г. Климов, Б. Фесенко, В. Юрасов); дворяне, вынужденные приспособливаться к советской действительности (Л. Ржевский); репрессированные, пережившие реалии ГУЛАГа (С. Максимов, Б. Филиппов). Отрыв от Родины и чувство вины перед ней явились решающими факторами формирования представителей данного этапа русской эмиграции как литераторов.

Прежде всего обращает на себя внимание автобиографичность книг представителей «второй волны». «Где и как встретил я своего героя?.. Ну, прежде всего, – в самом себе»¹, – отмечал Б. Филиппов. На эту особенность литературы «второй волны» эмиграции указывает М. Бабичева, приводя доклад австралийского ученого А. Кравцова: «...жизнь в предвоенном СССР, фронт, плен, сотрудничество с оккупантами, беженский лагерь, уклонение от реэмиграции, укоренение в другой стране»². Трудные жизненные обстоятельства меняют людей: «каждый замкнулся в кругу личных интересов – и нет никакой возможности перекинуть мост от человека к человеку... мечта обманула, ничего не преобразилось», возникает «безвоздушное пространство»³. В связи с этим возникает проблема, которую Ю. Терапиано обозначил как «поиск человека 50-х годов». Герой прозы «второй волны» – человек, который по основанию различных причин живет на Чужбине, но не может забыть Россию. Нелегкий путь в эмиграции связан с воспоминаниями о дорогих сердцу городах: «Мы жили в Ейске, после – в Витебске, сидели в Полоцке и Липецке»⁴ (Игорь Чиннов); «...города, запрещенные сердцу и глазу»⁵ (Валентина Синкевич). Антитезой им выступают «чужие города», которые, несмотря ни на что, вызывают ассоциации с родными местами: «По улицам Берлина шла Россия...»⁶ (Александр Неймирок); «Мы выезжали из Чикаго, а может быть, из Конотопа...»⁷ (Иван Елагин); «Чудесно в лесах Баварии смоленские братья грибы...», поэтому, как брагой вскипает... горячее слово – Родина!»⁸ (Аглая Шишкова).

¹ Филиппов Б. Избранное. Лондон, 1984. С.9.

² Бабичева М. На чужбине писали о Родине. М., 2020. С.13.

³ Если чудо вообще возможно за границей...: эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелев. М., 2008. С. 238–239.

⁴ Там же. С.17.

⁵ Там же. С. 306.

⁶ Там же. С.90.

⁷ Мы жили тогда на планете другой...: антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 гг. (первая и вторая волна) в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М., 1994–1997. С.220.

⁸ Мы жили тогда на планете другой...: антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 гг. (первая и вторая волна) в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М., 1994–1997. С.293.

В произведениях писателей «второй волны» реальное пространство изображается как конкретное и условное, сжатое и объемное, замкнутое и открытое. Географические границы охватывают все направления, связанные с эмиграцией из России в XX в. (Китай, США, страны Европы), однако конкретные страны выступают фоном для тех или иных событий и объединяются топосом «Чужбина». Данное понятие сопоставляется с Родиной (Россией) и рассматривается как вынужденное место проживания, ассоциирующееся со свободой творчества, однако не удовлетворяющее духовной потребности единства с родной страной.

В творчестве представителей «второй волны» пространство часто связано с названиями городов, деревень, рек и других географических объектов в значении «малой Родины», что позволяет в том числе сделать выводы о глубинной, симбиотической духовной связи представителей «второй волны» русской эмиграции с Россией. Оно может быть как мнемотическим – отражающим объективное пространство, так и онирическим – пространством воображения, сновидений. Так, в творчестве Л. Ржевского Москва выступает в роли связующего звена для событий различного рода важности, лейтмотивом воспоминаний: «Эту повесть я начал в Москве! Москва! Когда, зажмурившись, произношу я это имя, я слышу московский воздух»¹, – так начинается «Сентиментальная повесть». Как отмечала М. Бабичева, «в прозе Ржевского Москва и Подмосковье – это и место действия, и самостоятельный устойчивый образ»². Москва Л. Ржевского – это и Девичье поле, Зубовская Площадь, Моховая – места, связанные с его учебой во 2-ом МГУ. Это и небо Замоскворечья, о котором вспоминает во время тяжелой болезни Вятч в оптимистической повести «...Показавшему нам свет». А Володя Заботин, герой повести «Между двух звезд» (часть третья, «Дневник Володи Заботина»), мысленно переносится в Арбатские переулки – уголок «завечеревшей Москвы», откуда можно наблюдать «Успенье на

¹ Ржевский Л. Двое на камне. Мюнхен, 1960. С. 55.

² Бабичева М. На чужбине писали о Родине. М., 2020. С. 250.

Могильцах»¹. К Москве как ностальгическому элементу, памяти о поре отрочества обращается и Б. Филиппов в «Памяти сердца»: для него она прежде всего связана с «кондитерскими изысками», возможностью «вкусно поесть и сладко попить», «гастрономическими приманками киосков Масленицы и Вербы»².

Однако образы двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда) – в литературе «второй волны» эмиграции не всегда связаны с положительными воспоминаниями. Враждебной становится Москва для художника Ильи Кремнева из повести С. Максимова «В сумерках». Потеряв своего друга Горечку, покончившего жизнь самоубийством, он уезжает на Волгу, которая воспринимается «как символ и в то же время материализованное воплощение самой русской души»³. Герои, вспоминая о Петербурге, городе юности, отмечают, что он связан с «нежданными ночными гостями»⁴ и «удушающей хваткой Медного Всадника»⁵. Для героев «Параллакса» В. Юрасова и «Песни победителя» Г. Климова Москва – это враждебный город, который ассоциирован с неизбежным общением с сотрудниками МГБ, а, следовательно, постоянным ощущением риска для жизни и невозможностью чувствовать себя свободным. В какой-то степени город и вынуждает героев этих произведений отправиться на запад, навстречу будущему.

Данный аспект, очевидно, связан с тем, что значительное место в произведениях писателей «второй волны» при воспоминаниях о Родине занимает тема советских репрессий, связанная с категорией страха. Экзистенциальный подход в рамках культурфилософского осмысления категории страха раскрывает ее место в онтологической системе бытия: страх становится состоянием, в котором постигается нравственная сущность

¹ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 20.

² Филиппов Б. Избранное. Лондон, 1984. С. 244.

³ Бабичева М. На чужбине писали о Родине. М., 2020. С. 191.

⁴ Там же. С. 282.

⁵ Климов Г. Песнь победителя. Ростов-на-Дону, 1995. С. 532.

человека. Поскольку причины ареста могли быть самыми незначительными (герой новеллы Н. Троицкого «Симфония века» утаил два кило хлеба для больной матери), то категория страха оказывается неразрывно ассоциирована с категорией ненависти. Преодоление ненависти и страха показано в новелле Н. Троицкого «Симфония века» на примере четверых арестованных, приговоренных к смертной казни. Все они ведут себя по-разному, но автор обращает внимание на молодого деревенского парня, который, понимая, что ничего изменить нельзя, спокойно пьет чай, кормит утратившего разум инженера и успокаивает других: «... не сокрушайтесь. Еще целый день жизни! Богу помолитесь, оно легче станет»¹. Герои Троицкого испытывают катарсис, слушая рассказ музыканта о Шестой симфонии Чайковского, которая раскрывает трагедию и безысходность человека. В рассказе Н. Троицкого звучит тема незыблемости нравственных ориентиров как единственно возможного средства противостояния насилию. В противном случае человек духовно-нравственно деградирует и подчиняется репрессивной системе, что и происходит с антигероем романа В. Свена «Моль», когда он превращается в это насекомое, которое «неприметно, постепенно губит всё... вплоть до жизни растения. Моль стремится существовать только для себя, плодиться дальше и по партийно-наследственным законам производить подобное себе...»²

Двум столицам, изображенным в дуальном контексте, противопоставляются небольшие города, которые выполняют роль ранее упомянутой ностальгически очерченной малой Родины. Смоленск, деревня Горки, Приднестровский отчий край – для героев поэмы В. Юрасова «Василий Теркин после войны», Новочеркасск – для героя «Песни победителя» Г. Климова, Переделкино – для семьи Широковых – героев одноименной пьесы С. Максимова. Упоминание малых населенных пунктов, с одной стороны, способствует передаче драматизма войны. Так, при описании отступления советских войск, которое привело Заряжского в плен (повесть

¹ Троицкий Н. Новеллы. Сан-Франциско, 1983. С. 201

² Свен В. Моль. Мюнхен, 1969. С.29.

Л. Ржевского «Между двух звезд»), мелькают названия деревень: Меринка, Первомайская, Константиновка, Орехово. С другой стороны, эти места являются тем прибежищем, где герои могут скрыться от жизненных невзгод, как деревня Победа в Шуйской области, куда приезжает к родителям Василий Трухин с невестой Соней Паниной, которой чудом удалось освободиться из Асбестлага (В. Юрасов «Параллакс»).

Зачастую авторы прибегают к приему типизации, не упоминая конкретного названия населенного пункта и подчеркивая, что подобное могло произойти, где угодно: городок Б., на окраине которого расположился лагерь, куда попадают Заряжский с Милицей, городок Г. – «один из тех, что был ближе к Борису»; «провинциальный пыльный городок»¹, куда «памятью сердца» возвращается герой рассказов Б. Филиппова Андрей. Иногда упоминающееся в произведении географическое название является вымышленным. Так, город детства Милицы (Л. Ржевский «Между двух звезд», часть вторая «Девушка из Бункера») Старгород в реальности не существует, но упоминается в произведениях Н. Лескова, а также в «12 стульях» И. Ильфа и Е. Петрова. Прообразом Старгорода называют Старобельск, Воронеж, Ногинск. При этом существует село с таким названием в Львовской области Украины. Таким же собирательно-вымышленным является и городок Садбищенск в рассказах Б. Филиппова.

Следует обратить внимание на то, что географические названия связаны с образом не только Родины, но и Чужбины. При этом они могут ассоциироваться как с духовной свободой и служить антитезой репрессиям того периода и насильственной репатриации (Мюнхен, Альпы, Дрезден, Пильзен, Далемдорф), так и приравняться к ним (лагерь Регенсбург, лагерь Платтлинг – у Л. Ржевского и В. Юрасова). Особое место в произведениях этого периода уделяется географическим названиям, связанным с описанием

¹ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 19.

лагерей, как в СССР (Асбестлаг, Свердловск, Тавда), так и в Германии (Платтлинг).

Наряду с реальным пространством, которое разрывается на части, связанные с прошлым (Россия) и настоящим (то, где герои находятся в событийное время), существует абстрактное пространство: «езде и нигде», «мир смутных очертаний, где нет ни ясных норм, ни творческих дерзаний», «где-нибудь в Германии», «уйдя в бездонный ужас пустоты»¹. Обобщенно-абстрактные и метафорические образы пространства объединяют настоящее и прошлое в жизни человека и подчеркивают вечный внутренний конфликт между чувством и разумом, трудность нравственного выбора.

Прием ретроспекции, к которому прибегает большинство литераторов, по-разному раскрывает характеры героев. «Тоска по родине не зависит от того, покоится ли она в объятиях своего государства или страдает под вражеской властью. Как правило, можно считать, что поработленную родину мы любим глубже, чем свободную»²: «Нет ягоды квасней, чем клюква // Чем буква К – квасимей буквы // Столицы – кваше, чем Москва!»³ (Николай Моршен). «Раз глотнув приворотного зелья // Из корней родимой земли // На бессонную горечь похмелья // Мы навеки себя обрекли»⁴ (Татьяна Фесенко). «Такую Русь любить не перестану // Пожар в душе горит, горит, горит...// Развалины несущ в себе как рану, // Которая всю жизнь кровоточит»⁵ (Вячеслав Завалишин). И даже те, кто, как Иван Елагин, признает, что обрел покой в эмиграции, не может не признать: «Мне незнакома горечь ностальгии // Мне нравится чужая сторона. // Из всей – давно оставленной – России // Мне не хватает русского

¹ Восставшие из небытия: антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.; СПб., 2014/

² Степун Ф. Родина, отечество и чужбина. 1955. URL: <https://drevo-info.ru/articles/2803.html> (дата обращения: 12.01.2021).

³ Мы жили тогда на планете другой...: антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 гг. (первая и вторая волна) в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М., 1994–1997. С. 195.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Там же. С. 164.

окна»¹. «Русское прошлое по-настоящему открывалось эмигрантским сыновьям только через русскую литературу 19 века»², через родной язык: «Я навсегда остался без русского пространства под ногами, – рассказывал Юрий Иваск в интервью Д. Глэду, – но моей почвой стал русский язык, и моя душа сделана из русского языка, русской культуры и русского православия»³. Эти слова перекликаются с рассуждениями В. Розанова: «Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярии ли? Или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок — «не очень», все с грешком, слабенькие. А тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно? Хоронили тут мамашу, братьев: похоронят меня; будут тут же жениться дети; всё – тут... Всё важное... И вот люди надыхали тепла»⁴. Для Юрия Иваска Россия – Золушка: «Она – замарашка, прачка – как будто неудачница. Но она же царица – двойник императрицы Елизаветы Петровны, которая безграмотно подписывалась: «Елисавет». «Эта масленица России, // Умолкает Иеремия // У своей роковой реки. // Понесла воздушная тройка, // Ты лицо свое приоткрой-ка, // Залюбуются дураки...// Новая свободная и верующая Россия привиделась мне и в моем цикле “Играющий человек”»⁵. Вынужденная разлука с родными местами заставляет чувствовать себя изгоем, отщепенцем, изгнанником, то есть эмигрантом, с горечью отмечал Юрий Иваск, вспоминая о Петербурге: «Нева и Невка... Мойка... Изобилие: // Взад и вперед кочующей воды. // Стихия. Воля вольная... Насилие: // Явление естественной беды»⁶.

Хронотоп дороги способствует созданию амбивалентности образов Родины и Чужбины: мотив движения, который можно трактовать как бегство от самого себя или, наоборот, обретение своего места в новых реалиях. Это

¹ Мы жили тогда на планете другой...: антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 гг. (первая и вторая волна) в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М., 1994–1997. С. 207.

² Варшавский В. Незамеченное поколение. М., 2010, С.195.

³ Глэд Д. Беседы в изгнании. М., 1991, С.29.

⁴ Розанов В. Уединенное. М., 1990. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1912_ue_dinennoe.shtml (дата обращения: 20.03.2023).

⁵ Глэд Д. Беседы в изгнании. М., 1991. С. 32–33.

⁶ Восставшие из небытия: антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.; СПб., 2014. С. 36.

может быть как обращение к античности (Игорь Чиннов: «На окраине города, ночью, в Европе... Одиссей из России, – вернись к Пенелопе!»¹), так и описание реальных событий, нелегкого жизненного пути представителей Ди-Пи (Александр Неймирок: «Давным-давно он заколочен. Давным-давно в нем ни души. Теперь попроще, покороче: Бараки. Визы. Барыши»², Иван Елагин: «Дорога кончилась: отсюда – в никуда»³).

Метафорический образ дороги имеет различную коннотацию в произведениях разных писателей, напрямую завися от особенностей философского мироосмысления конкретным автором. Это могут быть поиски самого себя, своего места в новом мире, как в поэзии Ирины Бушман: «Найду лишь новый путь, иль, может, не один...И я тебя люблю за то, что ты дорога, что можно по тебе идти, идти, идти...»⁴ У Ивана Елагина восприятие дороги трагично и безысходно: «Ни Конотопа, ни вселенной, а только есть одна дорога, а на дороге катастрофы...»⁵ В творчестве Л. Ржевского дорога ведет к «вечному покою», у Б. Филиппова она бесконечна. В авторском осмыслении Б. Ширяева дорога представляет собой замкнутый круг: «Логика же в том, что земля кругла и, идя неуклонно на Запад, сквозь Запад, мы безусловно придем к Востоку. Нужно лишь идти, не задерживаясь в уютных долинах, не боясь крутых гор, не увязая в болотах... Идти вперед. Тогда придем. Неизбежно придем».⁶ На вопросе философского мироосмысления конкретными авторами «второй волны» метафорического образа дороги (пути от Родины к чужбине и наоборот) и изображении категории пространства целесообразно остановиться подробнее.

¹ Восставшие из небытия: антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.; СПб., 2014. С. 9.

² Мы жили тогда на планете другой...: антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 гг. (первая и вторая волна) в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М., 1994–1997. С. 91.

³ Там же. С. 473.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записка продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 268.

Чувство ностальгии по утраченной Родине присуще героям произведений Леонида Денисовича Ржевского (Суражевского). Так, «Сентиментальная повесть», написанная в 1954 году, начинается с объяснения в любви Москве: «Москва! Когда, замурившись, произношу я это имя, я слышу московский воздух... И вижу ее – Москву того времени...»¹ Герой оптимистической повести «... показавшему нам свет» (1961 г.) Вятич, считая себя приговоренным к смерти, вспоминает Спасскую башню, «бред Василия Блаженного», Замоскворечье и колокольню Растрелли. Позднее, в предисловии к книге «Звездопад», он сделает посвящение землякам-москвичам всех поколений. Глядя на репродукцию Мадонны в немецком госпитале, он вспоминает о «нашем» Эрмитаже. Эти воспоминания разделяют жизнь героев на «до» и «после» и не делают образ Родины идеальным: «...кто из нас, теперешних, принес в изгнание родину гармоническую?»², «Свою родину я уже не мог изображать только черно-белым... я любил ее и «до», и «после», «после», пожалуй, и больше любил, потому что сам был частью этого «после» и не мог расцечь своего сознания по одному только временному признаку»³. Образы Родины и Чужбины в произведениях Л. Ржевского неразрывно связаны с категорией времени. В повести «Две строчки времени» (1976 г.) герой, немолодой писатель-эмигрант, влюбленный в юную Ию, вспоминает Родину и свою первую любовь Юту, жизнь которой сложилась трагически. Родина – это «до», «тогда», «вчера», «бывшее», «прошлое». Чужбина – «здесь», «сегодня», «после». Будучи разделены «несбывшимся», они образуют звенья одной цепи. И не случайно, что произведение Саши Лишина из повести «Двое на камне» (1956 г.), начатое в Москве, а законченное в Австрии, состоит из «главок, которые у него назывались звеньями». Именно творчество становится своеобразным связующим звеном: «писания здесь являются «призрачной тропкой туда: а вдруг дойдут и прочтут там»⁴.

¹ Ржевский Л. Двое на камне. Мюнхен, 1960. С. 57.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 106.

⁴ Ржевский Л. Двое на камне. Мюнхен, 1960. С. 107.

Ностальгия героев Ржевского по Родине отражала чувства самого писателя. По воспоминаниям Е. Дубровиной, которая встречалась с Ржевским в Филадельфии, он скучал по оставленной Родине и тяжело переживал разлуку с нею. Жизненные перипетии самого автора находят отражение в судьбах его героев. Так, Заряжский из романа «Между двух звезд», будучи помощником начальника разведки дивизии, попадает в плен, подорвавшись на mine. Как и многие другие, оказавшиеся в подобной ситуации, он чувствует растерянность. Образ-символ звезды передает состояние героев: «Мы, как ничейные по своей беспризорности, окажемся между двух звезд... Между пятиконечной белой и пятиконечной же красной»¹. А. Коновалов дает и другое толкование образам двух звезд: «Звезды смерти» – это библейский образ, восходящий к книге Бытия и Апокалипсису», он связан с мнимыми ценностями – «мнимыми величинами», как их называл Н. Нароков. И «Звезды жизни», которые ассоциируются с вечными, непреходящими ценностями: верой, надеждой, любовью: «Именно любовь (к женщине, родине, миру, людям, Богу) является высшей ценностью в аксиологической парадигме творчества Л. Ржевского»².

Проблема дуального отношения к Родине становится главной в творчестве Л. Ржевского. Делая свой трудный выбор, его герои не отрекаются от Родины. Попав в плен, Заряжский вспоминает о «своих», которые в окопах сидят и сражаются за Родную землю, о старенькой учительнице, которая была готова повесить Гитлера собственными руками; Милица поет «наши» песни и мечтает о своей стороне, не чужой. Даже те герои, которые переходят к «чужим», объясняют свой выбор: «... от своего народа я ... не отказываюсь, а – от советского подданства...»³ Любить Россию, по Ржевскому, значит признавать не только хорошее, но и плохое: «А Россию бранили и те, кто любил ее «до печенок». Вспомните хоть Блока... Браню ее и я, но ведь не

¹ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 310.

² Коновалов А. Высшие и мнимые ценности в военной прозе Л. Ржевского // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел. 2012. № 2. С. 126.

³ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 374–375.

отрекаюсь же...»¹ Ржевский-пацифист не приемлет насилия, он подчеркивает, что и немцы, и советские бывают разными. По мнению В. Синкевич, «о трагедии русской эмиграции «второй волны» лучше всех рассказал Л. Ржевский, о горечи бегства своих от своих»². Неприятие насилия передают сны героев. Володе Заботину дважды снится сон о красноармейце, который бьет его прикладом по голове, и танк с красной звездой, который гонится за ним. Для героев Ржевского неоправданная жестокость и репрессии власти по отношению к «своим» становится причиной вступления в РОА, при этом они не понимают, является ли это утопией или реальностью. Образ Родины у Ржевского неразрывно связан с дорогой, но путь этот не бесконечен. Он приводит героя повести «Двое на камне» на Ваганьково, где всегда свежо, пахнет листвой, мокрым песком и «буйным зеленым быллем». Герой повести «Между двух звезд» Володя Заботин тоже вспоминает Ваганьково, где похоронен папа и могила Сергея Есенина с березкой как место, где наконец-то душа обретает покой.

Образ-топос дороги, неразрывно связанный с дефиницией Родины и Чужбины, приобретает иное звучание в творчестве Бориса Андреевича Филиппова (Филистинского). Путь его alter ego Андрея бесконечен. Он лежит от «расхлыстанности и толчеи» лагеря Ди-Пи в «далеко-далеко, в непроходимые леса... в непроходимые леса сладостного песенсказа древлего: «Иди же!.. Иди...»³ Герой Филиппова – бродяга, страдальческий путь которого ведет к «последнему Кресту завершения». Если в творчестве Л. Ржевского просматривается этногеографический подход образов Родины и Чужбины, согласно которому, как отмечает Т. Чикаева, «Родина – это место рождения человека, место, где родились и жили его предки»⁴, то в прозе

¹ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 312.

² Горячева Ю. Горечь бегства своих от своих // Независимая газета. 2011. URL: https://nvo.ng.ru/person/2011-07-07/2_bitterness.html (дата обращения: 20.03.2022).

³ Филиппов Б. Избранное. Лондон, 1984. С. 34.

⁴ Чикаева Т. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» // Вестник Вятского государственного университета. Вятка, 2018. № 2. С. 41.

Б. Филиппова – духовно-нравственный. В его основе лежит тезис о том, что «Родина как ценность сравнима ... со святыней религиозной»¹. Любовь к ней не связана с какими-то определенными местами, вызывающими чувство ностальгии и уж тем более с социально-политическими условиями. «Вы и на чужбине могли, имели полную возможность оставаться русским. Ведь русский – только и значит: православный. А в Боге – вся, вся полнота бытия»², – утверждает герой рассказа «Gott mit uns».

Образы Родины и Чужбины в произведениях Б. Филиппова зачастую лишены конкретных реалий, он осмысливает эти понятия в философском плане, прибегая к образам-символам. Так, окружающий мир представляется Андрею Алексеевичу, герою рассказа «Счастье», воронкой, по краю которой, «обросшему черной щетиной мертвых деревьев, ползут странные и страшные процессии: людей? или?»³ Андрей Алексеевич – один из тех, кто в годы войны примкнул к РОА, что сделал и сам Борис Филиппов, для которого любовь к Родине не была тождественной любви к большевистской России. Писатель подробно не останавливается на причинах, которые подтолкнули Андрея Алексеевича к этому поступку. Состояние героя раскрывает сон: он чувствует себя опустившимся на дно бездонного кратера, откуда из черных провалов неба на него смотрят злобные кошачьи глаза – звезды – и страшная «рожа с уродливо сцепленными трубами мехов и педалей»⁴. Филиппов не описывает бытовых трудностей, с которыми сталкиваются герои, их борьбу за жизнь, однако образы-символы раскрывают в полной мере, как «горек хлеб чужбинный», как «не греет чужбинное солнце». В произведении «Счастье» звучит мысль о том, что есть ценности неизмеримо выше, чем Родина и нация. Такой точки зрения придерживается возлюбленная Андрея Алексеевича Мария. Сам же герой приходит к выводу о том, что Родина – в душе человека,

¹ Чикаева Т. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» // Вестник Вятского государственного университета. Вятка, 2018. № 2. С. 44.

² Филиппов Б. Избранное. Лондон, 1984. С. 159.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 205–206.

в его любви к Богу. Только это может сделать счастливым даже побитого жизнью и нелегкими испытаниями странника: «Верую, Господи, помоги неверию моему! И огромное солнце радости заливает мою душу...»¹ Именно вера помогает героям Филиппова с ностальгией вспоминать о России, которой больше нет, и примириться с Россией нынешней. Так, Настасья Васильевна, дочь одного из дворцовых арапов, героиня рассказа «Патриотка», спустя годы не может забыть Царское Село, Павловск, Неву, Петербург. Называя себя патриоткой, она подчеркивает свое неприятие коммунистов и в то же время замечает, что и среди них встречаются люди неплохие.

Эта мысль встречается во многих произведениях русского зарубежья. Например, подобные слова звучат в первой главе книги Бориса Николаевича Ширяева «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол», которая является своеобразной летописью Ди-Пи. На примере своей семьи он показывает, на какие ухищрения приходилось идти тем, кто во что бы то ни стало пытался избежать депортации на Родину. Для Ширяева – человека, не принявшего революцию и участвовавшего в Белом движении, прошедшего через ГУЛАГ и чудом избежавшего расстрела, Россия ассоциировалась с «поколением соловецких, колымских, печерских доходяг». Людей, подобных ему, он называет дикими «стрианерами», предпочитающих, вопреки здравому смыслу, жизнь на чужом пустыре возвращению в свои, столь прекрасные на плакатах, дома. Образы Родины и Чужбины у Ширяева отличаются дуальностью. Размышляя о Родине, он задается вопросом:

– Я русский?

– Черт меня знает! Может быть, что и так...

В моей душе идет сильная борьба... Эх, будь, что будет!

– Пишите – русский!²

И в то же время у Б. Ширяева в отношении к Родине отсутствует чувство ностальгии. Все воспоминания о прошлой жизни для него музейные

¹ Филиппов Б. Избранное. Лондон, 1984. С. 239.

² Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 18.

экспонаты, которые «повествуют о прошлом, но никогда не возрождаются в настоящем. Отрубленный палец не прирастает вновь к телу»¹. Он иронично отзывается об эмигрантских поэтах, сидящих за рюмкой абсента в монпарнасских кафе. В отличие от Родины, именно чужбина дарит ему свободу. И в то же время она так и не становится Родиной, потому что Россия неизбежно связана с Богом: «В туманных глубинах памяти всплывают неясные тени черных елей под усыпанным бледными звездами небом, в дебрях далекого северного острова; окно землянки последнего еще жившего в ней схимника Земли Русской, огонек такой же, совсем такой же лампы под таким же темным ликом Спаса»². Б. Ширяев говорит о двух Россиях: «Вторую Россию, многоликую, многообразную и во всех своих преломлениях далекую от Первой – России мечты – я видел в Берлине, где мне приходилось не только соприкасаться, но и сливаться в общей работе с местной и стянутой туда войной эмиграцией, деловое лицо Второй России, несколько сухое и холодное, редко с улыбкою, с глазами, пытливо и внимательно рассматривавшими меня и спрашивавшими:

– А скажи, пожалуйста, что ты, собственно говоря, можешь делать?»³

Иной путь у Сергея Сергеевича Максимова (Пасхина). Переживший ГУЛАГ и арест гестапо, оказавшийся в Германии и сумевший избежать насильственной репатриации, очень рано ушедший из жизни, Максимов мало известен на Родине и чувствовал себя «прохожим». В рассказе «Голубое молчание», посвященном брату Николаю Витову, этот образ становится лейтмотивом рассказа. Прохожий бредет по дороге без конца и без края в полной тишине, олицетворяющей «единственную, вечную свободу»⁴. В «Голубом молчании» звучит тот же мотив, что и в повести А. Платонова «Котлован», – смерть девочки. Ребенок, мечтающий о синих звездочках, уходит во сне. А прохожий помогает матери девочки сколотить гробик.

¹ Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 87.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 80.

⁴ Максимов С. Голубое молчание. М., 2011. С. 5.

Рассказ Максимова раскрывает чувство безнадежности и одиночества, которое испытывает главный герой, потому что только смерть способна изменить жизнь и обрести свободу.

Следует отметить, что С. Максимов даже в произведениях, написанных в эмиграции, не затрагивает прямо этой темы, не противопоставляет Родину и Чужбину. Трагизм ситуаций, в которых оказываются герои его произведений, несомненно, связан с жизненными обстоятельствами самого автора, то есть с трагической проблемой, стоявшей перед тысячами русских людей, которые, решили ни под каким условием не возвращаться в СССР, но опасаются насильственной репатриации. В рассказах Максимова часто встречаются образы-символы: это и темный лес, которому «конца-края нет» в рассказе «Темный лес»; и кипящий котел в рассказе «Издевательство», и черная вода в повести «Сумерки». Антитезой им выступает образ Волги-матери. Максимов родился на Волге, его дед был бурлаком, многие родственники были лоцманами и капитанами на волжских пароходах, поэтому именно Волга воплощает у Максимова образ России. Самый известный роман С. Максимова «Денис Бушуев» (первоначальное название «О чем шумит Волга») начинается с описания этой реки: «За садом, круто спускавшимся к берегу, катилась Волга. Окрашенная мягким красновато-желтым закатом, она была тиха и спокойна. Противоположный горный берег с березовой рощей, крутыми глинистыми обрывами, с красивым, утопающим в зелени и сверкающим красными железными крышами селом Отважным, точно повторился в воде, сливаясь со своим отображением в одну стройную, симметричную, узорчатую ленту...»¹ Образ Волги-матери играет важную роль и в произведениях, близких к УНТ, например в поэме «Танюша». Хотя в произведениях С. Максимова прямо не звучат мотивы ностальгии по утраченной Родине, образ родного края незримо присутствует в них, на что указывал Борис Зайцев,

¹ Максимов С. Денис Бушуев. Лимбург, 1950. С. 7.

отмечая, что в произведениях С. Максимова много яркости, жизненности, любви к краю своему, Волге, людям¹.

К образу-символу Волги, ассоциирующемуся с Родиной и противопоставленному чужбине, часто обращался А. Кашин. Александр Адрианович родился в Шанхае и жил там в течение длительного времени, после войны принял советское гражданство и был сотрудником ТАСС, однако отказался от него, переехав в Европу в 1948 году. «Странный писатель», как называл его Юрий Большухин, пытался проникнуть в «душевный строй советского человека»². К этой теме он обращается в рассказе «Желтая Волга». Для главного героя река – нечто далекое и эфемерное: «А Волга далеко. Может, и нет ее вовсе. Так: один бред»³. Но герой-рассказчик постоянно возвращается мыслями к ней, бродя по сырому и холодному городу, «натываясь на чужие жизни...»⁴ Образ-символ Волги вмещает в себя и образ любимой Зои, и воспоминания о детстве. Находясь на чужбине, он чувствует себя подкидышем, вором, укравшим страну и теперь живущим с мачехой, а не матерью. Антитезой ему выступает художник, который везде чувствует себя как дома и утверждает: «Да ведь нет никакой России. Достоевский ее придумал...где Россия – людоеды живут... Сунься разом – косточки захрустят»⁵. Трагичность повествованию придают риторические вопросы, которыми заканчивается рассказ: зачем чужая, зачем желтая? В творчестве А. Кашина, как и в большинстве произведений «второй волны» эмиграции, звучит мотив «отрицающей» ностальгии, как назвала это явление М. Бабичева: желание вернуться и попытки обретения советского гражданства сочетаются с непреодолимым страхом возвращения на Родину.

¹ Зайцев Б. Сочинения в 10 кн. М., 2001. Т. 10 С. 78.

² Большухин Ю. Обретшие слово // Литературное Зарубежье: Сборник-антология. Мюнхен, 1958. С. 339.

³ Кашин А. Желтая Волга // Литературное Зарубежье: Сборник-антология. Мюнхен, 1958. С. 97.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 98.

Владимир Юрасов, сознательно ставший эмигрантом, надеялся, что его произведения «найдут дорогу до города... юности Ленинграда или до города детства Ростова-на-Дону»¹. О том, что привело его к этому непростому решению, он рассказывает в романе «Параллакс». На протяжении всего произведения подчеркивается мысль о том, что отношение к государству может быть двойственным: ему можно верить, и одновременно бояться его. Те герои, которые решают идти «прямо на запад», объясняют свой поступок: «...все мы русские – сыны одной родины... бежали не от России, а от большевистской власти»². Доказательством этого утверждения является судьба главного героя Федора Панина – «лишнего человека XX века», как он себя называет. Героически сражавшийся в годы войны и представленный к высшей награде, талантливый инженер, работающий в Германии, он остро ощущает себя «одиноким человеком среди руин». Федор, романтик, поэт, не может смириться с несправедливостью и по отношению к своим (арест сестры из-за того, что она работала на заводе во время оккупации, чтобы прокормить мать), и к чужим (трагическая судьба немки Инги). Его побег – желание избавиться от постоянного страха за себя и своих близких. Этот мотив звучит в романе для объяснения сущности РОА: «Власовство – это метаморфоза запуганного человека... часть общего освобождения народа от страха в горниле войны. Мы, власовцы, не дошли до победы. Но народ дошел. Народ победой закрепил свое освобождение от страха»³. Но большинство оказавшихся на западе так и не смогло избавиться от страха, и именно это повлияло на их решение остаться в эмиграции. На примере судьбы Сергея Аполлоновича, одного из героев романа «Параллакс», В. Юрасов развивает мысль о том, что это объяснялось боязнью оказаться в тюрьме или лагере и явилось трагедией.

¹ Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк, 1972. С. 3.

² Там же. С. 190.

³ Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк, 1972. С. 275.

Несмотря на то, что сам В. Юрасов принимает решение покинуть Родину, в своих произведениях он размышляет и об альтернативном выборе. Так, в романе «Параллакс» боевой друг Федора Панина Василий Трухин решает вернуться в родные края: он возвращается в родной колхоз и старается помочь своим односельчанам выжить и выстоять. А бывший партийный работник Павел Петрович, попавший в плен и вступивший в РОА, убеждает главного героя вернуться на Родину: «Там всё, что зовется отчизной... А это чужое небо, чужая земля, чужие глаза, чужие вещи»¹. Прием антитезы помогает подчеркнуть противопоставление Родины и эмиграции как попытке спрятаться за иллюзии. Подлинное отношение В. Юрасова к Родине помогают раскрыть образы-топосы. Это ключ от московской квартиры, с которым не расстается Павел Петрович и, отдавая который, напутствует Федора: «Берегите... ключ от нашего дома!»² В размышлениях о судьбе Родины, о ее будущем В. Юрасов проводит мысль, созвучную В. Розанову, о том, что история России – это «история русского терпения». Его Россия – это «Россия-мать, Россия-невеста, Россия – «жена моя»»³. И иллюстрацией этого положения является образ Сони Паниной, сестры Федора, ставшей женой Василия: «Соня – Россия...»⁴ По мысли В. Юрасова, человек не может чувствовать себя счастливым, как бы благополучно ни сложилась его жизнь на чужбине. Это состояние помогает передать образ-символ пыли, с которой сравнивается эмиграция: «пылью – землей, оторванной от земли, что была землей и что будет землей. Эмиграция – это пыль»⁵

Григорий Климов (Игорь Борисович Калмыков), как и Владимир Юрасов, работая в Берлине, решил перейти в американскую зону и остаться на Западе: «Пути назад нет. Я поворачиваюсь и иду навстречу будущему»⁶.

¹ Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк, 1972. С. 291.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 433.

⁴ Там же С. 452.

⁵ Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк, 1972. С. 462.

⁶ Климов Г. Песнь победителя. Ростов-на-Дону, 1995. С. 542.

Такой же выбор делает и герой его романа «Песнь победителя», во многом автобиографичного. Он не случайно носит фамилию Климов. Благополучный человек, работающий после войны в Германии и мечтающий вернуться в Москву к любимой девушке Жене, получив приказ вернуться на Родину как беспартийный, ощущает себя зверем в клетке. Вспоминая о чувстве ответственности перед Родиной, «озаренной победными салютами Красной площади, стенах Кремля и днях гордости и славы», он в то же время ощущает себя волком в клетке и понимает, что «в ослеплении борьбы за родину... забыли о многом»¹. Герой «Песни победителя» делает свой выбор во имя жизни, так как советская Россия ассоциируется у него со свинцовым гробом. Писатель показывает, что у многих сложно и неоднозначно складываются отношения с Родиной. Например, Андрей, бывший одноклассник и приятель Климова со студенческих лет, во время войны писал: «Только здесь, в тылу врага, я понял, что такое Родина – Родина с большой буквы. Теперь это для меня не отвлеченное понятие, а живое существо, родное существо, Родина-Мать»², «Тогда всё казалось ясным и чистым, как безбрежное снежное поле. Я чувствовал себя хозяином русской земли и был готов умереть за нее»³. После войны Андрей, связавший свою судьбу с МГБ, ощущает себя холопом, метафорично-издевательски называя погоны «крыльями холопа». Ему трудно принять, что люди, с которыми он ел во время войны из одного котелка, считают его врагом. Главный герой и его друг идут разными путями: один остается, другой решает покинуть Родину, так как «свободу и Родину мало любить – за них нужно бороться. И нет другой возможности борьбы, как уйти в другой лагерь и бороться оттуда. Это твой путь к родине!»⁴ Следует отметить, что Климов неоднозначно относится не только к Родине, но и к Чужбине. Пытаясь быть объективным по отношению к немцам, он отмечает: «Я охотно хотел бы видеть в каждом немце честного человека, каким он был

¹ Климов Г. Песнь победителя. Ростов-на-Дону, 1995. С. 544.

² Там же. С. 266.

³ Там же. С. 270.

⁴ Там же. С. 533.

для меня до войны, которому я мог бы пожать руку... К сожалению, я бессилен вынести приговор или оправдание. Пусть судит об этом Бог!»¹ В своем произведении «Цена свободы», которое он позднее включил в «Песнь победителя», Климов ставит знак равенства между несвободной Россией и Америкой, утверждая, что практичные американцы взяли себе в союзники дьявола. Необходимо указать на противоречивость взглядов Г. Климова к вопросу эмиграции. Он негативно высказывался об этом явлении, несмотря на то что сам стал эмигрантом. Так, в «Песни победителя» он иронично рассказывает о возвращении Куприна на Родину, а Александр Вертинский «нудно напоминает»: «Подайте бывшему человеку!» Парадоксально, но, несмотря на неоднозначность творчества, Г. Климов был одним из немногих представителей «второй волны» эмиграции, который дожил до того момента, когда его книги стали печататься на Родине.

По отношению к «третьей волне» взгляды Климова близки позиции историка Николая Ульянова. Многие вопросы, которые волновали Н. Ульянова, не только не утратили своей актуальности, но и звучат сегодня особенно остро. Н. Ульянов был членом организации «Союз борьбы за свободу России». Выступая как публицист, он под псевдонимом Н. Шварц-Омонский писал статьи о национальном вопросе и украинском сепаратизме, полемизируя с украинским историком-эмигрантом Ильей Борщаком. Этой теме посвящены статьи «Богдан Хмельницкий», «Зеркало украинского национализма», написанные под влиянием работ Николая Лосского. Решительно выступая против идеи «самостийности», Н. Ульянов отмечал: «Чего только не предпринято было в период гитлеровской оккупации для натравливания украинцев на русских»². Подчеркивая опасность национализма и необходимость целостности России, Н. Ульянов подчеркивал, что национализм в двадцатом веке «сделался совершенно зверским,

¹ Климов Г. Песнь победителя. Ростов-на-Дону, 1995. С. 70.

² Ульянов Н. Большевизм и национальный вопрос // Возрождение. Париж, 1951. №13. С. 165.

фашистским»¹, предупреждал об его опасности: «Ладья сепаратизма может приплыть к желанному берегу только через море великорусской крови»². Еще в 1951 году Н. Ульянов прозорливо написал: «Наш народ... вынужден либо найти достойное для всех народов разрешение национального вопроса в рамках общего государства, либо... грудью встать на защиту собственного существования»³. По словам С. Зеньковского, миссией Н. Ульянова была «защита единства чести и исторической целесообразности русского государства»⁴. Осознавая, что Россия – многонациональное государство, для которого существует опасность распада, Н. Ульянов был убежден, что «в этой беде спасти ее может опять только культура... мы лишь в той мере можем рассчитывать на неотделение от нас других народов, в какой сохраним престиж и обаяние нашей культуры»⁵.

Таким образом, категория пространства и метафорический образ пути помогают раскрыть особенности дуального восприятия образа Родины в литературе «второй волны» эмиграции: ностальгия по родным местам сменяется неприятием того, что происходит на Родине, и наоборот: «...бежали не от России, а от большевистской власти»⁶. Так же неоднозначно понятие Чужбины, которое символизирует обретение желанной свободы, но неразрывно связано со страхом из-за возможной депортации.

Мысли и чувства авторов и их героев, как уже отмечалось выше, репрезентируются и посредством категории времени. Его континуальность расчленяется на прошлое, настоящее и будущее. При этом возникают две категории времени: реальное и художественное. Реальное состоит из

¹ Ульянов Н. – С.П. Мельгунову, 17 апреля 1951 г. Ibid.

² Ульянов Н. История и утопия // Российский демократ. Париж, 1951. № 1 (сб. 20). С. 9–20.

³ Ульянов Н. Большевизм и национальный вопрос // Возрождение Париж, 1951. №13. С.166.

⁴ Зеньковский С. Верный флагу. Памяти Н.И. Ульянова (1905-1983) // Новый журнал. Филадельфия, 1985. №160. С.269.

⁵ Ульянов Н. Культура и эмиграция // Новый журнал. Филадельфия, 1952. №28. С.265.

⁶ Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк, 1972. С. 190.

настоящего (годы Великой Отечественной войны или послевоенные годы) и прошлого (довоенное время). Художественное время делится на конкретное («Следственная тюрьма для политических заключенных. Пять часов вечера»¹, «Шел 1937 год», «В марте 1938 года в квартиру Костомаровых властно постучали»²) и абстрактное. Время расширяется, двигаясь от конкретного к абстрактному, от точного к расплывчатому, что создает ощущение движения к вечности. От сиюминутного, житейского (точного времени) повествование развивается и идет вдаль, к вечному и непреходящему, эсхатологическому времени: «Пусть звезды живут миллиарды лет, а моя земная жизнь длится только семьдесят, но ведь это всё условно. После моей смерти наша галактика будет продолжать заданный ей путь. Мое тело умрет, но мой дух будет жить!», «...время – ничто. Важны его последствия!»³

Категории пространства и времени выступают как единое целое, способствуя раскрытию диалектики душ персонажей. Обращаясь к классификации хронотопов, данной М. Бахтиным⁴, можно выделить идиллический (время, проведенное в родительском доме), авантюрный (испытания в чужом мире), карнавальнй (место временного переосмысления ценностей). Вместе они помогают создать обобщенную картину эпохи.

Наиболее показательным примером является произведение Т. Фесенко «Повесть кривых лет»: безмятежные детство и юность, проведенные в отчем доме («дом моей юности прятался в тени огромной липы, словно стараясь уберечься от горя и непогод»⁵), сменяются насильственным переселением в дом чужой сначала из-за ареста отца, а потом из-за оккупации города фашистами и вынужденного отъезда в Германию («Большая солнечная комната с балконом, невероятно грязная и запущенная, изуродованная

¹ Троицкий Н. Новеллы. Сан-Франциско, 1983. С. 189.

² Там же. С. 217.

³ Там же. С. 108.

⁴ Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике// Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

⁵ Фесенко Т. Повесть кривых лет. Нью-Йорк, 1963. С. 34.

фанерными перегородками, стояла с настежь открытой дверью, со взломанным замком. Всё, что осталось от прежних соседей, эвакуировавшихся на Урал»¹). Покидая Киев, героиня осознает, что это «разрыв с прежней жизнью, и, может быть, безвозвратный»². Жизнь в лагере Ди-Пи становится отправной точкой невозврата: «Горькая тоска по родине, отцу и друзьям может сочетаться с ненавистью к существующему строю, лживость и уродливость которого особенно ярко раскрылась за годы войны, когда можно было прочесть и увидеть многое, до тех пор скрытое за семью замками»³.

Экстраполяция прошлого на настоящее и будущее определяет выбор не только Т. Фесенко, но и целого поколения: «...предвоенные молодые годы... показаны на черном фоне коллективизации, ежовщины; затем – Вторая мировая война, немецкая оккупация, с потрясающими воображение мрачными зарисовками военного лихолетья; а дальше – тяжкий путь через всю дымящуюся Европу, с вечным страхом Ди-Пи перед насильственной репатриацией. В этой документальной, правдивой и драматичной, повести... особенно ценным сегодня становятся свидетельства о жизни “перемещенных лиц” в Германии сразу после войны»⁴.

Таким образом, проанализировав категории пространства и времени в творчестве писателей «второй волны» эмиграции, мы пришли к выводам о подчеркнутой автобиографичности их произведений, прототипом героев является сам автор – человек, который в силу разных причин оказался на Чужбине, но не может забыть Россию. Среди тем произведений превалирует осмысление событий Великой Отечественной войны, политических репрессий и положения авторов в лагерях Ди-Пи. Категории пространства и времени в литературе данного периода выступают как единое целое, помогая раскрыть «диалектику души» писателей и их героев. Выявлено, что в творчестве

¹ Фесенко Т. Повесть кривых лет. Нью-Йорк, 1963. С. 83.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 123.

⁴ Герра Р. Мои встречи с выдающимися представителями «второй волны» эмиграции // Новый журнал. Филадельфия. 2015. № 278.

представителей «второй волны» пространство часто связано с названиями географических объектов в значении «малой Родины», что позволяет сделать выводы о симбиотической духовной связи представителей «второй волны» русской эмиграции с Россией. Пространство реальное изображается как конкретное и условное, географические границы охватывают все направления, связанные с эмиграцией из России в XX в., однако конкретные страны выступают фоном для тех или иных событий и объединяются топосом «Чужбина». Данное понятие сопоставляется с Родиной (Россией) и рассматривается как вынужденное место проживания, ассоциирующееся со свободой творчества, однако не удовлетворяющее духовной потребности единства с родной страной, дуальный образ которой является лейтмотивом творчества представителей «второй волны» эмиграции. Географические названия, связанные с образом Чужбины, ассоциированы с духовной свободой и служат антитезой насильственной репатриации. Нередко используется прием типизации, демонстрирующий прецедентное единство субъектов русской культуры за рубежом.

Исходя из анализа первоисточников и мемуаров, в нашем исследовании был отмечен ряд текстологических особенностей, связанных с категориями пространства и времени, позволяющих констатировать парадоксальную закономерность: вопреки эмиграции, обусловленной целым комплексом исторических и социальных обстоятельств, нельзя говорить об оторванности от родной почвы писателей и поэтов «второй волны», равно как и об их неприятии России, антипатии к ней. Не принимая ряд аспектов политики родной страны, они в то же время испытывали ярко выраженную духовную и культурную связь с Родиной, в том числе ностальгические чувства и душевные переживания из-за невозможности вернуться в Россию. Именно культурные ценности свидетельствуют о неразрывной связи представителей «второй волны эмиграции» с Родиной.

2.2. Идеино-ценностная парадигма в литературном наследии «второй волны» эмиграции и советской военной прозы: общее и особенное

В отечественной культуре середины XX века, неразрывно связанной с исторически значимыми событиями Великой Отечественной войны, особую роль играет категория героического. Рассматривая воплощение данного феномена в литературе, следует отметить три его функции: защитную, продуцирующую, духовно-просветительскую. Осмысливая сущность героического, можно выделить способность к подвигу, то есть готовность мужественно действовать в интересах других людей. Исходя из этого, героическое определяется как «крайняя степень бескорыстной храбрости, противостоящей любому реальному или возможному злу. Такая храбрость способна противостоять не только страху, но и страданию, усталости, унынию, отвращению, соблазну. Это исключительная добродетель исключительных людей»¹. То есть в основе героического прежде всего диалектически сложный путь к самому себе, духовная эволюция, «возрастание сознания»². Также героическое выступает духовно-нравственной культурной ценностью, которая кладется народом в основу своего отношения к критическим событиям в своей истории: «Понимание истории как развернутого во времени достижения народом своих идеалов и формирования на их основе ценностей как обусловленных идеалами отношений к природе, другим людям и самому себе, не содержит в себе ничего противоречивого, если история строится на духовно-нравственных основаниях»³.

Следует отметить, что события Великой Отечественной войны нашли свое глубокое отражение как в «официальной» советской литературе, так и в

¹ Конт-Спонвиль А. Философский словарь = Dictionnaire philosophique. М., 2012. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/ (дата обращения: 23.04.2021).

² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/07/де-Шарден-Пьер.-Феномен-человека.pdf> (дата обращения: 30.02.2023).

³ Китов Ю., Гертнер С. Изменения к основам культурной политики как предмет культурфилософского анализа // Вестник культуры и искусств. М., 2023. № 1. С. 44.

литературе «второй волны» российской эмиграции. В условиях возрождения интереса к историческому прошлому нашей страны представляется актуальным и своевременным сравнительно-сопоставительный анализ основных идей и нравственных ценностей произведений эмигрантов «второй волны» и советской военной прозы, который позволяет выявить как общий идейно-ценностный сегмент в проблематике произведений, так и специфику эмигрантской литературы.

Особый интерес для исследования представляет диалектика жизненных обстоятельств и нравственных ценностей в литературе данного периода, поскольку для художественно-творческой деятельности важнейшим фактором выступает не только эстетическая сторона, но и нравственные вопросы. В сложный исторический период каждому человеку предстояло совершить нравственный выбор: сохранить систему духовных ценностей и принципов целостной вопреки обстоятельствам или приспособиться к ним. В этой связи выделяется антропологический аспект героического – отражение внутреннего мира человека, в том числе через взаимоотношения героя с Родиной. Большое влияние на развитие данного аспекта в литературе эмигрантов «второй волны» оказал роман Владимира Набокова «Подвиг».

Для Мартына, героя романа «Подвиг», возвращение на Родину – это не служение ей, а увлекательное путешествие в Россию (Зоорландию) и обратно, чтобы доказать и самому себе, и любимой им Соне, что он способен на поступок. «Хорошо путешествовать... я хотел бы много путешествовать»¹, – рассуждает он. Мартын чувствует себя участником маскарадной драмы, зная «... что никто и ничто не может ему помешать вольным странником пробраться в эти леса, где... пахнет гарью и тленом... ему мерещилось... что он уже побывал в той одинокой, отважной экспедиции и вот – будет рассказывать, рассказывать»². Герой Набокова живет в своих мечтах: как когда-то в детстве, стремясь казаться храбрым, он «на взмыленном коне, с

¹ Набоков В. Облако, озеро, башня. М., 1989. С. 369.

² Там же. С. 418.

шашкой наголо, первым врывается в мятежную Москву»¹; попав в Берлин любовался «развязной и громкоголосой Россией», которая являлась в грезах «петербургскому отроку», снившемуся себе изгнанником, так и в эмиграции он принимает решение, непонятное другим: «нелегально перейти из Латвии в Россию, – да, на двадцать четыре часа, – и затем обратно»². Поступок Мартына – это не ностальгическое желание «посетить страну...отцов» и не решимость бороться за утраченную Россию, это путь к себе «тропинкой... через лес»³.

Традиции В. Набокова в антропологическом аспекте изображения героического находят свое отражение в произведениях эмигрантов, посвященных Великой Отечественной войне, например, в прозе В. Юрасова, и позволяют вывести из забвения важные культурно-исторические страницы жизни нашей страны, связанные с драматическими судьбами наших соотечественников. Если герой «Подвига» В. Набокова Мартын Эдельвейс возвращается в поисках себя в Россию, то Федор Панин из «Параллакса» В. Юрасова, воевавший во время войны против фашистов, после войны совершает побег на Запад, не желая жить в атмосфере страха. Разница между героями произведения В. Набокова и героями В. Юрасова заключается и в том, что последние сознательно делают свой выбор. Так, Павел Чугунов из романа «Параллакс», бывший партийный работник, комиссар дивизии, попав в плен, сознательно вступает в РОА, а после войны, имея возможность остаться на Западе, нелегально возвращается в Советский Союз, чтобы бороться против советского тоталитаризма. Этот же мотив звучит в третьей части романа Л. Ржевского (Суражевского) «Между двух звезд» («Дневник Володи Заботина»). Он так представляет себе «великую развязку»: «Это будет встреча двух единокровных армий: советской, принудительной, и нашей – Освободительной. Судьбоносная встреча – и штыки повернутся против угнетателей нашей родины»⁴, «Да, бороться, бороться, бороться с

¹ Набоков В. Облако, озеро, башня. М., 1989. С. 320.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 320.

⁴ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 323.

захватчиками, с поработителями! За Родину свободную, богатую, счастливую!.. не ныть! Смело смотреть в лицо завтрашнему дню, чем бы ни угрожал!»¹ Мартын Эдельвейс не испытывает чувства ностальгии, а Володя Заботин постоянно мыслями возвращается к Родине, мучительно раздумывая над тем, что победа советских войск окончательно разрывает его связь с ней. И в то же время при всей разности в отношении к героическому между Мартыном и Володией существует общее: способность преодолеть «концентрат страха».

Анализируя особенности изображения категории героического в произведениях представителей литературы «второй волны» эмиграции (Леонида Ржевского, Михаила Корякова, Владимира Юрасова, Бориса Ширяева, Геннадия Андреева, Владимира Самарина), необходимо отметить, что прослеживается четкая связь с «лейтенантской прозой» – произведениями советских писателей, принявших непосредственное участие в Великой Отечественной войне (Виктора Некрасова, Константина Воробьева, Юрия Бондарева, Василя Быкова, Александра Твардовского). Всех авторов отличает способность показать «окопную правду» без прикрас, проанализировав как мотивы поведения истинных героев, так и истоки предательства. Описание военных действий при этом служит фоном для раскрытия внутреннего мира героев и мотивации их поступков, определяющихся прежде всего общечеловеческими ценностями. В данном контексте представляется уместным выявить определенные аналогии между произведениями советских писателей и писателей-эмигрантов «второй волны».

Так, проблемам преодоления страха и взросления героев посвящена повесть советского писателя-фронтовика К. Воробьева «Убиты под Москвой», в которой описана гибель роты кремлевских курсантов в первые военные месяцы. В начале книги юные солдаты направляются на фронт, который рисуется им «зрительным и величественным сооружением из бетона, огня и

¹ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С.373.

человеческой плоти»¹. Они с мальчишеским азартом готовятся к первому бою и с восхищением смотрят на своего командира, не падающего при появлении «юнкеров». Радостное и возбужденное состояние курсантов помогает передать пейзаж: «Снег пошел в полдень – легкий, сухой, голубой. Он отдавал запахом перезревших антоновских яблок»². Выпавший снег символизирует юношескую чистоту солдат, их нравственный максимализм. Но очень часто герои Воробьева сталкиваются с грязью и кровью, жестокостью и шкурничеством. Правдивое описание реалий военной жизни было причиной того, что повесть долгое время не печатали в СССР. Уже в первые дни кремлевские курсанты отчетливо понимают, что, кроме патронов и кухни, им не на что рассчитывать. Они вынуждены самозарядными винтовками отстреливаться от немецких танков и самолетов, им даже нечем рыть окопы, потому что не хватает лопат, нет кирки. В итоге рота кремлевских курсантов, не успев толком повоевать, разгромлена. Рассказывая о смерти, Воробьев не прибегает к витиеватым фразам, эпитетам, он буднично и просто, как человек, не раз смотрящий смерти в глаза, констатирует факты. С повестью К. Воробьева «Убиты под Москвой» перекликается автобиографическая повесть писателя-эмигранта Михаила Корякова «Освобождение души», представляющая читателю ту же неприглядную окопную правду и детальные описания: «...Валю Лукьянову – помнишь... ее там убило... Крови от нее и под меня натекло...»³

Рассказывая о неравной схватке своего героя Ястребова и его товарищей с врагами, К. Воробьев не употребляет слова «героизм», «мужество». Война – работа, курсанты – обыкновенные люди, испытывающие страх перед смертью, брезгливость по отношению к убитым. Их судьбы трагичны, к концу повести из всей роты в живых остается только лейтенант Ястребов. Этот же лейтмотив

¹ Воробьев К. Убиты под Москвой. Это мы, господи! М., 1987. URL: https://imwerden.de/pdf/vorobjev_ubity_pod_moskvoj_eto_my_gospodi_1987__ocr.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

² Там же.

³ Коряков М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952. С. 22.

встречается в «Освобождении души» М. Корякова: «– Положат под Москвой народишку. До последнего будут биться. – Кого уж и класть-то осталось?»¹ И Воробьев, и Коряков в своих произведениях обращаются к традиционно замалчиваемой в советской литературе теме дезертирства: «Командиры срывали с себя знаки отличия, уничтожали командирские удостоверения и, беспаспортные, сливались с потоком отступавших, обродяжившихся и никем не управляемых бойцов»², – рассказывает очевидец тех событий Коряков. Конкретизируя эту тему, Воробьев рассказывает о генерал-майоре Переверзеве, переодетшемся красноармейцем, и майоре НКВД, гонящем в бой кремлевских курсантов.

Трагическое ощущение безысходности, испытываемое героями во время войны, характерно как для произведений эмигрантов, так и для «лейтенантской прозы». В этом отношении повесть «Убиты под Москвой», имеющая кольцевую композицию, перекликается с повестью Леонида Ржевского «Между двух звезд» («Дневник Володи Заботина»). Произведения Л. Ржевского и К. Воробьева объединяет и открытый финал. В конце повести «Убиты под Москвой» единственный оставшийся в живых Алексей Ястребов пытается прорваться из окружения, он «шел и то и дело всхлипывающе шептал... Так было легче идти»³. А Л. Ржевский заканчивает свою повесть словами: «Топот под окнами... По коридору... В дверь стучат прикладами... Это...»⁴ Мы не знаем, как сложится судьба Алексея: удастся ли ему прорваться к своим, или он обречен на смерть или фашистский плен, как это произошло с самим Константином Дмитриевичем. А герой Ржевского Володя Заботин так и остается наивным романтиком, который не в силах противостоять насильственной депортации, и его судьбу читатель также

¹ Коряков М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952. С. 35.

² Там же. С. 63.

³ Воробьев К. Убиты под Москвой. Это мы, господа! М., 1987. URL: https://imwerden.de/pdf/vorobjev_ubity_pod_moskvoj_eto_my_gospodi_1987__ocr.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

⁴ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 122.

может лишь домысливать. Сравнивая произведения К. Воробьева, Л. Ржевского, М. Корякова, можно отметить сходство жизненных обстоятельств писателей (плен, концлагерь у Воробьева и Ржевского) и проблематику произведений (проблема нравственного выбора, становления и взросления героев). Однако прослеживается и отличие: герои Воробьева, несмотря ни на что, борются за победу своей Родины, которая для них едина и неделима, в то время как герои Ржевского и Корякова скорее допускают коллаборационизм, нежели принятие советского режима, который ассоциируется у них с категорией зла.

Несомненные параллели можно провести между произведениями А. Твардовского и В. Юрасова, главным героем которых является былинный богатырь Василий Теркин. В советской литературе, посвященной Великой Отечественной войне, весельчак и балагур, мастер на все руки и мужественный воин, который способен обхитрить даже смерть, стал героем «Книги про бойца» Александра Твардовского. Владимир Юрасов, бывший подполковник советской армии, обращается к образу, созданному Твардовским, в книге «Василий Теркин после войны», состоящей из двух частей: «Теркин дома», «Теркин – оккупант»: «Написанное собственно мною по замыслу своему продолжает мотивы и настроения рассказов и песен «Теркиных», которых я встречал»¹. Юрасов планировал написать и продолжение истории Теркина: его приключения в советском лагере, о Теркине-перебежчике. Однако необходимо отметить разницу ценностных ориентиров двух героев: Теркин Юрасова, вернувшись с войны, видит, что жизнь «в краю родном хуже редьки, хуже горькой». Именно поэтому он «за Родину в обиде»: «сторона ему родная показалась сиротой»². В отличие от Твардовского, Юрасов отмечает, что «позабыла власть наш правый смертный бой не ради славы, ради жизни на земле»³. Примером тому служит деревенская

¹ Юрасов С. Василий Теркин после войны: (по А. Твардовскому). Нью-Йорк, 1953. С. 16.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 46.

простая труженица-мать, которую на родине в лагерях пять лет держали. Герой Юрасова приходит к выводу о том, что, защищая Отчизну, мечтал о другом, в том числе об уничтожении тоталитаризма «железного занавеса»: «Отодвинуть эту дамбу с нашей родины родной»¹. Заканчивая «Василия Теркина после войны», Юрасов отмечает, что образ его героя собирательный: «Позабудут – перетрет, перетерпит – вновь откроют, потому что он – Народ»². При этом для Теркина Твардовского самым важным является защита Родины в смертельной схватке с внешним врагом – фашистами, тогда как для Теркина Юрасова важнее всего сказать правду о враге внутреннем: «Как обманут властью был, как теперь живется...»³

В творчестве писателей «второй волны» эмиграции, как и в военной прозе советских писателей, одной из главных является проблема вечных, непреходящих ценностей: они размышляют о том, совместима ли жестокая реальность войны с милосердием и человечностью. Этим вопросом задается Сергей Максимов в одном из трагических рассказов «Темный лес». Название рассказа символично, ассоциируется с отчаянием и психологически тяжелым оцепенением, «черной пустотой» главного героя – Ирикова, который, сбежав из плена и попав в партизанский отряд, узнает, что его невесту убили фашисты, после чего «не жалость и Бога нес с собой Ириков, а – смерть»⁴, поэтому и на задание он выбирает себе в спутники вора и налетчика Ваську-Туза «за звериную жестокость, за презрение ко всему Божескому и человеческому»⁵. Однако Максимов показывает состояние внутренней дисгармонии героя, когда в их власти оказывается раненая немецкая девушка-санитарка, пытающаяся объяснить Ирикову, что она никому не сделала ничего плохого и скоро должна отправиться в отпуск к своим родителям. Не имея

¹ Юрасов С. Василий Теркин после войны: (по А. Твардовскому). Нью-Йорк, 1953. С. 169.

² Там же. С. 185.

³ Там же. С. 169.

⁴ Максимов С. Голубое молчание. Нью-Йорк, 1953. С. 5.

⁵ Там же. С. 5.

права отпустить пленную, Ириков отдает страшный приказ Тузу: «Поведи будто назад – в лагерь... Пройди шагов двести... И – бей в затылок!»¹ Однако узнав, что тот перед казнью совершил насилие над девушкой, не задумываясь, убивает и его. Насилие становится для Ирикова замкнутым кругом, который ему не удастся разорвать: он «шел, не видя ничего, поворачивая то вправо, то влево, быть может, кружась по одному и тому же месту и не замечая того»². Через аксиологическую парадигму, основанную на ценностных ориентирах, можно рассматривать и «Топор в руке» Владимира Самарина, повествующий, как волостной старшина Андрей Галкин лишил жизни парашютиста, убившего его семью. Автор подчеркивает, что возмездие не принесло облегчения герою: «И не мог больше жить он: то дети звали по ночам, то кричал парашютист перед страшной своей смертью»³, – потому и пошел через поле во весь рост, пока партизаны не расстреляли его. В отличие от С. Максимова и В. Самарина, Ю. Бондарев в основе романа «Берег» устанавливает такие нравственные ориентиры, как гуманизм и милосердие. Так, в годы войны молодой лейтенант Вадим Никитин вступает в открытый конфликт с сержантом Межениным, спасая от изнасилования немецкую девушку Эмму. А лейтенант Княжко спасает ее брата Курта, которого был готов пытать командир батареи Гранатуров, – человек, потерявший во время войны всех своих близких и руководствующийся поэтому чувством ненависти и мести. В романе Бондарева, так же, как и в остальных произведениях советской литературы, относящихся к «лейтенантской прозе», повзрослевшие мальчики сохранили наивность и верность вечным духовным ценностям. Лейтенант Княжко спасает немецких подростков-партизан, потому что они «наверняка мальчишки», которые боятся плена.

В «лейтенантской прозе» преобладает философское осмысление проблемы духовно-нравственного выбора, тогда как произведения писателей

¹ Максимов С. Голубое молчание. Нью-Йорк, 1953. С. 5.

² Там же. С. 12.

³ Самарин В. Тени на стене: Рассказы. Нью-Йорк, 1967. С. 30.

«второй волны» эмиграции в большинстве своем направлены на реализацию культуры эмпатии по отношению к поведенческим проявлениям своих героев. В данной связи характерно сопоставление повести «Кудеяров дуб» Б. Ширяева и повести «Сотников» В. Быкова. В произведении Б. Ширяева главный герой Всеволод Брянцев, бывший корнет царской армии, преподаватель пединститута в советское время, не задумываясь, принимает позицию немцев, полагая, что с ними связано освобождение России. Вместе с ними он уезжает на Запад. Брянцев аргументирует это тем, что преодоление зла злом помогает духовному возрождению Родины. Обращаясь к военному дискурсу, Ширяев создает образы, лишенные психологической убедительности, а поступки героев преимущественно объясняются неприятием советского режима. В произведении преобладает «антитоталитаристский пафос с его откровенной публицистической декларативностью»¹, доминируя над правдой искусства. Между тем данная особенность в целом характерна для произведений писателей-эмигрантов «второй волны» и обусловлена драматическими судьбами авторов – субъектов русской культуры, оказавшихся вдали от Родины в силу целого комплекса социально-исторических причин и личных обстоятельств. Учитывая данную особенность, творчество эмигрантов может быть рассмотрено как способ раскрытия и детерминации диалектики жизненных обстоятельств и нравственных ценностей авторов произведений, при котором неправомерно оценивать героя только как гносеологического субъекта.

В отличие от «Кудеярова дуба», повесть Василя Былова «Сотников», также посвященная проблеме нравственного выбора, художественно достоверно раскрывает поставленную проблему. Автор прослеживает жизненный путь Рыбака и Сотникова, образы которых построены по принципу антитезы. В начале повести авторские симпатии на стороне Рыбака. Этот

¹ Матвеева Ю. Вторая мировая война в восприятии трех волн эмиграции. Екатеринбург, 2016. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41232/1/qv_2_2016_08.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

физический сильный человек сам вызывается добыть продовольствие для партизан, оказавшихся в трудном положении, находит выход в любой ситуации и не бросает раненого товарища. Рыбак сохраняет силу духа, даже узнав, что фашисты подожгли деревню, в которой жила его любимая. Подчеркивая физическую силу Рыбака, В. Быков противопоставляет ему Сотникова — человека со слабым здоровьем, постоянно кашляющего, который является обузой своему товарищу. Однако, попав в плен, герои словно меняются местами, и каждый из них совершает свой духовно-нравственный выбор. Физически слабый Сотников достойно ведет себя: не сгибается под пытками и даже перед лицом смерти думает не о себе, а о мирных жителях, приговоренных к казни. В то время как Рыбак стремится любой ценой сохранить себе жизнь. Вспоминая о своем бывшем однополчанине, который поступил так же, как Рыбак, писатель-фронтовик Быков писал, что вина Рыбака в том, что он хотел выжить тогда, когда это было невозможно. Выбирая между долгом и жизнью, Рыбак выбирает жизнь, однако, участвуя в казни своего товарища, он переступает нравственную грань и обрекает себя на вечные муки совести. Не случайно, даже ремень, на котором он пытался повеситься после содеянного, не выдерживает и рвется. Эта значимая деталь подчеркивает, что наказание за предательство — это прежде всего суд совести. Повесть В. Быкова относится к военному дискурсу, однако она затрагивает библейские мотивы, напоминая о Христе и Иуде, и проблема, поднятая в ней, является общефилософской.

Таким образом, эвристичность подхода к осмыслению категории героического сближает произведения представителей «второй волны» эмиграции с произведениями советских писателей, оставшихся на Родине. Всех авторов отличает стремление развивать культуру эмпатии у своих читателей, способность показать правду жизни, способствующую раскрытию внутреннего мира героев. Однако философское осмысление антропологического аспекта героического в «лейтенантской прозе» представляется более жизнеутверждающе глубоким, чем в произведениях

писателей «второй волны», поскольку последние сводятся к объяснению поступков своих героев, прототипами которых служат сами авторы. Герои советской военной прозы совершают сложный духовно-нравственный выбор, военный дискурс при этом раскрывается при помощи бинарных оппозиций «жизнь-смерть», «жестокость-милосердие». Литература «второй волны» эмиграции более субъективна, сосредоточена на внутреннем мире человека, оказавшегося в военное время в точке кризиса, а также на противопоставлении человека жестокости окружающего мира, воплощенной не только в милитаристском контексте, но и в тоталитаризме власти.

Идейно-тематическая близость произведений «официальной» советской литературы о войне («лейтенантской прозы») и произведений писателей-эмигрантов «второй волны», приведенные в данном исследовании параллели между произведениями В. Юрасова и А. Твардовского, Л. Ржевского, М. Корякова и К. Воробьева, Б. Ширяева и В. Быкова, С. Максимова, В. Самарина и Ю. Бондарева позволяют нам сделать выводы о единстве духовно-нравственных проблем, волновавших российских писателей в середине XX века, независимо от места их проживания, что в свою очередь указывает на неотъемлемую принадлежность творчества писателей-эмигрантов культурному наследию России и необходимости исследования их литературных работ как установление социокультурных и нравственных связей с Родиной, которую по основанию драматичных коллизий им пришлось покинуть.

2.3. Тенденции развития литературы «второй волны» как духовно-культурной составляющей наследия России

Говоря о тенденциях развития литературы русского зарубежья, необходимо подчеркнуть, что литература «второй волны» эмиграции, представляя собой культурный феномен покаяния за компромиссы,

совершенные в силу исторических и личных обстоятельств, кардинально отличалась от последующей, «третьей волны», эмиграции. В данном исследовании мы находим неоправданным говорить о единстве «волн» эмиграции, начиная со «второй», в плане сознательного культурного отмежевания от России. Этот важный для культурной идентификации «второй волны» момент подчеркивали и сами ее представители, по большей части негативно отзываясь о писателях «третьей волны». Так, Г. Климов утверждал, что ее зарождению способствовали «бесы Гарвардского проекта, задачей которых было мутить по радио или через печать таких же бесов в Советском Союзе – или переманивать их на Запад. Сначала это делали при помощи немецких проституток обоего пола. А потом пустили в ход радиопроституток»¹. Полемизируя с представителями «третьей волны», Климов подчеркивает: «И для этих людей свобода обернулась крыльями холопа, который пытается взлететь на искусственных крыльях – и падает»². В книге «Дело 69», которая имеет подзаголовок «Анализ психологической войны. О псих-войне, дурдомах, 3-ей эмиграции и нечистых силах. Публицистика и сатанистика», он открыто называет представителей «третьей волны» порождением дьявола. Отрицательное отношение к «третьей волне» и диссидентскому движению в целом отличает и историка Николая Ульянова. Во многом, вышеуказанное объясняется разницей в отношении к Родине.

Данное исследование полемизирует с точкой зрения о том, что литература «второй волны» эмиграции близка по духу литературе «третьей волны», поскольку мы отмечаем детерминирующую разницу во взаимоотношениях с образом Родины писателей 1960 – 1980-х гг. по сравнению с представителями «второй волны». Если литература 1940 – 50-х гг. возникает в результате невозможности вернуться на Родину, то представители «третьей волны» покидают Родину из-за невозможности свободной художественной самореализации. Ностальгические мотивы,

¹ Климов Г. Песнь победителя. Ростов-на-Дону, 1995. С. 569.

² Там же. С. 565.

трепетное отношение к родной стране, тенденция к сохранению русской культуры в самые трудные времена, независимо от политических убеждений, были характерны даже для тех представителей «второй волны», кто добровольно стал эмигрантом. Между тем в произведениях «третьей волны» преобладает негативное отношение к Родине, выступающей лишь в качестве временного места жительства. В воспоминаниях героев произведений «третьей волны» речь идет о негативных политико-социальных моментах, в описании бытовых сцен присутствует ирония. Эмигрировав, представители «третьей волны» рвут в том числе культурные связи с Россией, сознательно отмежевываясь от родной страны.

Сравнительно-сопоставительный анализ идей и ценностей творчества представителей трех «волн» российского зарубежья, как уже говорилось выше, позволяет сделать выводы о близости по духу литературы «второй волны» эмиграции литературе младоэмигрантов «первой волны» («незамеченного поколения»). Несмотря на разногласия, существовавшие между «первой» и «второй» «волнами» эмиграции, их объединяло сохранение русской национальной культуры и православной веры, что и определило систему ценностей и поведенческих парадигм эмигрантов. Указанная особенность была нехарактерна для эмигрантов «третьей волны». Литература «второй» волны российской эмиграции является отражением жизненных противоречий, покаянием за нравственный компромисс, совершенный в силу социально-исторических реалий, политических убеждений. Отрыв от России и чувство вины перед ней явились решающим фактором формирования представителей данного этапа русской эмиграции как литераторов, именно поэтому мы отмечаем особую роль диалектики обстоятельств и нравственных ценностей в изучении данного периода.

Отличие мировосприятия в современном мире, характеризующимся процессами глобализации, охватывающими все сферы, включая культурную, приводит к необходимости диалога культур в мировом сообществе. Идея диалога культур была выдвинута М. Бахтиным, разработавшим эстетико-

герменевтический подход к явлениям культуры. Обосновывая необходимость диалога, М. Бахтин утверждал: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается... Два голоса – минимум жизни, минимум бытия»¹. При этом другая личность познается только через диалог: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, с ними можно только диалогически общаться»². С точки зрения Бахтина, как личности, так и культуры, ведут диалог, благодаря которому объекты социокультурного пространства не подавляют друг друга, а стараются взаимодействовать, уважая ценностные ориентиры друг друга. Взгляды Бахтина были близки Ю. Лотману, утверждавшему, что культура является «негенетической памятью» людей, поэтому нуждается в их постоянном взаимодействии, несмотря на расхождение взглядов объектов социокультурного процесса. Теория «культурного диалога» нашла свое отражение и в труде В. Библера «От наукоучения к логике культуры», в котором развиваются идеи Ю. Лотмана и М. Бахтина в отношении существования «внутренней переключки» от автора к автору, связи «корней и кроны», «до и после». Все эти теоретические предпосылки подтверждают необходимость взаимодействия идеологически разных творческих деятелей в рамках единого мира на основе толерантности, уважения к чужой культуре. Исходя из теории Ю. Лотмана о коммуникационной природе культуры, можно говорить о накопленном благодаря межкультурной коммуникации опыте. Диалогичность искусства позволяет взаимодействовать не только со своими современниками, но и с предками, извлекая уроки и черпая опыт прошлого.

Средством диалогичности может служить интертекстуальность – понятие, введённое в 1967 г. теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М, 1972. С. 45.

² Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности. URL: https://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/5.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

явно или неявно ссылаться друг на друга. Интертекстуальные связи могут осуществляться при помощи отсылок, аллюзий, скрытого, неполного или явного цитирования. Так, в произведениях Дмитрия Савицкого, представителя «третьей волны» эмиграции, имеются завуалированные отсылки к «Роману с кокаином» М. Агеева – писателя «первой волны» и «Двум строчкам времени» Л. Ржевского – автора «второй волны» эмиграции. «Целый день я ходил по улицам, нераздельно смыкаясь с – точно в пасхальные дни – праздной толпой, которая, словно услышав мой жертвенный отказ, дико ликуя, хлещет в ладони»¹, – начинает М. Агеев. «Вдоль Садового кольца ветер гнал сухие скорчившиеся листья. Лужи подмерзли. Вечерняя толпа тяжело неслась вдоль по улице, кружась серыми воронками, выплёвывая потерявших ритм одиночек»², – продолжает Д. Савицкий. «... дождь без роздыху и ветер, забивающий вам в лицо мокрые гвоздики и наезжающий на ваш шаг, как танк на толпу»³, – откликается Л. Ржевский. Интертекстуальные отсылки к различным культурным пластам, именам и событиям, имеющим особое значение в плане передачи авторского отношения и мировосприятия, служат связующим звеном в литературном процессе.

Основой диалога культур является аксиологический аспект – принятие духовных ценностей другой культуры, то есть признания их права на существование. При этом ценностные ориентиры рассматриваются как «третья реальность» наряду с социальной и природной. Основоположником аксиологического подхода считают Питирима Сорокина, который полагал, что культура – «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения... именно ценность является фундаментом... культуры»⁴. Именно теория «диалога

¹ Агеев М. Роман с кокаином. Петрозаводск, 1992. С. 294.

² Савицкий Д. Я зашел к Николаю Петровичу просто так, без всякой цели. URL: <https://www.litmir.club/br/?b=38231&p=4> (дата обращения: 04.07.2022).

³ Ржевский Л. Две строчки времени. Frankfurt am Main, 1976. С. 50.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 218.

культур» подтверждает неразрывную связь «второй волны» эмиграции с культурным наследием России. При этом нужно учитывать, что «менталитет русской культуры исторически закономерно складывался как сложный, дисгармоничный баланс противоречивых тенденций национально-исторического бытия русского народа, как то социокультурное равновесие, которое заявляло о себе в наиболее решающие моменты истории России и способствовало выживанию адаптивности русской культуры, ее более чем тысячелетней истории»¹.

Если сами издания представителей «второй волны» остаются раритетными, то тексты произведений в эпоху электронных носителей становятся всё более доступными. По утверждению М. Бабичевой, творческое наследие «второй волны» эмиграции постепенно вливается в русло единого отечественного литературного потока, что определяется множеством факторов: общностью тематики и проблематики, неразрывно связанных с основными событиями эпохи; отражением внешних и внутренних конфликтов, определяющих развитие сюжета; стилевым сходством. Но самым главным из них является неразрывная связь с классической русской литературой.

В произведениях представителей «второй волны» явно прослеживаются мотивы творчества Ф. Достоевского. Одним из них, как отмечал писатель «второй волны» эмиграции Л. Ржевский, является мотив жалости. Эпистемология данной дефиниции весьма многогранна. По М. Бахтину, «жалость относится к... животному началу в человеке...к свободному началу (там, где человек не совпадает с самим собою, со своим есть)...»², то есть выступает как бессознательная и самореферентная. В осмыслении Достоевского жалость неразрывно связана с душой и является практически единственным законом человеческого бытия. Л. Ржевский, который после

¹ Ган О. Культурология: учебник для студентов УрФУ технических и экономических специальностей. Екатеринбург, 2014. С. 414.

² Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского // Сочинения в 7-и кн. М., 1996–2012. Т. 5. С. 133.

войны преподавал в университете историю русского языка и русской литературы, отмечал, что основой творческой мысли Ф. Достоевского была именно религиозно-философская этика, в основе которой присутствовал мотив жалости. Это же касалось и тематики творчества: «Тема «не убий» как часть большой темы «о соблазненных» и тема «о положительно прекрасном человеке» оказываются самыми животрепещущими и близкими. Мотив жалости – обязательный спутник этих тем»¹. Эта особенность творчества Федора Михайловича имплицитна: она является неотъемлемой частью русской культуры как живого организма.

В романе «Преступление и наказание» автор подчеркивал, что отсутствие жалости по отношению человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, приводит к трагедии. Так, это является одной из причин, которая толкает чиновника Мармеладова на беспробудное пьянство: «... если б она пожалела меня!.. ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы его и пожалели!»² И в то же время именно жалость является, как отмечал Э. Фромм, неотъемлемым компонентом любви. Как объясняет князь Мышкин, герой романа «Идиот», свои чувства к Настасье Филипповне: это любовь жалостью. Эти экспонируемые автором эмоции жалости близки литературе «второй волны» эмиграции.

Герой романа Л. Ржевского «... Показавшему нам свет» Вятч, дискутируя с профессором, утверждает, что необходимо воспитывать в людях жертвенность и умение сострадать, то есть пожалеть «заблудшего», а для этого нужно обращаться к русской классике: «Пока люди читают Пушкина, Гете, Толстого – бояться...нет оснований»³. В повести того же автора «Двое на камне» герой-рассказчик испытывает «жгучую жалость» к девушке Вике, отец которой покончил жизнь самоубийством после ареста. И, несмотря на то, что они прошли «мимо чего-то важного», именно это чувство вновь и вновь

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского // Сочинения в 7-и кн. М., 1996–2012. Т. 5. С. 15.

² Достоевский Ф. Преступление и наказание. М., 1974. С. 181.

³ Ржевский Л. Показавшему нам свет. Frankfurt am Main, 1960. С. 130.

возникало впоследствии на фронте, в плену, в лагерях и помогало выживать в самых сложных ситуациях. Чувство жалости объединяет и героев романа В. Юрасова «Параллакс» Федора и Ингу. Русский офицер, сестру которого арестовали за то, что она работала во время немецкой оккупации, и немецкая девушка, похоронившая мать и оставшаяся одна «среди мертвых руин», «долго сидели, жалея друг друга и прислушиваясь друг к другу и к тому, что нарастало между ними, пока оно не захлебнулось и не бросило их друг к другу – заброшенных событиями, временем, судьбой, случайностями в... изорванный, изрытый войной город, в этот чудом уцелевший дом»¹.

По мнению Л. Ржевского как исследователя, мотив жалости в творчестве Ф. Достоевского является аргументом против пролития крови, но не всегда определяющим, поскольку для многих цель может оправдывать средства, затраченные для ее достижения. Не случайно, главный герой романа «Преступление и наказание» после встречи с семьей несчастного чиновника Мармеладова, чтения письма матери и сна о забитой кляче все-таки совершает убийство, хотя до последнего не верит в это: «– Боже!.. да неужели ж я в самом деле возьму топор...»² В романе «Между двух звезд» герой Ржевского Володя Заботин, олицетворяющий милосердие и сострадание, мучительно размышляет перед насильственной депортацией: «Неужели выдача? Тогда уже не водой, а кровью нашей подплывет Платтлинг... Запятнавшие себя невинной кровью не имеют права называться демократами!»³ Такая трактовка жалости как духовно-нравственной составляющей личности подчеркивает связь литературы «второй волны» российской эмиграции с русским культурным наследием в целом.

Наряду с мотивом жалости произведения Ф. Достоевского и писателей «второй волны» эмиграции сближает мотив страдания. Герой романа «Преступление и наказание» Порфирий Петрович говорит Родиону

¹ Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк, 1972. С. 78.

² Ржевский Л. Три темы по Достоевскому. Frankfurt am Main, 1972. С. 24.

³ Ржевский Л. Между двух звезд. Нью-Йорк, 1953. С. 386.

Раскольникову о том, что страдание – «великая вещь». Достоевский вкладывает в уста следователя столь близкие для него слова, ведь еще в набросках романа Федор Михайлович писал: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием»¹. И Раскольников, по мнению Порфирия Петровича, из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет улыбаться мучителям, если только Бога найдет. Найти новую веру взамен обанкротившейся теории «сильного человека» и призывает Раскольникова Порфирий Петрович, видя в Раскольникове нечто такое, что дает ему право быть «солнцем», но не сверхчеловеком. Для этого, по мнению следователя и самого автора, надо пройти через страдание, найти новую веру. Споря с Порфирием, Родион говорит: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и великого сердца. Истинно великие люди... должны ощущать на свете великую грусть»². Сам Раскольников в эпилоге романа приходит к Евангелию и воскресает к новой жизни, подобно Лазарю. Путем страдания, который приводит их к новой жизни, следуют героини романов Н. Нарокова «Мнимые величины» и «Могу!» Евлалия Григорьевна и Юлия Сергеевна, Заряжский и Мелица из романа Л. Ржевского «Между двух звезд», Федор Панин и Катя из «Параллакса» В. Юрасова. Если большинство писателей «второй волны» прибегало к реалистическому описанию страданий, выпавших на долю их героев, то Н. Троицкий обратился к этой теме, используя притчеобразную форму. В рассказе «Алоэ» Надежда Михайловна Костомарова после ареста мужа Николая Петровича всю душевную энергию направляет на то, чтобы спасти умирающий цветок: «... она как-то ясно видела, осознавала и верила, что судьба алоэ – это судьба Николая Петровича...»³ Возрождение цветка совпадает с возвращением «осунувшегося и сторбившегося» Николая Петровича.

¹ Достоевский Ф. Преступление и наказание. М., 1974. С. 259.

² Там же. С. 452.

³ Троицкий Н. Новеллы. Сан-Франциско, 1983. С. 219.

Возрождение к новой жизни через страдания и испытания связаны у Достоевского с Евангелием. Так, кульминацией романа «Преступление и наказание» становится сцена чтения Евангелия Раскольниковым и Соней, выстроенная в форме диалога. Вначале Соня сурова, недоверчива, она боится оказаться непонятой, раскрыть свою душу. Этому же опасается и Родион. Оба волнуются, задают мучающие их вопросы, на которые не могут найти ответа. Ф. Достоевский сознательно проводит параллель между евангельским сюжетом и состоянием своих героев: рассказывая о чуде, которое сотворил Иисус, он имеет в виду и Родиона. Сцена чтения Евангелия показывает читателю, что Раскольников раскается в своем грехе. Родион считает, что Соня может понять и принять его таким, каков он есть, именно потому, что сама «переступила». В романе Н. Нарокова «Мнимые величины» чекист Любкин, как и Раскольников у Сони, просит Евлалию Григорьевну прочитать ему Евангелие, после чего признается: «Меня на... хорошее потянуло! И не для вас на хорошее, а вроде как бы для меня»¹. Безответная и кроткая Евлалия, которую Любкин называет «голубенькой», желая подчеркнуть ее чистоту, меняет жизнь Любкина и заставляет поверить этого циничного человека, что он может совершать и добрые поступки. Как и Соня, Евлалия невольно становится наставником циничного и жестокого человека, убийцы: «– И вы от себя не уходите! – и просила и уверяла Евлалия Григорьевна... – Не уходите! Вот куда оно вас ведет, то, что в вас сейчас, вы туда и идите: не бойтесь его!»² Параллелизм этих сцен подчеркивают слова Ф. Достоевского: «Сонечка... вечная Сонечка, пока мир стоит!»³ Наричательный образ Сонечки Мармеладовой в романе В. Юрасова «Параллакс» олицетворяет Россию: «Напоминаю вам великого пророка нашего Федора Достоевского... он грех этот в Раскольникове показал... Соня – Россия – поняла, что грех Раскольникова и ее грех, и потому пошла за ним на каторгу»⁴. Сила физически

¹ Нароков Н. Мнимые величины. Москва, 2000. С. 361.

² Там же. С. 363.

³ Достоевский Ф. Преступление и наказание. М., 1974. С. 456.

⁴ Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк, 1972. С. 452.

слабых, но духовно мощных героев и героинь Н. Нарокова, В. Юрасова, Л. Ржевского заключается в вере: «Для меня Бог – жизнь, не смерть...»¹, что является осознанным продолжением традиций Ф. М. Достоевского со стороны представителей российской эмиграции.

Наряду с Достоевским огромное влияние на литературу «второй волны» эмиграции оказал Л. Толстой. Во всех произведениях этого периода эмиграции, посвященных теме войны, а именно эта тема является судьбоносной в литературе данного периода, прослеживаются толстовские традиции. Война для Толстого – явление неестественное, поэтому описание становится в его творчестве осуждением. Уже в рассказе «Набег» звучит мысль о том, что страшные законы «внешнего мира», по которым люди убивают друг друга, разрушают гармонию внутреннего мира человека и природы. Слова Толстого перекликаются с автобиографической повестью М. Корякова «Освобождение души», повестью Л. Ржевского «Между двух звезд», «Повестью кривых лет» Т. Фесенко. В новелле Н. Троицкого «Слово» рассказывается о солдате, который в военное время отказался применить оружие: «Я не могу стрелять в них: они же люди»². Единственным действенным оружием солдат считает слово и надеется, что сможет убедить в своей правоте генерала. Однако новелла заканчивается трагически: «... генерал сделал условный знак... раздался сухой, одиночный, негромкий выстрел. И тут же, как по команде, вновь начался неприятельский артиллерийский обстрел»³.

Обличительная направленность «Севастопольских рассказов» утверждала один из важнейших принципов Толстого – принцип правдивого изображения действительности: «Герой, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте и который всегда был,

¹ Ржевский Л. Показавшему нам свет. Frankfurt am Main, 1960. С.67.

² Троицкий Н. Новеллы. Сан-Франциско, 1983. С. 187.

³ Там же. С.188.

есть и будет прекрасен, – правда»¹. Следуя этому принципу, Лев Николаевич показывает в своих произведениях геройство и трусость, размышляет о добре и зле и утверждает, что мир человеческий, мир природы сталкивается во время войны со страшным бедствием, чуждым миру и жизни. Исходя из принципа правдивости, Лев Николаевич показал войну «не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами... а в настоящем ее выражении – в крови, в страдании, смерти...»², и «Севастопольские рассказы» – это не только великое художественное произведение, но и правдивый исторический документ. Толстой раздумывает о том, что такое истинная храбрость, и приходит к выводу, что это она является в том числе мерилom нравственной ценности человека. Взгляды Л. Толстого находят свое отражение в «Новелле о танке» (1948) Г. Андреева, рассказывающего о первых днях Великой Отечественной войны, ужасе и отчаянии, о человечности, которая помогает преодолеть беспомощность.

Повествуя о военных событиях, Толстой органично объединяет события разного масштаба: частное и общее, незначительное и великое становятся предметом изображения. Это отличает и «Повесть кривых лет» Т. Фесенко, в которой нашли отражение путевые очерки, хроника событий, непосредственно связанных с автором и ее семьей (немецкая оккупация, расстрел в Бабьем Яре, насильственный набор в Германию, жизнь в лагерях Ди-Пи, эмиграция), лингвистические исследования, стихи. Рассказ о пережитом героиней и ее семьей становится обобщающим рассказом о жизни в годы войны и причинах эмиграции. Особый интерес Толстого к внутреннему миру человека, тайным движениям человеческой души («диалектика души») является одной из отличительных особенностей военной прозы Толстого. Умение показать становление характера человека во время войны отличает и

¹ Толстой Л. Севастопольские рассказы. Севастополь в мае. 1855 // [электронная библиотека] – URL: <https://ilibrary.ru/text/1161/p.17/index.html> (дата обращения: 13.10.2022).

² Там же.

произведения Л. Ржевского, С. Максимова, Б. Филиппова. А раскрытию психологии персонажей способствуют приемы внутреннего монолога, ретроспекции, портретная характеристика (Володя Заботин и Заряжский из повести «Между двух звезд» Л. Ржевского, Климов из «Песни победителя» Г. Климова). В произведениях, посвященных войне, Л. Толстой задается вопросом, возможно ли в это жестокое время сохранить милосердие. В литературе советского периода ответ на него сформулировал писатель, основоположник бардовской песни Михаил Анчаров: «Война – гибельная штука. Не бывает хороших войн... Но мы все старались, чтобы в этой лютой не было потеряно то самое, из-за чего весь сыр-бор, – не была потеряна человечность»¹. Эта позиция близка герою В. Юрасова Федору Панину из романа «Параллакс», берущему на себя ответственность за немецкую девушку Ингу, и герою повести М. Корякова «Освобождение души», пытающемуся спасти немку Элен. Следование традициям Л. Толстого в изображении войны подчеркивает тесную связь литературы «второй волны» эмиграции с культурным наследием России.

Кроме военного дискурса, литературу «второй волны» сближают с советской литературой многочисленные дискуссионные темы, такие, как тема коллективизации, к которой обращаются Р. Березов (цикл очерков «Год уничтожения», рассказы «Первая жертва», «Крестьянское счастье»), С. Максимов (диалогия «Денис Бушуев»); тема репрессий в тоталитарном государстве (Г. Андреев «Трудные дороги», Ф. Кубанский «На память», С. Максимов «Семья Широковых», сборник «Тайга»; Н. Нароков «Мнимые величины», В. Самарин – сборник рассказов «Песчаная отмель», М. Соловьев «Когда боги молчат», Т. Фесенко «Повесть кривых лет»). Размышления о судьбе молодого поколения в неоднозначные предвоенный и послевоенный исторические периоды сопоставимы в литературе «второй волны» (диалогия В. Алексеева) и в советской прозе (Ю. Трифонов «Дом на набережной»,

¹ Анчаров М. Великая демократизация искусства // Московский центр авторской песни. URL: https://www.ksp-msk.ru/page_222.html (дата обращения: 02.05.2022).

А. Рыбаков «Дети Арбата»). Проблема нравственного выбора интеллигента, «лишнего человека» близка произведениям и эмигранта Л. Ржевского, и советского писателя Ю. Трифонова. «Звездопад. Московские повести» Л. Ржевского и «Городские повести» Ю. Трифонова сближает и «московская» тема, поскольку у обоих писателей город становится не просто фоном для происходящих событий, но и действующим лицом, определяющим морально-нравственные качества героев. Тема судьбы российского казачества может быть исследована при сопоставлении произведений Ф. Кубанского (эпопея «На привольных степях Кубинских», 1955 г.; «Орлы земли родной», 1960 г.; «Степи привольные – кровью залитые», 1962 г.) и романов М. Шолохова. Тема крестьянства, которой посвящены произведения советских писателей-«деревенщиков» Ф. Абрамова («Братья и сестры», «Деревянные кони»), В. Белова («Привычное дело», «Кануны»), В. Распутина («Прощание с Матерой»), Б. Можяева («Живой», «Мужики и бабы»), занимает значительное место в романах эмигрантов С. Максимова и Р. Березова. Общность тем и их переосмысление в парадигме диалога является доказательством того, что литература «второй волны» является частью культурного наследия России.

О связи «второй волны» эмиграции с культурной жизнью России свидетельствует и процесс реэмиграции. 17 сентября 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Одним из тех, кто вернулся на Родину, был Юрий Слепухин. Фонд Юрия Слепухина, созданный после его смерти, регулярно проводит Международные научные конференции, получившие название «Слепухинские чтения», которые проходят при поддержке Правительства Ленинградской области с 2014 года. Итогом этих конференций стали сборники «Эмигранты и репатрианты 20 века» (2015 г.), «Зарубежная Россия. 20 век» (2018 г.), «Русское Зарубежье. Мировые войны. 20 век» (2020 г.), «Великая Отечественная. 20 век. Люди и судьбы» (2022 г.). Темы, заявленные на «Слепухинских чтениях», свидетельствуют о неразрывной связи

представителей «второй волны» эмиграции с Родиной: «Идея Великой, Единой и Неделимой России в среде русской эмиграции», «Поиски путей для восстановления державы, как основа общественно-философского существования русской эмиграции», «Соприкосновение Русского Зарубежья и советских граждан в годы Второй мировой войны в Соппротивлении, коллаборации с немцами», «Реэмиграция, ее причины, условия приема на Родине по воспоминаниям реэмигрантов и на страницах романов Ю.Г. Слепухина».

«Слепухинские чтения» внесли огромный вклад в исследование культурного наследия «второй волны» эмиграции. Однако остаются и перспективы для дальнейшего исследования. Очевидно, что серьезного изучения требует литературно-критическое наследие «второй волны». Так, интерес представляют научные труды Л. Ржевского «Творец и подвиг», очерки по творчеству Александра Солженицына, «Три темы по Достоевскому» – исследование, на которое было обращено внимание в данной диссертации. Представляется перспективным анализ работы Л. Ржевского «Язык и стиль романа Б. Пастернака “Доктор Живаго”» (1962 г.), поскольку вышеуказанный труд способствует не только исследованию структурно-стилистических особенностей литературного наследия автора, но и рассмотрению его творчества с точки зрения наличия интертекстуальных связей с наследием русских писателей XX века. Более подробного анализа заслуживает и литературно-критическая, публицистическая деятельность Г. Андреева, сотрудничавшего с такими эмигрантскими изданиями, как «Новый журнал», альманах «Мосты», еженедельник «Посев», газета «Новое русское слово». Научный интерес представляют литературно-критические статьи В. Юрасова «Просветы. Заметки о советской литературе 1956–57 гг.», посвященные изучению литературы данного периода как культурного феномена в целом и анализу отдельных произведений, например, романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» и поэмы С. Кирсанова «Семь дней недели». В настоящем диссертационном исследовании мы обращаемся к

очерку Юрия Большухина «Обретшие слово», в котором дана характеристика литературному наследию «второй волны» эмиграции, однако литературно-критическая деятельность данного автора требует более подробного изучения.

Исходя из обоснованности рассмотрения литературного наследия «второй волны» российской эмиграции в качестве неотъемлемой части российского культурного наследия, представляется актуальным определить тематические и духовно-нравственные параллели в произведениях советских авторов и представителей «второй волны» эмиграции. В данном исследовании был дан сравнительно-сопоставительный анализ литературы эмигрантов «второй волны» и советской военной прозы. Однако в перспективе остается исследование особенностей отображения неоднозначной с культурно-исторической точки зрения темы советских репрессий в литературном творчестве эмигрантов (очерки Г. Андреева «Трудные дороги» и повесть «Соловецкие острова», повесть Б. Ширяева «Неугасимая лампада», роман С. Максимова «Денис Бушуев» и пьеса «Семья Широковых», романы Ф. Кубанского «Черный ураган», Н. Нарокова «Мнимые величины», В. Юрасова «Параллакс»; новеллы Н. Троицкого, рассказы В. Самарина, диалогия В. Алексеева «Невидимая Россия» и «Россия солдатская») при сравнительно-сопоставительном анализе с произведениями советских классиков А. Солженицына, В. Шаламова.

В исторических исследованиях, посвященных периоду Великой Отечественной войны и феномену Российской освободительной армии, будет актуальным обращение к малоизвестным документальным материалам, мемуаристике представителей «второй волны» эмиграции. В данном контексте интерес представляют воспоминания бойца РОА Василия Панарина «Из плена в армию Власова», «Маленькие сказки» остарбайтера В. Сибирева-Судлецкого, окончившего Свято-Троицкую духовную семинарию и ставшего православным священником в городе Ири (США, штат Пенсильвания), «Материалы к истории освободительного движения народов России» (1941–

1945 гг.) В. Артемьева, записки военного священника Протоирея Александра Киселева «Облик генерала Власова».

Остается малоисследованной и поэзия «второй волны» эмиграции. Лишь в антологии В. Агеносова «Восставшие из небытия» представлены краткие биографические сведения и выборочные стихотворения В. Анта, В. Бабенко, Н. Бернера, Э. Бобровой, С. Бонгарта, И. Буркина, И. Бушман, С. Голлербаха, Е. Димер, О. Ильинского, А. Касима, Н. Кудашева, В. Кушнир, В. Маркова, Р. Тер-Погосиана, Ю. Трубецкого, В. Шаталова, А. Шишковой. Между тем нет отдельных исследований, посвященных литературному наследию данных малоизвестных поэтов. Отдельными сборниками вышли лишь произведения Г. Глинки «Погаснет жизнь, но я останусь» (Томск, 2005 г.), И. Елагина (Москва, 1998 г., собрание сочинений в 2-х томах), Д. Кленовского (Москва, 2011 г.), Н. Моршена «Пуще неволи» (Москва, 2000 г.) и Б. Нарциссова «Письмо самому себе (Москва, 2009 г.) В данном диссертационном исследовании мы обращались к литературно-художественному творчеству указанных авторов, однако, в целом, поэзия «второй волны» как культурно-исторический феномен не структурирована и не издана в полном объеме.

В нашем исследовании мы указали, что религиозные взгляды повлияли на формирование литературного наследия эмигрантов В. Алексеева; Ф. Кубанского, Р. Березова, Б. Филиппова, Н. Троицкого, подчеркнув, что вера во многом определила систему ценностей в культуре российской эмиграции «второй волны», привнося в произведения указанных авторов жизнеутверждающее начало. Однако аспект поиска Бога, влияния веры и религии на жизнь как самих авторов «второй волны» эмиграции, так и их героев, заслуживает нового самостоятельного научного исследования.

Отмечая перспективность дальнейшего исследования культурного наследия «второй волны» эмиграции, мы солидарны с В. Синкевич, которая, отметила, что представители «второй волны» эмиграции «в полном отрыве от Родины смогли сохранить великое русское слово, «оберегали самое дорогое:

русскую культуру, без которой они не могли бы остаться русскими»¹. Таким образом, литература «второй волны» эмиграции играет важную роль в культуре русского зарубежья и является неотъемлемой частью культурного наследия России, поскольку, несмотря на факт эмиграции, своим творчеством писатели «второй волны» популяризируют и актуализируют образ России в общемировом культурном пространстве, способствуя включению отечественной литературной традиции в европейский контекст.

¹ Вторая волна русской эмиграции // Новый Журнал. Филадельфия, 2012. №267. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 30.08.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век представляет собой важную веху в Отечественной истории и культуре благодаря знаковым историческим событиям, таким, как Октябрьская революция 1917 г. и Великая Отечественная (Вторая мировая) война. Вышеуказанные события оказали существенное влияние на развитие не только политической и экономической жизни России, но и на культурную составляющую, спровоцировали формирование «волн» эмиграции.

В нашем исследовании мы обратились к культурному (литературному) наследию российской эмиграции «второй волны» как неоднозначному феномену, его причинам, предпосылкам, особенностям, тенденциям, определили его значение наряду с другими «волнами» эмиграции XX века. Обращение к данному пласту художественно-творческой деятельности писателей русского зарубежья 1940–50-х гг. в данном исследовании стало первым опытом комплексного изучения их творческого наследия, что позволило восполнить пробелы в установлении историко-культурного значения этого явления в жизни нашей страны. Под комплексным изучением мы понимаем объединение сведений биографического характера и сведений о роли лагерей Ди-Пи как центров духовного единства, изучение генезиса и культурно-исторической динамики литературного сегмента «второй волны» российской эмиграции как производной единства жизненных обстоятельств и нравственных ценностей ее представителей, выработку классификации социального многообразия представителей данного периода эмиграции, изучение жизни и творчества представителей через понятие «автобиографического хронотопа», сравнительно-сопоставительный анализ идей и ценностей произведений российской эмиграции «второй волны» и советской военной прозы, а также сопоставление с другими «волнами» эмиграции с целью выявления особенностей данного периода эмиграции.

В процессе исследования была достигнута поставленная цель – изучить культуру «второй волны» российской эмиграции как возникшее под воздействием общих исторических реалий прецедентное единство личностных обстоятельств и нравственных ценностей субъектов русской культуры за рубежом, нашедшее выражение в литературно-художественном творчестве, публицистике и мемуарах 40–50-х гг. XX столетия.

В рамках исследования в первой главе «Ценности российской эмиграции «второй волны» в обстоятельствах времени» были рассмотрены исторические и социальные процессы, происходившие в России и мире в середине XX века, которые повлияли на культурную жизнь «второй волны» эмиграции; установлено влияние социально-исторических обстоятельств на формирование нравственных ценностей поколения эмигрантов «второй волны»; систематизированы и обобщены сведения о социально-культурном феномене лагерей Ди-Пи.

В первом параграфе – «Вторая волна» российской эмиграции: генезис и культурно-историческая динамика» генезис и культурно-историческая динамика литературного сегмента «второй волны» российской эмиграции изучены как производная единства жизненных обстоятельств и нравственных ценностей ее представителей.

«Вторая волна» эмиграции, которой предшествовала внутренняя эмиграция, исторически неразрывно связана с «первой волной» и определена историей советского общества 1920–40-х годов. Факторами, обусловившими осознанную эмиграцию данного периода, стали события 1917 года и «первая волна» эмиграции, процесс «внутренней эмиграции» (термин К. Чуковского как авторефлексивный дискурс), одобрение действий Русской освободительной армии. Историческими и социальными обстоятельствами, способствовавшими возникновению вынужденной эмиграции, стали процесс коллективизации, антирелигиозная кампания, Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» от 16 августа

1941 года, развернувшаяся в СССР борьба с космополитизмом, насильственная репатриация, проводимая на основании Ялтинских соглашений. Отражением влияния вышеперечисленных обстоятельств является социальное расслоение писателей «второй волны», выявленное в процессе исследования.

Социально-исторические обстоятельства оказали влияние на формирование нравственных ценностей поколения эмигрантов «второй волны». По выражению Л. Ржевского (Суражевского), эти люди оказались «между двух звезд», то есть попали из диктатуры коммунистической в диктатуру нацистскую. Основной нравственной проблемой стали взаимоотношения с Родиной и поведение человека в критической ситуации (в военное время). Культурная жизнь «второй волны» эмиграции явилась результатом влияния реального и ностальгического образа Родины на творческое сознание людей, оказавшихся в эмиграции. Не имея возможности вернуться в Россию, эмигранты стали воплощать свои душевные переживания в виде литературного творчества. В вопросе сохранения эмигрантами русской культуры за рубежом отмечается особая роль лагерей для перемещенных лиц (Ди-Пи), которые явились не только местами выживания, но и основными центрами сохранения русской культуры за рубежом и духовного единства для представителей «второй волны» эмиграции, объединившими образовательные, культурно-просветительные, религиозные и издательские организации.

В данном параграфе в рамках изучения культурно-исторической динамики приведен сравнительно-сопоставительный анализ идей и ценностей творчества представителей трех «волн» русского зарубежья, который позволяет сделать выводы о близости по духу литературного наследия «второй волны» эмиграции литературе младоэмигрантов «первой волны» («незамеченного поколения»), а также о схожих жизненных обстоятельствах их представителей. Более того, творчество ряда «младоэмигрантов» (И. Чиннова, Ю. Иваска, Б. Нарциссова, Л. Алексеевой), которое с

хронологической точки зрения относится к «первой волне», эстетически близко ко «второй волне», а во время Второй мировой войны они оказались в лагерях для перемещенных лиц, что позволяет ряду исследователей называть их «ставшая второй первая волна» и относить ко «второй волне». В результате этого, как мы полагаем, актуален вопрос о пересмотре действующего хронологического принципа деления «волн» русской эмиграции XX века. В данном вопросе мы солидарны с точкой зрения В. Агеносова, который отмечал, что хронологический подход к принадлежности того или иного автора к первой или второй эмиграции имеет существенные недостатки и препятствует выявлению типологических особенностей литературы зарубежья.

В то же время отмечаются идейные и политические разногласия между представителями «первой» и «второй» «волн» эмиграции, обусловленные прежде всего тем, что представители «второй волны» в большинстве своем выступили оппозицией тоталитаризму, тогда как писатели «первой волны», не исключая «младоземigrantsов», с воодушевлением восприняли победу над гитлеровцами. Кроме того, «незамеченное поколение», покинувшее СССР детьми, не могло отразить в своих произведениях советскую действительность, которой не знало, тогда как в литературе «второй волны» эмиграции эта тема обретает полифоничность и значимость. Несмотря на вышеуказанные различия между «младоземigrantsами» «первой волны» и представителями «второй», их объединяла миссия сохранения русской национальной культуры и православной веры, что определяло систему ценностей и поведенческих парадигм эмигрантов. Эти особенности первых двух эмиграций были не типичны для эмигрантов «третьей волны».

Данное исследование полемизирует с бытующей точкой зрения о том, что литература «второй волны» эмиграции близка по духу литературе «третьей волны», поскольку мы отмечаем кардинальную разницу во взаимоотношениях с образом Родины писателей 1960–80-х гг. по сравнению с представителями «второй волны». С произведениями «третьей волны»

эмиграции наследие «второй волны» роднит философия эскапизма, однако тотальное неприятие Родины и сознательный разрыв с ней, обусловленный мотивами творческими, характерные для представителей «третьей волны», существенно отличают ее от «второй».

Второй параграф – «Мировоззрение и повседневность как экзистенциальные факторы российской эмиграции «второй волны» – посвящен индивидуально-биографическому аспекту проблемы. В нем выявлены сходства и различия жизненных обстоятельствах конкретных представителей культурного наследия «второй волны», повлиявшие на их мировоззренческие и нравственные ценности.

Отмечая социальное многообразие представителей «второй волны» эмиграции, мы предложили классификацию, исходя из общности происхождения и конкретных реалий жизни будущих эмигрантов: интеллигенты, не принявшие жестокости тоталитаризма; бывшие дворяне, вынужденные приспособливаться к советской действительности; крестьяне, разочарованные в коллективизации; репрессированные, столкнувшиеся с реалиями ГУЛАГа; граждане прибалтийских республик; угнанные в Германию как остарбайтеры.

Мировоззрение и повседневность российской эмиграции «второй волны» изучены со стороны отражения в них бинарной оппозиции с реальным и ностальгическим образом Родины, заключающейся в противопоставлении тоталитаризма политической системы родной страны и ее восприятия как «малой Родины», связанного с личными воспоминаниями. Амбивалентность образа Родины в жизни и творчестве эмигрантов «второй волны», нашедшая свое отражение в виде образов-символов, образов-топосов, вызвана влиянием сходных жизненных обстоятельств и определена философским разделением понятий «Родина» и «Отечество». В роли антитезы понятию «Родина» выступает образ Чужбины, ассоциирующийся со свободой, однако выступающий в роли фактора маргинализации жизни субъекта русской культуры за рубежом.

В рамках данного исследования были выявлены типологические особенности литературного сегмента «второй волны» эмиграции, определенные дуальным образом Родины как лейтмотивом творчества и позволяющие объединить изученное нами творчество писателей в единую «волну». Прежде всего речь идет о том, что литературный пласт «второй волны» эмиграции был сформирован непрофессиональными писателями, которые в силу разных жизненных обстоятельств оказались в эмиграции во время Второй мировой войны; произведения создавались под псевдонимами, писатели меняли не только страну проживания, разорвав связь с Россией, но и имя («березовская болезнь»), сохраняя инкогнито под влиянием экзистенциальной категории страха перед насильственной репатриацией и советскими лагерями. Произведения писателей «второй волны» раскрывают драму маргинальности, показывая людей, оказавшихся в гордиевом узле испытаний и ставших для всех изгоями, отщепенцами в силу своего нравственного выбора; в основе произведений лежат определенные исторические события (революция, Гражданская война, политические репрессии, плен), позволяющие выявить и осмыслить факторы, обусловившие эмиграцию; основными темами произведений становятся события Великой отечественной (Второй мировой) войны и политические репрессии («между двух звезд»). В произведениях «второй волны» эмиграции выявляется тенденция оправдания действий Российской освободительной армии (РОА) как субъекта, находящегося в оппозиции политическим репрессиям и утверждающего ценность свободы. Важным мотивом произведений становится осмысление положения эмигрантов в лагерях Ди-Пи как центрах духовного единства; в произведениях сюжетным центром становится судьба главного героя, прототипом которого является автор. Прозу «второй волны» объединяет бинарная оппозиция с реальным и ностальгическим образом Родины: любовь к России (месту рождения, красоте природы, близким людям) и абсолютное неприятие России как тоталитарного государства, при этом не только изображение Родины, но и Чужбины отличается дуальностью и

диалектичностью, в связи с тем, что она становится спасением и способом творческой реализации, однако связана с экзистенциальной категорией страха из-за возможности насильственной репатриации. Обращение к теме Родины является своеобразной попыткой самооправдания эмиграции, присутствует тенденция к покаянности прозы, полифункциональность произведений позволяет рассматривать их как послание и предупреждение потомкам.

Вторая глава «Ценности российской эмиграции «второй волны» в автобиографической составляющей литературного наследия» носит характер фактологически-текстуального исследования и базируется на первоисточниках. В параграфе «Автобиографический хронотоп как способ выражения диалектики обстоятельств и ценностей» изучение жизни и творчества представителей русской эмиграции «второй волны» осуществляется через понятие «автобиографического хронотопа» как личностной включенности автора в художественное пространство и время своих произведений.

Проанализировав категории пространства и времени в творчестве писателей «второй волны» эмиграции, мы пришли к выводам о подчеркнутой автобиографичности произведений. Прототипом героя является сам автор – человек, который в силу разных причин оказался на Чужбине, но не может и не хочет забыть Россию. Среди тем произведений превалирует осмысление событий Великой Отечественной войны, политических репрессий и положения авторов в лагерях Ди-Пи. Категории пространства и времени в литературе данного периода выступают как единое целое, способствуя раскрытию «диалектики души» писателей и их героев.

Пространство изображается как конкретное и условное: географические границы охватывают все направления, связанные с эмиграцией из России в XX веке, однако страны выступают фоном для тех или иных событий и объединяются топосом «Чужбина» – вынужденное место проживания, сопоставленное с Родиной (Россией). Зачастую авторы прибегают к приему типизации, не упоминая конкретного названия населенного пункта. Особое

место в произведениях этого периода уделяется географическим названиям, связанным с описанием лагерей как в СССР (Асбестлаг, Свердловск, Тавда), так и в Германии (Платтлинг). Наряду с реальным пространством, которое разрывается на части, связанные с прошлым (Россия) и настоящим (то, где герои находятся в событийное время), существует абстрактное пространство: «везде и нигде», «мир смутных очертаний, где нет ни ясных норм, ни творческих дерзаний», «где-нибудь в Германии», «уйдя в бездонный ужас пустоты». Обобщенно-абстрактные и метафорические образы пространства объединяют настоящее и прошлое в жизни человека и подчеркивают «вечный» внутренний конфликт между чувством и разумом, трудность нравственного выбора. Хронотоп дороги способствует созданию образов Родины и Чужбины: это мотив движения, который можно трактовать как бегство от самого себя или, наоборот, обретение своего места в новых реалиях. Выявлено, что в творчестве представителей «второй волны» пространство часто связано с названиями географических объектов в значении «малой Родины», что позволяет сделать выводы о симбиотической духовной связи представителей «второй волны» русской эмиграции с Россией.

Мысли и чувства авторов и их героев помогает передать и категория времени, континуальность которого расчленяется на прошлое, настоящее и будущее, создавая две категории времени: реальное и художественное. Реальное состоит из настоящего (годы Великой Отечественной войны или послевоенные годы) и прошлого (довоенное время). Художественное время делится на конкретное («Следственная тюрьма для политических заключенных. Пять часов вечера», «Шел 1937 год», «В марте 1938 года в квартиру Костомаровых властно постучали») и абстрактное. Время расширяется, двигаясь от конкретного к абстрактному, от точного к расплывчатому, что создает ощущение движения к вечности. От сиюминутного, житейского (точного времени) повествование развивается и идет вдаль, к вечному и непреходящему, эсхатологическому времени. Обращаясь к классификации хронотопов, данной М. Бахтиным, можно

выделить идиллический (время, проведенное в родительском доме), авантюрный (испытания в чужом мире), карнавальнЫй (место временного переосмысления ценностей), которые помогают создать обобщенную картину эпохи.

Таким образом, исходя из анализа первоисточников и мемуаров, можно отметить ряд текстологических особенностей, связанных с категориями пространства и времени, позволяющих констатировать ярко выраженную духовную и культурную связь эмигрантов с Родиной.

Во втором параграфе «Идейно-ценностная парадигма в литературном наследии «второй волны» эмиграции и советской военной прозы» сравнительно-сопоставительный анализ идей и ценностей произведений российской эмиграции «второй волны» и советской военной прозы позволяет выявить как общий идейно-ценностный сегмент, так и специфику эмигрантского литературного наследия, проявляющуюся в акцентуации собственного «я» и дуального образа Родины.

Проза «второй волны» эмиграции идейно-тематически близка произведениям «официальной» советской литературы о войне («лейтенантской прозе») того же исторического периода, что позволяет нам сделать выводы о единстве духовно-нравственных тем, волновавших российских писателей в середине XX века, независимо от места их проживания.

Эвристичность подхода к осмыслению категории героического сближает произведения представителей «второй волны» эмиграции с творчеством советских писателей, оставшихся на Родине. Всех авторов отличает стремление развивать культуру эмпатии у своих читателей, способность показать «окопную правду», способствующую раскрытию внутреннего мира героев. Однако философское осмысление антропологического аспекта героического в «лейтенантской прозе» представляется более жизнеутверждающе глубоким, чем в произведениях «второй волны», поскольку последние акцентируются на объяснении

поступков своих героев, прототипами которых служат сами авторы. Герои советской военной прозы совершают сложный духовно-нравственный выбор, военный дискурс при этом раскрывается при помощи бинарных оппозиций «жизнь-смерть», «жестокость-милосердие». Литература «второй волны» эмиграции более субъективна, сосредоточена на внутреннем мире человека, оказавшегося в военное время в точке кризиса, а также на противопоставлении человека жестокости окружающего мира, воплощенной не только в милитаристском контексте, но и в тоталитаризме власти. Следует отметить, что философское осмысление «героического» в произведениях писателей «второй волны» основным образом направлено на оправдание поступков методом их противопоставления тоталитарной системе: истинный героизм они видят в готовности идти против системы. Таким образом, в «лейтенантской прозе» преобладает философское осмысление проблемы духовно-нравственного выбора, тогда как произведения писателей «второй волны» эмиграции в большинстве своем направлены на реализацию культуры эмпатии по отношению к поведенческим проявлениям своих героев.

Идейно-тематическая близость произведений «официальной» советской литературы о войне («лейтенантской прозы») и произведений писателей-эмигрантов «второй волны», приведенные в данном исследовании параллели между произведениями В. Юрасова и А. Твардовского, Л. Ржевского, М. Корякова и К. Воробьева, Б. Ширяева и В. Быкова, С. Максимова, В. Самарина и Ю. Бондарева позволяют нам сделать выводы о единстве духовно-нравственных проблем, волновавших российских писателей в середине XX века, независимо от места их проживания, что в свою очередь указывает на неотъемлемую принадлежность творчества писателей-эмигрантов культурному наследию России и необходимости исследования их литературных работ как установление социокультурных и нравственных связей с Родиной, которую по основанию драматичных коллизий им пришлось покинуть.

Третий параграф «Тенденции развития литературы «второй волны» как духовно-культурной составляющей наследия России» посвящен выводам о том, что литературное наследие российской эмиграции «второй волны» представляет собой культурный феномен отражения жизненных противоречий, покаяния за нравственный компромисс, совершенный в силу социально-исторических реалий, политических убеждений, личностных жизненных обстоятельств. Люди, которые в силу разных причин оказались в эмиграции, поддерживали культурную связь с ней. Отрыв от России и чувство вины перед ней явились решающими факторами формирования представителей данного этапа русской эмиграции как литераторов. Изучаемые нами авторы прошли сложный жизненный путь, в том числе в поисках себя, по пути духовной эволюции. При этом в их судьбах этика личности зачастую находилась в конфликте с этикой общества. По словам Л. Ржевского, грех экзистенциальной, социально-бытовой трусости они несли всю жизнь. Именно поэтому литературу «второй волны» эмиграции можно назвать литературой покаяния, отмечая особую роль диалектики обстоятельств и нравственных ценностей в изучении данного периода.

Отличие мировосприятия в современном мире, характеризующимся процессами глобализации, охватывающими все сферы, включая культурную, приводит к необходимости диалога культур в мировом сообществе. Идея диалога культур была выдвинута М. Бахтиным, разработавшим эстетико-герменевтический подход к явлениям культуры. Взгляды Бахтина были близки Ю. Лотману, утверждавшему, что культура является «негенетической памятью» людей, поэтому нуждается в их постоянном взаимодействии, несмотря на расхождение взглядов объектов социокультурного процесса. Все эти теоретические предпосылки подтверждают необходимость взаимодействия идеологически разных творческих деятелей в рамках единого мира на основе толерантности, уважения к чужой культуре, открытости внешним влияниям. Средством диалогичности может служить интертекстуальность. Основой диалога культур является аксиологический

аспект – принятие духовных ценностей другой культуры, то есть признания их права на существование. Диалогичность искусства позволяет взаимодействовать не только со своими современниками, но и с предками, извлекая уроки и черпая опыт прошлого. Именно теория «диалога культур» подтверждает неразрывную связь «второй волны» эмиграции с культурным наследием России. При этом необходимо учитывать, что менталитет русской культуры исторически складывался как дисгармоничный баланс противоречивых тенденций, который в решающие исторические моменты нашей страны способствовал адаптивности отечественной культуры.

Если сами издания представителей «второй волны» остаются раритетными, то тексты произведений в эпоху электронных носителей становятся всё более доступными. По утверждению М. Бабичевой, творческое наследие «второй волны» эмиграции гармонично соединяется с отечественной литературной традицией. Это определяется множеством таких факторов, как общность тематики и проблематики, неразрывно связанных с основными событиями эпохи; отражение внешних и внутренних конфликтов, определяющих развитие сюжета; стилевое сходство. Особое внимание мы уделяем неразрывной связи литературного наследия «второй волны» эмиграции с традициями классической русской литературы. Данная фундаментальная связь носит не сугубо литературный, но культурно-нравственный характер. Так, в большинстве произведений «второй волны» эмиграции прослеживаются традиции Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого в изображении общечеловеческих нравственных категорий: жалости как любви, сострадания, милосердия, доброты. Наблюдается культурная, тематическая и нравственная связь литературы эмиграции и советской литературы. Общность тем и их переосмысление в парадигме диалога является доказательством того, что литература «второй волны» является неотъемлемой, органичной, знаковой и значимой частью культурного наследия России.

О связи «второй волны» эмиграции с культурной жизнью России свидетельствует и процесс реэмиграции, ярким примером чего может служить

деятельность фонда Юрия Слепухина. Фонд реэмигранта, созданный после его смерти, с 2014 года при поддержке Правительства Ленинградской области регулярно проводит Международные научные конференции, получившие название «Слепухинские чтения». Обращает на себя внимание направленность и проблематика тем, заявленных на «Слепухинских чтениях», свидетельствующая о принадлежности представителей «второй волны» эмиграции к отечественному культурному наследию: «Идея Великой, Единой и Неделимой России в среде русской эмиграции», «Поиски путей для восстановления державы как основа общественно-философского существования русской эмиграции».

Предубеждения, на протяжении долгого времени являвшиеся причиной того, что эмигрантская литература данного периода подвергалась обструкции на Родине, а также недоступность произведений ее авторов, не позволяли провести анализ мемуаров и произведений писателей «второй волны». В нашем исследовании мы подошли к изучению с позиций и принципов научной объективности и историзма, несомненно, отмечая неоднозначность данного периода в российской культуре и определяя перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Уделяя внимание аксиологическому аспекту, мы извлекаем важный урок, применимый и в актуальной социокультурной и политической ситуации, с учетом цикличности исторических событий. Изучение драматических судеб людей, оказавшихся в силу комплекса причин вдали от Родины, в контексте причин и последствий выступления против политики родной страны, может служить важным духовно-нравственным уроком и предостережением для потомков, показывая драму маргинализации субъектов русской культуры в отрыве от России.

В то же время мы нацелены утверждать позиции того, что факт эмиграции и несогласия с политикой родной страны не означал для писателей «второй волны» разрыва с русской почвой и русской культурой. Напротив, литература «второй волны» эмиграции является неотъемлемой частью

культурного наследия России, поскольку, несмотря на факт эмиграции из России, своим творчеством писатели «второй волны» популяризируют и актуализируют образ России в общемировом культурном пространстве, способствуя включению отечественной литературной традиции в европейский контекст. Иллюстрациями этому служат однозначные высказывания самих эмигрантов, подчеркивающих, что эмигрантские поэты, хоть и были лишены культурного влияния, продолжали говорить от имени России, сохраняя за рубежом не только русский язык, но и русскую культуру и православие.

Кроме того, представляется значимым библейское толкование А. Коновалова относительно образа двух звезд, между которыми оказались эмигранты «второй волны»: первая звезда – мнимые, преходящие величины, тогда как вторая – «звезда жизни», ассоциирующаяся с вечными ценностями: верой, надеждой, любовью. Представляется, что именно эти вечные ценности находят свое отражение в аксиологической парадигме творчества представителей «второй волны».

Данной научной работой мы надеемся в долгосрочной перспективе решить задачу по изменению стереотипов в общественно-культурном сознании россиян посредством восстановления фактов об истинном отношении писателей «второй волны» эмиграции к родной стране и вечным ценностям, утверждавших, что Родина – в душе человека, его любви к Богу. Эта важная духовно-нравственная задача исследования обусловлена необходимостью взаимодействия идеологически разных творческих деятелей в рамках единого русского мира, ценностью каждого нашего соотечественника, независимо от места его нахождения.

Среди выполненных в рамках данного исследования дополнительных задач мы отмечаем следующие:

– было изучено творчество малоизвестных писателей (Борис Башилов, Сергей Максимов, Михаил Коряков), ряд произведений которых до сих пор не опубликован в России, что способствует восполнению существующих пробелов в отечественной культурологии и историографии;

– в научный оборот введены архивные источники и издания, ранее неизвестные или малоизвестные в России, представляющие собой уникальный материал творческого наследия писателей и поэтов;

– в процессе исследования были получены редкие экземпляры изданий, ранее относившиеся к библиотечным фондам и возвращенные нами в Россию из рук частных коллекционеров Европы и Австралии (фотокопии выходных данных таких изданий представлены в Приложении).

Значимость исследования заключается в том числе в формировании в рамках актуальной исторической и социокультурной действительности нового, непредвзятого взгляда на культуру «второй волны» эмиграции в общественном сознании, что позволит более полно осмыслить развитие культуры России XX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко, А. История литературы русского зарубежья (1920-е - начало 1990-х гг.): учебник для вузов. – Текст: электронный / А. П. Авраменко. – М.: Академический Проект, 2020. – 706 с. – URL: <https://www.rosmedlib.ru/book/ISBN9785829126070.html> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Агеносов, В. История литературы русского зарубежья. Вторая и третья волны: учебник для вузов / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. – М.: Юрайт, 2020. – 176 с.
3. Агеносов, В. История литературы русского зарубежья. Первая волна: учебник для вузов / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. – М.: Юрайт, 2020. – 365 с.
4. Агеносов, В. Литература Ди-Пи. Истоки формирования второй волны эмиграции. – Текст: электронный / В.В. Агеносов // Литературоведение. 1996. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-di-pi-istoki-formirovaniya-vtoroy-volny-emigratsii/viewer> (дата обращения: 07.06.2021).
5. Агеносов, В. Литература Русского Зарубежья (1918–1996): учеб. пособие для студентов пед. вузов и учащихся сред. учеб. заведений / В. В. Агеносов. – М.: Terra спорт, 1998. – 540 с.
6. Агеносов, В. Показавшему нам свет...: Леонид Ржевский (Суражевский) / В.В. Агеносов // Вестник Российской академии естественных наук. – 2015. – № 4. – С. 104–110.
7. Алферов, А. Эмигрантские будни/ А. Алферов. – Париж: Числа, 1933. – № 9. – С. 200–206.
8. Андреев, Г. Трудные дороги/ Г. Андреев. – Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1959. – 157 с.
9. Антропов, О. История отечественной эмиграции: учеб. пособие / О. К. Антропов. – Астрахань: Астраханский университет, 2011. – 409 с.

10. Анчаров, М. Великая демократизация искусства. – Текст: электронный // Московский центр авторской песни. – URL: https://www.ksp-msk.ru/page_222.html (дата обращения: 02.05.2022).
11. Аронов, А. Культурный Ренессанс Русского Зарубежья: учебное пособие для гуманитарных вузов / А. А. Аронов. – М.: Экон-Информ, 2007. – 264 с.
12. Аронсон, Г. Новое русское слово // Новый журнал. – Филадельфия. 1955. – Книга 41. – № 15793. – С.8.
13. Архангельский, Ю. Сущностная характеристика тоталитаризма и тоталитарной культуры в контексте культурологического знания / Ю. Е. Архангельский, И. И. Горлова // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 77–78.
14. Архивы русской эмиграции в Париже. – Текст: электронный. – URL: <https://paris1814.com/alpes/kellerberg> (дата обращения: 10.06.2021).
15. Аурилене, Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-ые годы 20 века: На примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Аурилене Евгения Евлампиевна. – Владивосток, 1996. – 24 с.
16. Афонин, Л. Иван Алексеевич Бунин: Памятка читателю / Орлов. обл. б-ка им. Н.К. Крупской. – Орел, 1958. – 22 с.
17. Бабичева, М. На чужбине писали о Родине: проза второй волны русской эмиграции: библиографические очерки. – М.: Пашков дом, 2020. – 590 с.
18. Багно, В. На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Российская акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский дом); [сост. Всеволод Багно, Джон Малмстад, Мария Маликова. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – 847 с.
19. Базанов, П. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)/ П. Н. Базанов. – Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2008. – 467 с.

20. Базанов, П. Петропольский Тацит в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. – Санкт-Петербург.: Владимир Даль, 2018. – 511 с.
21. Базанов, П. Юрий Григорьевич Слепухин и русская эмиграция в Аргентине/ Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения-2014 / П. Н. Базанов, Н. А. Слепухина. – Санкт-Петербург: Фонд Слепухина, 2015. – 715 с.
22. Бакина, Н. Российские художники-эмигранты во Франции: аспекты адаптации (1918–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Бакина Наталья Евгеньевна. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2005. – 21 с.
23. Бакуменко, Г. Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы реконструкции историко-культурного наследия / Г. В. Бакуменко, Т. В. Коваленко // Наследие веков. – 2015. – № 1 – С. 80–89.
24. Баринаева, Е. Обсуждение романа Ю. Бондарева «Берег» / Е. Баринаева // Вестник Московского университета. – Серия 10. Филология, 1976. – № 4. – С.82 – 84.
25. Бахтин, М. Автор и герой в эстетической деятельности – Текст: электронный / М. Бахтин // URL: https://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/5.pdf (дата обращения: 04.05.2022).
26. Бахтин, М. Автор и герой: к филос. основам гуманитар. наук / М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 332 с.
27. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
28. Бахтин, М. Собрание сочинений [в 7 томах] / М. Бахтин; Ин-т мировой лит. им. М. Горького Российской акад. наук. – М.: Русское слово, 1996.

29. Башилов, Б. Правые и левые, близкие и дальние: идейные основы правого и левого мировоззрения / Борис Башилов. – Буэнос-Айрес: Русь. – 34 с.
30. Березов, Р. Песни жизни / Р. Березов. – Одесса: Hope of Salvation Mission, 2003. – 360 с.
31. Березов, Р. Год уничтожения. Возрождение / Р. Березов. – Нью-Йорк, Новое русское слово. 1952–1953. – № 28. – 91 с.
32. Березов, Р. Все новое / Р. Березов. – Одесса: Hope of Salvation Mission, 2003. – 228 с.
33. Берков, П. Александр Иванович Куприн: критико-биограф. Очерк / П. Берков. – М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 194 с.
34. Богатырчук, Ф. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту / Ф. Богатырчук. – Сан-Франциско, 1978. – 124 с.
35. Болдырев, К. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия). – Текст: электронный / К. Болдырев // Вопросы истории. 1998. – №7. – URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/МЕНХЕГОФ-ЛАГЕРЬ-ПЕРЕМЕЩЕННЫХ-ЛИЦ-ЗАПАДНАЯ-ГЕРМАНИЯ> (дата обращения: 05.06.2021).
36. Болохвитинов, Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США / Н. Н. Болховитинов. – М.: РОССПЭН, 2005. – 139 с.
37. Болычев, И. Творческий путь Игоря Чиннова: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Болычев Игорь Иванович. – М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 1999. – 16 с.
38. Бондарев Ю. Берег. – Текст: электронный / Ю. Бондарев; [Худож. Г. И. Метченко]. – М.: Сов. Россия, 1986. – 397 с. – URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/bondarev3/11.html> (дата обращения: 05.07.2021).
39. Бондаренко, В. Умер Григорий Климов. – Текст: электронный / В. Бондаренко // Завтра. – № 52. – 2007. –

URL: http://www.gklimov.info/lib_articles/bondarenko_umer_grigoriy_klimov.html (дата обращения: 09. 10.2022).

40. Букарева, Н. Проблематика и поэтика военной прозы Л. Д. Ржевского (Суражевского): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Букарева Наталия Юрьевна. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2004. – 26 с.

41. Быков, В. Сотников; Обелиск: повести / Василь Быков. – М.: Терра-Кн. клуб, 2005. – 285 с.

42. Вайль, П., Генис, А. Вселенная без мозжечка / П. Вайль, А. Генис // Время и мы. – Нью-Йорк. – 1979. – №39. – С. 147–158.

43. Варшавский, В. Незамеченное поколение/ В. Варшавский; [сост., коммент. О. А. Коростелева, М. А. Васильевой]. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. – 542 с.

44. Воеводина, Л. Жизненный мир человека и «карнавальная» концепция истории / Л.Н. Воеводина, Г.А. Ермоленко, С.Б. Кожевников // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2. – С. 41–47.

45. Волошина, В. Образ Родины в представлениях детей-эмигрантов в 1920-е годы детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009): сборник докладов / сост. И. Ю. Белякова; редактор Л. А. Викулина. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2011. – С. 34–46.

46. Восставшие из небытия: антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции / В. В. Агеносов. – М.: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 734 с.

47. Воробьев, К. Убиты под Москвой. Это мы, господи! – Текст: электронный / К. Воробьев. – М.: Художественная литература, 1987. – URL: https://imwerden.de/pdf/vorobjev_ubity_pod_moskvoj_eto_my_gospodi_1987__ocr.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

48. Воронова, Е. Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг.: на материале мемуаристики: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Воронова Елена Васильевна. – Киров, 2007. – 19 с.

49. Вторая волна русской эмиграции // Новый журнал. № 267. – Текст: электронный. Филадельфия. – 2012. – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 30.08.2021).

50. Высоцкая, Е. Токмо за совесть. – Текст: электронный / Е. Высоцкая // Донской вестник. – Ростов-на-Дону. – 2018. – Выпуск 26. – С. 138–147. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1590 (дата обращения: 01.10.2022).

51. Газданов, Г. Литературные признания. Творчество на перекрестке традиций / Гайто Газданов // Собрание сочинений в 5 т. – М.: Эллис Лак, 2009. – Т. 1. – 875 с.

52. Ган, О. Культурология: учебник для студентов УрФУ технических и экономических специальностей / [Т. Ю. Быстрова и др.]; под общ. ред. О. И. Ган. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. – 192 с.

53. Генис, А. Третья волна: примерка свободы. – Текст: электронный / А. Генис // Звезда. – № 5. – 2010. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/tretya-volna-primerka-svobody.html> (дата обращения: 04.12.2022).

54. Герра, Р. В кривом зеркале антологии. Полемика. – Текст: электронный // Р. Герра // День литературы. – М., 2016. – URL: <https://denliteraturi.ru/article/1806> (дата обращения: 12.03.2021).

55. Герра, Р. Мои встречи с выдающимися представителями «второй волны» эмиграции / Р. Герра // Новый журнал. – 2015. – №278. – С. 289–305.

56. Глезеров, С. Судьба поэта Нарциссова. – Текст: электронный / С. Глезеров // Невское время. – СПб. – 2002. – URL: https://nvspb.ru/2002/12/05/sudmzba_poyeta_nartcissova-6854 (дата обращения: 20.03.2021).

57. Глэд, Д. Беседы в изгнании: Рус. лит. зарубежье / Джон Глэд. – М.: Кн. палата, 1991 (1992). – 318 с.
58. Горелик, Б. Российские эмигранты в Южной Африке: 1950–2003 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Горелик Борис Моисеевич. – М.: Ин-т Африки РАН, 2004. – 25 с.
59. Горячева, Ю. Горечь бегства своих от своих. – Текст: электронный / Ю. Горячева // Независимая газета. 07.07.2011. – URL: https://nvo.ng.ru/person/2011-07-07/2_bitterness.html (дата обращения: 20.03.2022).
60. Грани. Ежеквартальный журнал литературы, искусства и общественной мысли: архив номеров. – Ленинград: Алга-Фонд, МПП Петрополис, 1991.
61. Греков, М. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / Греков Максим Александрович. – Омск, 2008. – 131 с.
62. Данилевский, А. Мемуары в культуре русского зарубежья: сборник статей / [отв. ред. А. Данилевский]. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 287 с.
63. Двинов, Б. Власовское движение в свете документов (с прил. секрет. док.) / Б. Двинов. – Нью-Йорк, 1950. – 121 с.
64. Дельвин, С. Становление и развитие культуры русского зарубежья: на материале жизни и творчества детей эмиграции первой волны: дисс. ... канд. философ. наук: 17.00.08; 10.01.02 / Дельвин Сергей Борисович. – М., 1991. – 135 с.
65. Десяткова, О. Идея свободы личности в культурологической концепции Д. С. Мережковского: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Десяткова Ольга Владимировна. – Киров, 2006. – 19 с.
66. Дипийцы: материалы и исследования / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; ответственный редактор П. А. Трибунский. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. – 540 с.

67. Доронченков, А. Эмиграция "первой волны" о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Доронченков. – СПб: Дмитрий Буланин, 2001. – 214 с.
68. Достоевский, Ф. Преступление и наказание/Ф.М. Достоевский. – М.: Правда, 1974. – 544 с.
69. Ежегодник Дома русского зарубежья, 2014/2015. Вып. 5. – М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. – 715 с.
70. Елагин, И. Собрание сочинений в 2 т. / И. Елагин; сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Е. В. Витковского. – М.: Согласие, 1998. Т. 2. – 276 с.
71. Емельянов, Ю. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции / Ю. Емельянов; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 350 с.
72. Если чудо вообще возможно за границей...: эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / [сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелев]. – М.: Русское зарубежье: Русский путь, 2008. – 814 с.
73. Еремеева, А. Образовательная и научная и политика в условиях гражданского противостояния / А.Н. Еремеева // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х –1930-е годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 404–434.
74. Завалишин, В. Рецензия на книгу Фесенко Т.П. «Повесть кривых лет» / В. Завалишин. – Нью-Йорк: Новое русское слово, 1963. – 292 с.
75. Зайцев, Б. Собрание сочинений / Борис Зайцев; сост., авт. вступ. ст. и примеч. Т. Ф. Прокопов. – М.: Рус. кн., 1999.
76. Земсков, В. Рождение «второй эмиграции» /В. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 3–24.
77. Зеньковский, С. Верный флагу. Памяти Н.И. Ульянова (1905–1983). Отклики: сборник статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / ред. Всеволод Сечкарев. – Нью Хэвен, 1986. – 245 с.

78. Иванов, Г. Тройственный союз: (переписка 1953–1958 годов) / Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Роман Гуль. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2010. – 629 с.
79. Иваск, Ю. На Западе: антология рус. зарубеж. поэзии / сост. Ю. П. Иваск. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 398 с.
80. Ильин, И. Путь к очевидности/ И. А. Ильин; [Послесл. В. И. Кураева; Примеч. Р. К. Медведевой]. – М.: Республика, 1993. – 430 с.
81. Ипполитов, С. История России (российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920–1930-х гг.): Учебно-методический модуль / С. С. Ипполитов; М-во образования Рос. Федерации., Рос. гос. гум. ун-т. – М., Изд-во Ипполитова, 2003. – 319 с.
82. Ипполитов, С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М.: Издательство Ипполитова, 2004. – 368 с.
83. Ипполитов, С. Русские беженцы во Франции / С. С. Ипполитов // Новый журнал. – 1999. – № 217. – С. 179–191.
84. Каменева, К. «Свое» и «чужое» в культуре русской эмиграции «поколения полутора»: на примере творчества Г. Газданова: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 / Каменева Кира Дмитриевна. – М., 2008. – 23 с.
85. Китов, Ю., Гертнер С. Изменения к основам культурной политики как предмет культурфилософского анализа / Ю. В. Китов, С. Л. Гертнер // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 1. – С. 43–53.
86. Кленовский, Д. Стихи: Избранное из шести кн. и новые стихи, 1965–1966 / Дм. Кленовский. – Мюнхен: Междунар. лит. содружество, 1967. – 213 с.
87. Климов, Г. Песнь победителя/ Г. Климов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 542 с.
88. Климов, Г. Дело 69 / Г. Климов. – Севастополь: Видавництво ДиВо, 2014. – 95 с.
89. Кнабе, Г. Диалектика повседневности / Г. Кнабе // Вопросы философии. – 1989. – № 5. – С. 26–46.

90. Кознова, Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: осмысление исторического пути России: монография / Н. Н. Кознова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 251 с.
91. Кондаков, И. Культурное наследие: действительное и мнимое / И. В. Кондаков // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2016. – № 2 (11). – С. 9–16.
92. Кондаков, И. «Оттепель» в культуре русского зарубежья (опыт позднего Газданова) / И. В. Кондаков, Л. Б. Брусиловская // Газданов и мировая культура: сборник научных статей. – Калининград. – 2000. – С. 4–11.
93. Кондаков, И. Постижение культуры России: от менталитета – к глобалитету / И. В. Кондаков // Chinese Journal of Slavic Studies=Китайское славяноведение. – 2021. – № 1. – С. 47–60.
94. Кондратьева, Л. Культура России в концепциях Н. А. Бердяева и И. А. Ильина: Опыт сравнительного анализа: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01 / Кондратьева Людмила Николаевна. – Краснодар, 2002. – 144 с.
95. Коновалов, А. Высшие и мнимые ценности в военной прозе Л. Ржевского / А. А. Коновалов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 125–128.
96. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь = Dictionnaire philosophique / Андре Конт-Спонвиль; [пер. с фр. Е. В. Головиной]. – М.: Этерна: Палимсест, 2012. – 750 с. – Текст: электронный. – URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/ (дата обращения: 23.04.2021).
97. Коряков, М. Освобождение души/М. Коряков. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. – 364 с.
98. Котова, Т. Повседневная жизнь в европейских лагерях для перемещенных лиц в 1945–1952 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Котова Татьяна Александровна. – М., 2018. – 29 с.
99. Кравчинский, М. Музыкальные диверсанты (о Юрии Морфесси). – Текст: электронный / М. Кравчинский // Деком, 2016. – URL: <https://www.shanson.org/articles/yuri-morfessi> (дата обращения: 20.04.2021).

100. Крапивин, В. Лебединая песнь об исчезнувшей Риге. – Текст: электронный / В. Крапивин // Кентавр. – Исторический бестселлер. – 2009. – №1. – URL: <https://baltarchive.livejournal.com/41717.html> (дата обращения: 03.07.2022).

101. Кузнецова, Е. С.В. Рахманинов в эмиграции: социокультурная и творческая адаптация: дисс ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Кузнецова Екатерина Михайловна. – М., 2015. – 269 с.

102. Кулен, Е. Судьба русских «перемещенных лиц» в американской зоне оккупации в Баварии. К вопросу возникновения «второй волны» русской эмиграции. – Текст: электронный / Е. Кулен // Новый журнал. – Мюнхен. – 2019. – № 295. – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2019/295/sudba-russkih-peremeshhennyh-licz-v-amerikanskoj-zone-okkupaczii-v-bavarii.html> (дата обращения: 12.05.2022).

103. Курата, Ю. Русские эмигранты в Японии, 20-е - 30-е гг. XX в.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Курата Юка. – М., 1996. – 164 с.

104. Лавров, С. Выступление на торжественном собрании, посвященном 25-летию Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Москва, 18 октября 2021 г.

105. Ладинский, А. Собрание стихотворений/А. Ладинский. – М.: Викмо-М., Русский путь, 2008. – 347 с.

106. Ланин, Б. Проза русской эмиграции: (Третья волна): Пособие для преподавателей лит. / Борис Ланин. – М.: Новая школа, 1997. – 205 с.

107. Лау, Н. Мотив "духовного странничества" в прозе русской эмиграции: И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Лау Наталья Владимировна. – Воронеж, 2011. – 20 с.

108. Лебедева, Т. Творчество художников-эмигрантов М.А. Кичигина и В.Е. Кузнецовой-Кичигиной в контексте русского искусства XX века: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Лебедева Татьяна Альбертовна. – Ярославль, 2010. – 23 с.

109. Левицкий, Д. Воспоминания о ложе «Белый Лотос». – Текст: электронный/Д. Левицкий. – URL: https://muzeemania.ru/2021/07/07/levickij_belyj-lotos/ (дата обращения: 12.07.2021).

110. Литературное зарубежье: сборник-антология. – Мюнхен: Изд-во Центр. об-ния полит. эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1958. – 354 с.

111. Лихачев, Д. Мысли о жизни. Письма о добром: статьи, заметки / Д.С. Лихачев. – М.: Азбука, 2021. – 704 с.

112. Лихачев, Д. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М.: Прогресс, 1992. – 237 с.

113. Любимов, А. Между жизнью и смертью. Возвращенные имена: Сергей Максимов. – Текст: электронный /А. Любимов // Новый Журнал. – № 254. – 2009. – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/254/mezhdu-zhiznyu-i-smertyu.html> (дата обращения: 21.11.2022).

114. Максимов В.Е. – Л.Д. Ржевскому, 20 декабря 1978 г. Weineske.L. Rzevsky papers. Box6, folder 130.

115. Максимов, С. Голубое молчание / С. Максимов. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 232 с.

116. Максимов, С. Денис Бушуев / С. Максимов. – М.: РИМИС, 2016. – 337 с.

117. Максимов, С. Бунт Дениса Бушуева / С. Максимов. – М.: Лекстор, 2017. – 309 с.

118. Матвеев, П. Философия поступка М. Бахтина (опыт этической интерпретации) / П. Матвеев // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16. – С. 70–83.

119. Матвеева, М. Диалог культур в англоязычной прозе В. В. Набокова: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Матвеева Мария Валентиновна. – Шуя, 2010. – 23 с.

120. Матвеева, Ю. Советская действительность и «подсоветский» человек глазами писателя-эмигранта Бориса Ширяева. – Текст: электронный / Ю. Матвеева // Екатеринбург: Известия УрФУ. – Серия 2. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3. –

URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/343> (дата обращения: 06.08.2022).

121. Матвеева, Ю. Вторая мировая война в восприятии трех волн эмиграции. – Текст: электронный / Ю. Матвеева // Екатеринбург, 2016. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41232/1/qr_2_2016_08.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

122. Медведева, Т., Бушуева, С. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности Российской эмиграции / Т. Медведева, С. Бушуева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород – 2016. – № 2. – С. 32–41.

123. Месняев, Г. Предки. – Текст: электронный / Г. Месняев // Новый журнал. – 2014. – № 277. – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2014/277/predki.html> (дата обращения: 03.04.2021).

124. Михайлов, О. Иван Алексеевич Бунин: Очерк творчества / АН СССР. – М.: Наука, 1967. – 174 с.

125. Михеичева, Е. Образ России в творчестве писателей первой «волны» русской эмиграции / Е. А. Михеичева. – Брянск: Курсив, 2011. – 192 с.

126. Моршен, Н. Пуще неволи: Стихи / Н. Моршен. – М.: Сов. спорт, 2000. – 375 с.

127. Мы жили тогда на планете другой...: антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 (первая и вторая волна) в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. – М.: Московский рабочий, 1994–1997.

128. Набоков, В. Дар: Роман / Владимир Набоков; [авт. предисл. А. С. Мулярчик]. – М.: СП «Соваминко», 1990. – 347 с.

129. Набоков, В. Облако, озеро, башня: Романы и рассказы / Владимир Набоков; [Ред.-сост. и авт. предисл. Я. Маркович; Худож. Б. Лавров]. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 701 с.

130. Нароков, Н. Мнимые величины / Н. Нароков. – М.: Гудьял-Пресс, 2000. – 366 с.
131. Нароков, В. «Могу!»: роман в 2 ч. / Н. Нароков. – М.: Дружба народов, 1991. – 365 с.
132. Нарциссов, Б. Письмо самому себе: стихотворения и новеллы / Борис Нарциссов. – М.: Водолей, 2009. – 430 с.
133. Наставникам, хранившим юность нашу...: педагогика и педагоги русского зарубежья / сост. Л. С. Оболенская-Флам, О. П. Раевская-Хьюз. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2017. – 220 с.
134. Несмелов, А. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / Арсений Несмелов; [Сост. и коммент. Е. В. Витковского, А. В. Ревоненко; Предисл. Е. В. Витковского,]. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 461 с.
135. Николаева, Н. Стремление к всеславянскому единству как форма ответственности за судьбу родственных народов в мировоззрении о. Иоанна Кронштадтского / Н.В. Николаева // Вопросы культурологии. Сборник научных трудов. – Выпуск X. – М.: ГАСК, 2011. – С. 91–99.
136. Носова, О. Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Носова Ольга Евгеньевна. – М., 2004. – 18 с.
137. Нусинова, Н. Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939) и проблема взаимоинтеграции культур: автореф. дис. ... доктора искусствоведения: 17.00.03 / Нусинова Наталья Ильинична. – М., 2004. – 50 с.
138. О декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам: [постановление ГД ФС РФ от 08.12.1995 г.]. – Текст: электронный. – URL: <https://base.garant.ru/6182825/> (дата обращения: 01.03.2021).
139. Одна или две русских литературы? = Une ou deux littératures russes?: Междунар. симп., созв. Фак. словесности Женев. ун-та и Швейц. акад.

Славистики. – Женева, 13–14 апр. 1978 / [отв. ред. Жорж Нива]. – Lausanne: L'Age d'homme, cop. 1981. – 254 с.

140. Океанская, Ж. «Философия имени» отца Сергия Булгакова в контексте поэтической метафизики конца Нового времени: дис. ... доктора культурологии: 24.00.01 / Океанская Жанна Леонидовна. – Шуя, 2010. – 362 с.

141. Опыты: литературный журнал русской эмиграции: архив. – Текст: электронный. – Нью-Йорк.1953. – URL: <https://imwerden.de/publ-984.html> (дата обращения: 23.01.2022).

142. Осипов, Н. Внутренняя эмиграция в СССР / Н. Осипов. – Франкфурт-на-Майне: Грани, 1949. № 5. – 80 с.

143. Памяти Родиона Березова. – Текст: электронный/ Вера и жизнь. – №6. – 1996. – URL: https://archive.org/stream/B-001-000-484/06-96_djvu.txt (дата обращения: 13.07.2022).

144. Памяти Эммануила (Эдуарда) Штейна // Посев. – 1999. – № 12. – С. 48.

145. Перфильев, А. Когда горит снег: Рассказы / А. Перфильев. – Мюнхен: Космос, 1946. – 128 с.

146. Перфильев, А. Стихи. – Текст: электронный/ А. Перфильев. – URL: <https://vtoraya-literatura.com/> (дата обращения: 11.02.2021).

147. Постановление о проведении Конгресса соотечественников: [пост. Президиума ВС РСФСР от 25.01.1991]. Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР.1991. № 4. Ст.56.

148. Пархоменко, Т. Российская интеллектуальная элита в поисках «нового пути»: последняя треть XIX - первая треть XX века: дис. ... доктора истор. наук: 24.00.01 / Пархоменко Татьяна Александровна. – М., 2008. – 423 с.

149. Пархоменко, Т. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы: сб. науч. тр./ Т. А. Пархоменко. – М.: М-во культуры Российской Федерации; Рос. Ин-т культурологии, 2001. – 228 с.

150. Пархоменко, Т. Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 14 окт. 2015 / Мин-во культуры РФ, Рос. Научно-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева / ред.-составитель Т. А. Пархоменко. – М.: Институт наследия, 2015. – 240 с.

151. Пархоменко, Т. Эмиграция в дореволюционной России: предательство власти, измена родине или бегство к свободе? / Т. А. Пархоменко // Исторический журнал: научные исследования. – 2011. – № 2. – С. 11–18.

152. Платонов, О. Русское сопротивление на войне с антихристом. Из воспоминаний и дневников. – Текст: электронный / О. Платонов. – URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=111126> (дата обращения: 17.06.2022).

153. Поплавский, Б. Стихотворения / Б. Ю. Поплавский. – Томск: Водолей, 1997. – 191 с.

154. Поплавский, Б. Аполлон Безобразов / Б. Ю. Поплавский. – М.: Книга по Требованию, 2021. – 154 с.

155. Поплавский, Б. Домой с небес: Романы / Б. Ю. Поплавский; [Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л. Аллена; ил. Г. Ковенчука]. – СПб.: Logos: Голубой всадник, 1993. – 349 с.

156. Почему мы вернулись на Родину: свидетельства реэмигрантов / [сост., авт. предисл. и ввод. ст. А. П. Осадчая и др.]. – 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1987. – 398 с.

157. Пришвин, М. Дневники / М. М. Пришвин; [подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной]. – СПб.: Росток, 2007–2008. – 555 с.

158. Пронин, А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. – Екатеринбург: Издательство Уральского Университета. 2009. – 192 с.

159. Пронин, А. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: монография / А. А. Пронин. – М., Берлин: DirectMEDIA, 2015. – 525 с.

160. Путин, В. Выступление на конгрессе российских соотечественников. 2001. – Текст: электронный / В. Путин. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21359> (дата обращения: 02.03.2022).

161. Путин, В. Выступление в Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. 2019. – Текст: электронный / В. Путин. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61092/videos> (дата обращения: 02.03.2022).

162. Радзиховский, Л. Неизвестные солдаты / Л. Радзиховский // Российская газета. – 2007. – № 4359.

163. Резник, О., Заатов И. Мемороцентризм автобиографической прозы первой волны русской эмиграции: синтез субъективного и документального начал / О.В. Резник, И.А. Заатов // Филология и культура. – 2018. – № 4. – С. 203–208.

164. Ржевский, Л. Две строчки времени / Л. Ржевский. – Frankfurt am Main: Посев, 1976. – 188 с.

165. Ржевский, Л. Двое на камне / Л. Ржевский. – Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1960. – 131 с.

166. Ржевский, Л. Между двух звезд / Л. Ржевский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 408 с.

167. Ржевский, Л. ... показавшему нам свет: (оптимист. повесть) / Л. Ржевский. – Frankfurt am Main: Посев, 1960. – 139 с.

168. Ржевский? Л. Три темы по Достоевскому/ Л. Ржевский. – Frankfurt am Main: Посев, 1972. – 56 с.

169. Розанов, В. Уединенное: [Сборник] / В. В. Розанов; [Сост., вступ., коммент. и библиогр. А. Н. Николюкина]. – М.: Политиздат, 1990. – 541 с.

170. Розенберг, Н. «Жизненный мир» как культурно-исторический мир повседневности в феноменологии Э. Гуссерля / Н. Розенберг // Вестник ТГУ. – 2008. – № 8. – С. 251–255.

171. Русская мысль, газета: архив, первая четверть XX в, 1960-е-1990-е г. – Текст: электронный. – № 4128 от 30.05–05.06. – Париж, 1996. – URL: <http://www.emigrantica.ru/item/russkaia-mysl-parizh-1947> (дата обращения: 11.07.2021).

172. Русская поэзия Китая. Русская поэзия Китая: антология / Сост. Вадим Крейд и Ольга Бакич. – М.: Время, 2001. – 718 с.

173. Рутенберг, П. От террориста к сионисту. Том I: Россия – первая эмиграция (1879–1919). – Текст: электронный/П. Рутенберг. – URL: <https://itexts.net/avtor-vladimir-hazan/42662-pinhas-rutenberg-ot-terrorista-k-sionistu-tom-i-rossiya-pervaya-emigraciya-18791919-vladimir-hazan/read/page-13.html> (дата обращения: 13.02.2022).

174. Сабурова, И. О нас. – Текст: электронный / И. Сабурова. – Мюнхен, 1972. – URL: http://thelib.ru/books/saburova_i/o_nas-read.html (дата обращения 13.08.2022).

175. Сабурова, И. Корабли старого города / И. Сабурова. – Мюнхен. – 499 с.

176. Сабурова, И. Королевство Алых башен / И. Сабурова. – М.: Гудьял-Пресс, 2000. – 507 с.

177. Савицкий, Д. Я зашел к Николаю Петровичу просто так, без всякой цели. – Текст: электронный / Д. Савицкий. – URL: <https://www.litmir.club/br/?b=38231&p=4> (дата обращения: 04.07.2022).

178. Самарин, В. Месяц в Европе / В. Самарин // Мосты. – 1970. – № 15. – С. 116–127.

179. Самарин, В. Одиссея русского писателя (ко второй годовщине кончины Сергея Максимова) / В. Самарин // Возрождение. – 1969. – № 207. – С. 115–121.

180. Самарин, В. Тени на стене: Рассказы / В. Самарин. – Нью-Йорк: Русская книга, 1967. – 74 с.
181. Свен, В. Моль / Виктор Свен. – Мюнхен: Т-во зарубеж. писателей, 1969. – 318 с.
182. Свершилось. Пришли немцы! Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. О. В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2012. – 324 с.
183. Седова, Е. Образ Родины в общественно-философской мысли российской эмиграции «первой волны» / Е. Е. Седова // Нансеновские чтения. – СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. – С. 97–314.
184. Семинар «Другая Россия»: итоги и перспективы изучения русского Зарубежья. 2013. – Текст: электронный. – URL: <https://www.svoboda.org/a/25039203.html> (дата обращения: 13.09.2022).
185. Синкевич, В. Вторая волна русской эмиграции. – Текст: электронный / В. Синкевич // Новый Журнал. – № 267. – Филадельфия, 2012. – URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2012/267> (дата обращения: 17.05.2021).
186. Синкевич, В. Здесь я живу / В. Синкевич. – Филадельфия: Encounters, 1988. – 111 с.
187. Сирота, О. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны: культурно-просветительская деятельность и литературное творчество писателя-эмигранта Г.Д. Гребенщикова: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Сирота Ольга Сергеевна. – М., 2007. – 204 с.
188. Ситниченко, К. Русское Зарубежье «первой волны»: феномен культурной диаспоры в аспекте самоидентификации: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ситниченко Константин Евгеньевич. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
189. Скарлыгина, Е. В зеркале трех эмиграций: самоидентификация как проблема эмигрантского сознания / Е. Скарлыгина // НЛЮ. – 2008. – № 5. – С. 1–10.

190. Скворцова, Э. Эколого-культурная миссия русской эмиграции первой «волны»: На примере деятельности представителей русской музыкальной культуры: дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. – М., 2003. – 173 с.
191. Слепухин, Ю. Южный крест / Ю. Слепухин. – СПб: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1983. – 533 с.
192. Соловьев, В. Три волны эмиграции: хроника Русского зарубежья: Одиссея длиной в век / В. Соловьев. – М.: URSS, 2016. – 195 с.
193. Соловьев, М. Когда боги молчат; Малая война (Записки советского военного корреспондента) / М. Соловьев; [публикации и комментарии В. В. Агеносова]. – М.: АИРО-XXI, 1917. – 333 с.
194. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согамонова]. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
195. Степанова, Н. Россия в воспоминаниях писателей «первой волны» эмиграции/Н. Степанова. – М.: Издательство МГСУ «Союз». 1998. – С. 35–57.
196. Степун, Ф. Встречи / Федор Степун. – М.: Аграф, 1998. – 251 с.
197. Степун, Ф. Родина, отечество и чужбина. – Текст: электронный / Ф. Степун. – URL: <https://drevo-info.ru/articles/2803.html> (дата обращения: 12.01.2021).
198. Струве, Г. Русская литература в изгнании: (3-е изд., испр. и доп.) / Г. Струве. – М.: СП «Рус. путь»; Париж: УМСА-press, 1996. – 445 с.
199. Талалай, М. Русская судьба XX века: каторга, ссылка, изгнание. Воспоминания соловецких узников. – Текст: электронный / М. Талалай. – Соловки: Изд. Соловецкого монастыря, 2013. – Т. 1. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vospominanija-solovetskih-uznikov-tom-1/16 (дата обращения: 17.09.2022).
200. Тарле, Г. История российского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 – М., 1994. – С. 16–24.

201. Твардовский, А. Василий Теркин: книга про бойца / А. Твардовский; [послесл. Ю. Буртина]; ил. О. Веренского. – М.: Детская литература, 1980. – 207 с.

202. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека/ П. Тейяр де Шарден; [пер. с фр. Н. А. Садовского]. – М.: Наука, 1987. – 239 с.

203. Тишина, И. Духовное наследие И.С. Тургенева в культуре русского зарубежья XX-XXI вв.: дис ... канд. культурологии: 24.00.01 / Тишина Ирина Николаевна. – М., 2018. – 197 с.

204. Толстой, Л. Полное собрание сочинений/Л. Толстой, под общ. ред. В. Г. Черткова. – Репринтное воспр. изд. 1928–1958 гг. – М.: Terra, 1992.

205. Толстой, Л. Севастопольские рассказы. Севастополь в мае. 1855. – Текст: электронный. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1161/p.17/index.html> (дата обращения: 13.10.2022).

206. Торопов, Н. Без людей / Н. Торопов // Народный голос. – Кенигсберг. – 1944. – №4. – 13 декабря. – С. 1.

207. Торопов, Н. Ложь / Н. Торопов // Новое Слово. – Берлин. – 1943. – №56(542). – 24 января. – С. 2–3.

208. Троицкий, Н. Новеллы / Н. Троицкий; вступ. слово от изд-ва; биограф. очерк от изд-ва; предисловие Б. А. Филиппова. – Сан-Франциско: Глобус, 1983. – 239 с.

209. Тюпа, В. Художественность литературного произведения: вопр. типологии / В. И. Тюпа. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 217 с.

210. Тюпа, В. Художественный дискурс. Модусы художественности. – Текст: электронный / В. И. Тюпа. – URL: <https://nashaucheba.ru/v34289/?cc=5&page=4> (дата обращения: 07.02.2023).

211. Указ о восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период: [указ

президента РФ от 24.01.1995 №63]. Собрание Законодательства РФ. 1995. № 5. Ст. 394.

212. Ульянов, Н. Происхождение украинского сепаратизма / Н. Ульянов. – М.: Индрик, 1996. – 278 с.

213. Ульянов, Н. Большевизм и национальный вопрос. – Текст: электронный / Н. Ульянов // Возрождение. – Париж. – 1951. – № 13. – URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/ulyanov/3/j18.html (дата обращения: 07.02.2022).

214. Ульянов, Н. История и утопия / Н. Ульянов // Российский демократ. – Париж. – 1951. – № 1 (сб. 20). – С. 9–20.

215. Ульянов, Н. Культура и эмиграция / Н. Ульянов // Новый журнал. – 1952. – №28. – С. 261–272.

216. Федеральный закон о государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом: [федеральный закон от 24.05.1999 №99-ФЗ]. – Российская газета. – 1999. – 1 июня.

217. Фесенко, Т. Повесть кривых лет / Т. Фесенко. – Нью-Йорк: Издание «Нового Русского Слова», 1963. – 224 с.

218. Филиппов, Б. Избранное / Boris Filippow. – London: Overseas publ. interchange, 1984. – 400 с.

219. Ходынская, А. «И Россия, как белая лира...»: образ оставленной Родины в поэзии русской эмиграции первой волны / А. Ходынская // Вестник Самарского университета. – Самара. – 2016. – № 1. – С. 157–161.

220. Чайковская, И. Валентина... как поют твои соловьи. О поэтессе Валентине Синкевич. – Текст: электронный / И. Чайковская // Вашингтон: Sessgull magazine. – 2018. – URL: <https://www.chayka.org/node/9023> (дата обращения: 19.06.2022).

221. Чикаева, Т. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» / Т. Чикаева // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 40–49.

222. Чиннов, И. Собрание сочинений в 2 т. / И. Чиннов; [сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. О. Ф. Кузнецовой]. – М.: Согласие, 2000–2002.

223. Чуковский, К. Собрание сочинений в 15 т. / К. Чуковский; [сост. и коммент. Е. Чуковская]. – М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2001. Т. 2: От двух до пяти – 638 с.

224. Шашнева, Е. Архетип дома в творчестве К.Д. Бальмонта: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Шашнева Екатерина Николаевна. – Шуя, 2012. – 20 с.

225. Швецова, А. Национальная идентичность как социокультурный феномен / А.В. Швецова // Обсерватория культуры. – 2017. – № 6. – С. 653–661.

226. Шибаева, М. Трансформация представлений о творческой личности в отечественной эстетике / М. М. Шибаева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 10–17.

227. Ширяев, Б. Ди-Пи в Италии. = Di-Pi en Italia: Зап. продавца кукол / Б. Ширяев (А. Алымов). – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1952. – 269 с.

228. Шлиппе, И. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. – Текст: электронный / И. фон Шлиппе. М. 2012. – URL: <https://www.rp-net.ru/book/discussion/ishlippe.php> (дата обращения: 12.07.2022).

229. Шмаринова, Д. Проблемы социокультурной адаптации российских эмигрантов первой волны: на материалах произведений Гайто Газданова: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Шмаринова Дария Алексеевна. – М., 2012. – 24 с.

230. Шор, Ю. Культура как переживание (гуманитарность культуры): монография / Ю. М. Шор. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2003. – 220 с.

231. Штейн, Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи» / Э. Штейн. – Orange (Conn.): Antiquary, 1993. – 134 с.

232. Эткин, Е. Перечитывая «Покинутую Россию» // Перельман В. Покинутая Россия. 2-издание. – Нью-Йорк; Иерусалим; Париж: Время и мы, 1989. – С. 8.
233. Юпп, М. В поисках галактики Ди-Пи. – Текст: электронный / М. Юпп // День литературы. – 1996. – № 20048. – URL: <https://pub.wikireading.ru/173792> (дата обращения: 04.03.2023).
234. Юрасов, В. Параллакс: роман / В. Юрасов. – Нью-Йорк: Новое русское слово, 1972. – 481 с.
235. Юрасов, С. Василий Теркин после войны: (по А. Твардовскому) / С. Юрасов. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 189 с.
236. Яновский, В. Поля Елисейские: кн. памяти / В. Яновский; Предисл. С. Довлатова. – СПб.: Пушкин. фонд, 1993. – 276 с.
237. Яновский, В. Любовь вторая: избранная проза / В. Яновский; [предисл., коммент., пер. с англ. и фр. Марии Рубинс]. – М.: Новое Лит. Обозрение, 2014. – 603 с.
238. Fainsod M. Controls and Tensions in the Soviet System. GUL. BFCSC. Robert E. Kelley papers. Box4. Folder1.
239. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. – Текст: электронный. – URL: http://philotextes.info/spip/IMG/pdf/husserl_krisis.pdf (дата обращения: 09.07.2022).
240. La Première émigration russe: Vie polit. et intellectuelle. – Paris: Inst. d'études slaves, 1994. P.96.
241. Nikolaevsky B. Coll. Box.744. Fold.1. (Н.И. Ульянов). List.1.
242. Pivovar, E. L'étranger russe comme un phénomène culturel et social: son rôle et sa place en héritage historique et culturel / E. Pivovar. – Saint-Petersbourg: Aletheia, 2011. P. 391.
243. Tolkien J.R.R. On Fairy-Stories. HarperCollins Publishers, 2014.
244. Tolstaya A. The Russian DP. Russian Review, 1950, № 1. January. P. 58.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Раритетные издания
«второй волны» эмиграции

Г. В. МЕСНЯЕВ

ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО

Издание газеты "Россия"

Иью-Йорк

1965

Л. РЖЕВСКИЙ

... ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ

(оптимистическая повесть)

ПОСЕВ

02-876327 ✓

~~Кат. № 257~~

Л. РЖЕВСКИЙ

МЕЖДУ ДВУХ ЗВЕЗД

Экз. 75

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1953

BETWEEN TWO STARS

by

L. RZHEVSKI

Copyright, 1953, by

CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

БОРИС БАШИЛОВ

В МОРЯ И ЗЕМЛИ
НЕВЕДОМЫЕ

«ЮНОСТЬ»
МЮНХЕН

Читайте Новые Книги

БОРИСА БАШИЛОВА.

«Юность Колумба Российского».

Историческая повесть.

В тексте 12 рисунков художника К. Кузнецова.

Галиоты идут в Америку.

Впервые появляющаяся на русском языке книга, описывающая действия русских землепроходцев и мореходов на Алеутских островах, Аляске, Калифорнии и Гавайских островах.

В книге использованы неизвестные архивные данные.

Книга содержит большое количество иллюстраций.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-публицистический журнал.

НАШИ ИЗВЕСТИЯ

(Мана зэнге)

Журнал печатается типографским способом. Выходит два раза в месяц.

Library of
Russian Orthodox Parish
6 Oxford St., Collingwood.

Шлв. №608
Кам. №731 ✓

Л. РЖЕВСКИЙ

ДВОЕ НА КАМНЕ

Товарищество Зарубежных Писателей
Мюнхен

1960

ВЛАДИМИР САМАРИН

Тени на стене

РАССКАЗЫ

«РУССКАЯ КНИГА»

Нью-Йорк, 1967.

Обложка работы Николая Сафонова

Copyright by author. 1967.

All rights reserved

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

кат. № 349

С. ЮРАСОВ

Василий Тёркин после войны

(По А. Твардовскому)

Ильичит. 60

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1953

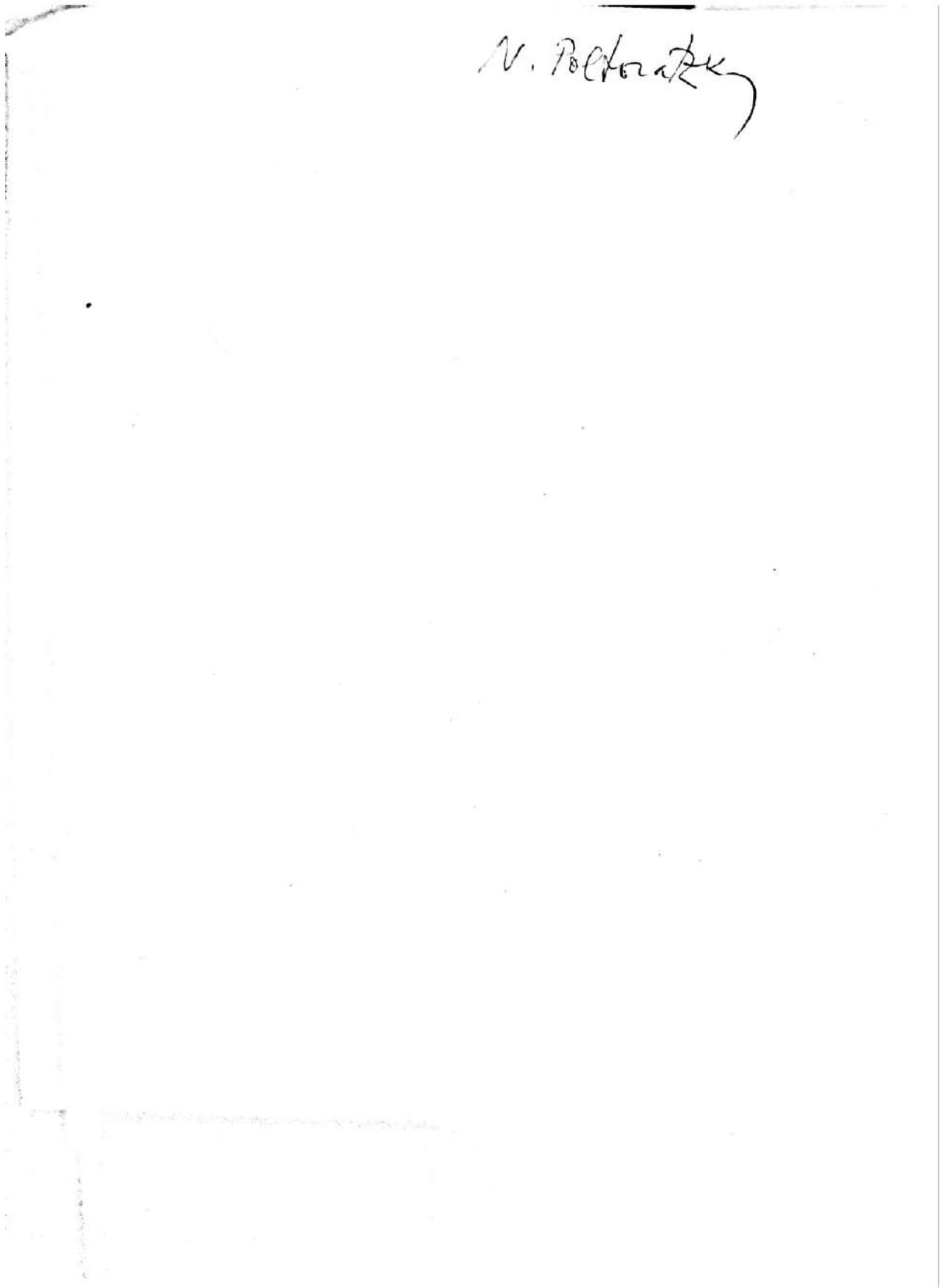
ТОГО ЖЕ АВТОРА :

«Враг народа». Роман. 208 стр. Цена \$2.00.

На фоне жизни советской администрации в Восточной зоне Германии автор — бывший подполковник Советской армии — нарисовал портрет советского майора Федора Панина, после тяжких разочарований решившего порвать с большевизмом и стать эмигрантом.

«К внутренним достоинствам книги хочется прежде всего отнести, что через нее чувствуешь некую вечную Россию». («Новый Журнал», 30-я книга).

N. Polonsky

ГЛЕБ СТРУВЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЗОРА
ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк • 1956

Г. АНДРЕЕВ

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ

Товарищество Зарубежных Писателей

Мюнхен

1959

Copyright by the author
Alle Rechte vorbehalten

Склад издания:

Г. Андреев, ЦОПЭ-Бюро, Мюнхен 19, Ренаташтр. 77

Satz und Druck: Georg Butow, München 5, Kohlstraße 3 b, Tel. 29 51 36.

Николай Троицкий

НОВЕЛЛЫ

Издательство «Глобус»
Сан Франциско
1983

Nikolaii Troitskii

NOVELLY

**Globus Publishers
San Francisco
1983**

80-летнему юбилею русского патриота и человека большой души Николая Александровича Троицкого, одного из выдающихся деятелей второй российской политической эмиграции посвящается эта книга.

Издательство.

От автора

Шел Христос по городам и деревням. Шел и плакал. И никто не признал Его. И никто не спросил Его: "О чем плачешь Ты?" И исполнилось Его: "И́ будете и скать Меня... и не найдете больше Меня".

* * *

*Человек незаметно подошел ко мне. Я вздрогнул и отшатнулся. Но он тихо сказал:
— Не бойся меня! Бойся их! Я стар, очень стар. Я родился в начале нашего века и умру в конце его. Целый век жизни! Век революции, войн, миллионов замученных и убитых, миллиарды новых рождений, растление человека и слабое мерцание Божественности!*

Нами почти утеряна вера в людей. Весь мир во лжи. Но я человек и ты человек. Вот возьми и сохрани! А если можешь, сделай это общим достоянием. Это все, что я и ты можем сделать. Только знай — никто не услышит нас. Уже поздно!

Ушел человек. И если вы скажете, чтобы я опознал его — я не смогу, ибо таких миллионы. Как я могу отличить его? Он как все!

* * *

Я развернул свиток и стал читать.

Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азар-Заровского.
Технический редактор — А. В. Гибанов.

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «Глобус».

**Globus Publishers, P. O. Box 27471
San Francisco, CA 94127. U.S.A. Tel. (415) 668-4723**

ТАТЬЯНА ФЕСЕНКО

**Повесть
КРИВЫХ ЛЕТ**

Издание
«Нового Русского Слова»

Нью Йорк

1 9 6 3

A. F. H. v. W. W. W.

THE TALE OF THE RAGGED YEARS
by
TATIANA FESSENKO

COPYRIGHT 1963 BY
TATIANA FESSENKO

Library of Congress Catalog Card Number: 63-12338

БОРИС ФИЛИПШОВ
ИЗБРАННОЕ

Library of
Russian Orthodox Parish
8 Oxford St., Collingwood.

Overseas Publications Interchange Ltd

Boris Filipoff: IZBRANNOE

First published in 1984
by Overseas Publications Interchange Limited
8, Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Boris Filipoff, 1984
Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Limited

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced or translated,
in any form or by any means, without permission

ISBN 0-903868-46-6

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany by Polyglott-Druck

ВЛАДИМИР ЮРАСОВ

ПАРАЛЛАКС

РОМАН

Новое Русское Слово — Нью-Йорк

1972

Обложка художника Николая Сафонова

Все права за автором и издательством W. W. Norton, Нью-Йорк, США

*Copyright © by Vladimir Yurasov — W. W. Norton & Company, Inc
55 5th Avenue, New York, U.S.A.*

Library of Congress Catalog Card No. 65—25943.

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

СБОРНИК-АНТОЛОГИЯ

1958
МЮНХЕН

Издательство Центрального Объединения Политических
Эмигрантов из СССР (Ц О П Э)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Антологический сборник «Литературное зарубежье» возник из желания издательства предложить читателям в СССР и эмигрантском рассеянии (последним, может быть, только напомнить) и з б р а н н о е из стихов и художественной прозы русских эмигрантских послевоенных писателей — тех, кто оказался на Западе во время или после войны и печатал свои произведения в десятилетие 1947—1957.

Все участники сборника — бывшие советские подданные; все (за исключением А. Кашина) родом из разных мест Советской России, в условиях которой большинство их росло и складывалось. Они пронесли за рубеж свое, советское, пережитое, тяжким опытом приобретенное знание быта, бед и надежд оставшихся там близких. В конечном счете, это беды и надежды миллионов подсоветских людей, и по сей час живущих под прессом партийной диктатуры, в обстановке беспрецедентной в истории, как это подчеркнула трагедия с Б. Пастернаком, духовной реакции и мракобесия.

Обо всем этом, обрета на Западе слово, они и пишут. В подчеркивании их о с о б о с т и — ответ на вопрос: оправдано ли деление эмигрантской литературы на «новых» и «старых» ее представителей, попавших за границу в первую, пореволюционную, волну эмиграции. Вероятно, все же, оправдано, хотя и не исключает, конечно, других критериев деления и отбора.

Из-за технических трудностей (не по признаку качества) ряд прозаиков и поэтов (В. Марков, Н. Ульянов и некоторые другие) в сборник не вошел — пробел, который, возможно, удастся восполнить, если у издательства явится возможность продолжить свое начинание. Обзорные сведения о творчестве вошедших и не вошедших в книгу авторов читатель может получить из помещенного в конце сопроводительного критического очерка Юр. Большухина «Обретенное слово».

Дм. Кленовский

С Т И Х И

ИЗБРАННОЕ ИЗ ШЕСТИ КНИГ

И

НОВЫЕ СТИХИ (1965—1966)

Мюнхен

1967

ВАЛЕНТИНА
СИНКЕВИЧ

ЗДЕСЬ
ЖИВ

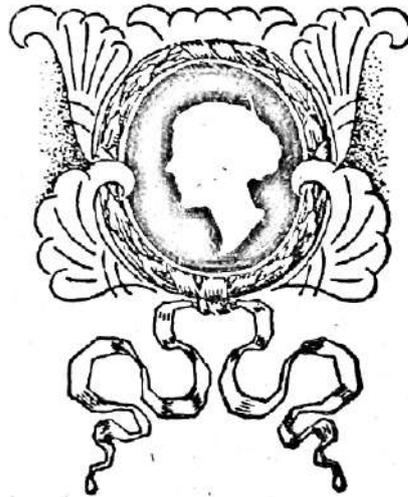
Обложка и иллюстрация Владимира Шаталова

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data
PG3488. 164Z28 1988 891.71 88 — 21219

ENCOUNTERS
7738 Woodbine Avenue
Philadelphia, Pa. 19151
U. S. A.

А. С. ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

ПРАГА 1945

Lenka Šandová

А. С. ПУШКИН

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Роман в стихах

1945

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУТОР» А. Г. ВИННИЧУК

ПРАГА XI, ЯГЕЛЛОНСКАЯ 24

БИБЛИОТЕКА «РУССКОЕ СЛОВО»

Хорошая книга — лучший друг.

Книгоиздательство «ХУТОР» приступило к изданию отдельных избранных произведений русских классиков, которые выпускаются в виде небольших изящных книжек. Книжки набираются по новой орфографии и с обозначением ударений.

В первую очередь выпущены из печати:

1. А. С. Пушкин: Борис Годунов. — 2. И. С. Тургенев: Пожар на море. — 3. И. С. Тургенев: Муму. — 4. А. С. Пушкин: Барышня-крестьянка. — 5. А. С. Пушкин: Станционный смотритель. — 6. А. С. Пушкин: Выстрел. Гробовщик. — 7. Н. В. Гоголь: Ревизор. — 8. Н. В. Гоголь: Тарас Бульба. — 9. Л. Н. Толстой: Кавказский пленник. — 10. М. Ю. Лермонтов: Стихи. — 11. А. П. Чехов: Рассказы. — 12. И. А. Крылов: Басни. — 13. В. Г. Короленко: Лес шумит. — 14. «Русское Слово» учебник русского языка для чехов. Составили: Д-р А. Бем, Д-р Мелихар, Д-р Варшавский (3-е издание). — 15. Вахтеров: «Букварь». — 16. А. П. Чехов: Рассказы II. — 17. А. С. Пушкин: Евгений Онегин. — 18. М. Ю. Лермонтов: Бэла. — 19. А. С. Пушкин: Капитанская дочка. — 20. А. С. Пушкин: Дубровский. — 21. Л. Н. Толстой: Хозяин и работник. — 22. С. Т. Аксаков: Из записок ружейного охотника. — 23. Е. Яковлева-Кутльвашир: «Мои фиалки». — 24. Н. А. Некрасов: Русские женщины. — 25. А. С. Пушкин: Пиковая дама. — 26. А. С. Пушкин: Руслан и Людмила. — 27. К. Симонов: Дни и ночи. — 28. В. Катаев: Сын полка. — 29. К. Симонов: Избранные стихотворения. — 30. И. Ю. Цурканович: Русская грамматика в сокращении.

Заказы следует направлять по адресу издательства.

Vydavatel: A. G. Wypnuczuk, Praha XI, Jagellonská 24.

Телефон 500-26.

А.П. ЧЕХОВ

РАССКАЗЫ

ПРАГА

1945

А. П. ЧЕХОВ

ПАССАЖИР 1-го КЛАССА
РОМАН С КОНТРАБАСОМ
НАЛИМ
ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

1945

В. Дорошевич

ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ

«ЭХО»

Регенсбург 1947 г.

Int. orthodoxe Buchhandlung
und Leihbücherei

Boris Hennicke
Stuttgart-Süd
Gebelsbergstr. 74

Verlag „ECHO“
Regensburg, Ganghofer-Siedlung,
Brentanostr. 6.
Authorized by EUCOM Civil Affairs
Division APO 757.

Цена 5 марок